

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

THE NEW HISTORICAL BULLETIN

№ 3(61)

2019

Москва 2019

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ

Журнал основан в 2000 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
С.В. Карпенко

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**А.Б. Безбородов, О.Г. Буховец, В. Goldman, Н.Т. Ерегина,
В.П. Зиновьев, В.Г. Корнелюк, Н.Г. Кулинич, О.В. Павленко,
А.М. Пашков, А.А. Симонов, В.Л. Успенский,
Д. Фильцер, Л. Чех, П.П. Шкаренков**

Ответственный секретарь **П.Н. Лебедев**
Переводчики **О.Н. Судакова, К.Дж. Сторэлла**
Обложка **А. Надточенко**

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:
121433, Москва, Б. Филевская, 69-2-67
Эл. почта: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс по каталогу «Урал-Пресс»: ВН002537

© Новый исторический вѣстникъ, 2019
© Редакция «Нового исторического вестника»
ООО «Смелый дизайн», 2019
© Издательство Ипполитова, 2019

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES**

INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES

Founded in 2000

EDITOR-IN-CHIEF
Sergey V. Karpenko

EDITORIAL BOARD

**A. Bezborodov, O. Bukhovets, L. Čech, N. Eregina, D. Filtzer,
W. Goldman, V. Karnialiuk, N. Kulinich, A. Pashkov, O. Pavlenko,
P. Shkarenkov, A. Simonov, V. Uspensky, V. Zinoviev**

Executive Secretary **P. Lebedev**
Translators **O. Sudakova, C.J. Storella**
Cover Designer **A. Nadtochenko**

Quarterly journal

Address:
69-2-67, Bolshaya Filevskaya St., Moscow, Russia, 121433

«Ural-Press» Catalogue Subscription Index: ВН002537

© Novyy Istoricheskiy Vestnik, 2019
© Novyy Istoricheskiy Vestnik Editorial Staff LLC
“Smelyi Dizayn”, 2019
© Ippolitov Publishing House, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Российская государственность

- Лизунов П.В.* С.-Петербургский Торговый банк: От меняльной лавки до акционерного коммерческого банка.....6
- Блохин В.Ф.* Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны.....29
- Климов И.П.* Из истории стахановского движения на транспорте Урала в годы довоенных пятилеток.....44
- Бодрова Е.В.* «Там, где распад стратегии, действует стратегия распада»: Академическое сообщество России о результатах либеральных реформ (1990-е годы).....58

События и судьбы

- Юрганов А.Л.* К истории разгрома и реабилитации «философского фронта» в СССР.....78

У книжной полки

- Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д.* Российская государственность и «горская архаика»: Об антинаучных проявлениях в современной историографии Северного Кавказа.....93
- Соловьев К.А.* Археология политической повседневности: Послесловие к монографии 2018 года.....115
- Цветков В.Ж.* Кооперация, либерализм и консерватизм накануне и после Великой российской революции: К истории их изучения в трудах А.В. Лубкова.....127

CONTENTS

Russian Statehood

- Lizunov P.V.* The St. Petersburg Merchant Bank: From Money Changer to Joint Stock Commercial Bank.....6
- Blokhin V.F.* Military Censorship in the Minsk Military District and the Beginning of the First World War.....29
- Klimov I.P.* From the History of the Stakhanovite Movement in the Urals Transport Sector during the Pre-War Five-Year Plans.....44
- Bodrova E.V.* “Where there Is a Collapse of Strategy, there Is a Strategy of Collapse”: Russia’s Academic Community on the Results of Liberal Reforms (the 1990s).....58

Landmarks in Human History

- Yurganov A.L.* Towards a History of the Defeat and Rehabilitation of the “Philosophical Front” in the USSR.....78

Book Reviews

- Akhmadov Ya.Z., Osmaev A.D.* Russian Statehood and “Mountain Archaic”: On Some Anti-Scientific Manifestations in the Modern Historiography of the North Caucasus Peoples.....93
- Solovyov K.A.* An Archeology of Daily Political Life: An Afterword to the 2018 Monograph.....115
- Tsvetkov V.Zh.* Cooperation, Liberalism, and Conservatism before and after the Great Russian Revolution of 1917: Towards a History of their Exploration in the Writings of A.V. Lubkov.....127

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Russian Statehood

П.В. Лизунов

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТОРГОВЫЙ БАНК: ОТ МЕНЯЛЬНОЙ ЛАВКИ ДО АКЦИОНЕРНОГО КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

P.V. Lizunov

The St. Petersburg Merchant Bank: From Money Changer to Joint Stock Commercial Bank

Изучение такого важного элемента экономической системы, как коммерческие банки и банкирские дома, необходимо для более полного понимания особенностей функционирования кредитных институтов в Российской империи и основ экономической политики российского правительства в XIX – начале XX вв.¹ С другой стороны, развитие коммерческих банков шло рука об руку с формированием крупной торговой, промышленной и финансовой буржуазии как части экономической и управленческой элиты, изучение которой необходимо для лучшего понимания не только экономических, но и важнейших социально-политических процессов, происходивших в стране накануне и в период «великих потрясений»².

В статье предпринята попытка на примере становления и развития банкирского дома «Г. Вавельберг» рассмотреть по-прежнему дискуссионную проблему об уровне развития кредитно-банковской системы дореволюционной России и ее эффективности.

Банкирский дом «Г. Вавельберг» и его владельцы

Основателем семейного банкирского предприятия был Гирш-Генрих (Генрих Михайлович) Вавельберг (1813 – 1891), происходивший из бедной еврейской семьи. В 1846 г. он открыл в Варшаве небольшую меняльную лавку «Г. Вавельберг», которая оказывала услуги по размену валют и продаже ценных бумаг, взимая небольшой процент за эти операции. Через два года, в 1848 г. Генрих и его младший брат Самуэль (1817 – 1893) открыли уже более крупное предприятие – банкирскую контору «Братья Вавельберг». Деятельность ее сводилась к инвестированию и привлечению сторонних

средств в учреждение акционерных обществ по строительству железных дорог, позднее – в создание системы эмеритальных касс на железных дорогах юго-запада России и Царства Польского. С середины 1880-х гг. фирма «Г. Вавельберг» стала активно участвовать в страховом и ипотечном деле на польской территории.

Самуэль Вавельберг с середины 1870-х гг. перестал заниматься делами семейного предприятия, хотя оно еще некоторое время продолжало называться банкирским домом «Братья Вавельберг». Вместо него к делам банка были привлечены сын основателя – Ипполит Генрихович Вавельберг (1843 – 1901) – и зять Станислав Матвеевич Ротванд (1839 – 1916)³.

В 1870 г. банкирский дом «Г. Вавельберг» открыл свой филиал в С.-Петербурге, который возглавил И.Г. Вавельберг. В 1886 г. банкирский дом был оформлен в полное товарищество «Г. Вавельберг», состоящее из двух полных товарищей И.Г. Вавельберга и С.М. Ротванда⁴. В 1889 г. совладельцами в товарищество вступили присяжный поверенный И.А. Шебеко, приходившийся зятем Ротванду, и О.С. Берсон, доводившийся шурином Вавельбергу.

После смерти Ипполита Вавельберга ему наследовал сын Михаил-Сигизмунд Вавельберг (1880 – 1947). Он окончил Царскосельскую Николаевскую гимназию (1899 г.) и Юридический факультет С.-Петербургского университета (1903 г.)⁵. Под его руководством банкирский дом «Г. Вавельберг» превратился в один из крупнейших частных банков в России. С падением влияния банкирских домов Гинцбургов и Поляковых его положение укрепилось еще больше.

По инициативе М.И. Вавельберга, на основе банкирского дома был учрежден акционерный коммерческий банк под названием «Санкт-Петербургский Торговый банк» со складочным капиталом 5 млн руб., который вскоре был увеличен до 10 млн руб.⁶ Открытие банка состоялось 1 марта 1912 г. Оно прошло весьма скромно, даже незаметно. Не все петербургские издания даже упомянули об этом событии. Те же, кто сообщал об открытии нового банка, ограничились лишь краткой информацией⁷. Журнал «Финансовое обозрение» отмечал: «Наблюдается стремление банкирских домов преобразоваться в акционерные общества. Еще недавно старинная московская фирма “Банкирский дом бр. Рябушинские” преобразовалась в акционерный «Московский Торговый банк» с основным капиталом 5 млн руб... Ныне опубликован устав нового коммерческого банка под название “Петербургский Торговый банк”, учредителями которого являются владельцы банкирской конторы “Г. Вавельберг”»⁸.

«Денежный палатцо»

Одновременно с учреждением С.-Петербургского Торгового банка для него было завершено строительство специального здания. Еще в 1910 г. М.И. Вавельберг приобрел участок на углу Не-

вского проспекта и улицы Гоголя, где решил построить новое здание для своего банка. В ноябре того же года им было подано в С.-Петербургскую городскую управу ходатайство о постройке банка, а 14 марта 1911 г. было получено разрешение. Проектирование было заказано архитектору М.М. Перетятковичу, победившему на закрытом конкурсе проектов. Общая площадь застройки составляла 400 кв. саж.⁹

На стадии обсуждения эскизов предполагаемого здания возникли некоторые сложности. С.-Петербургский градоначальник Д.В. Драчевский предлагал, «принимая во внимание... что дом занимает одно из лучших мест по главной улице в столице, окончательное суждение о художественных достоинствах проекта, если он будет одобрен Комитетом технической стороны, предоставить Императорской Академии художеств и уже с ее мнением внести фасад дома на высочайшее благоволение»¹⁰. Получив положительный отзыв со стороны Академии художеств и разрешение начальства, Перетяткович приступил к воплощению своего проекта.

В августе 1912 г. строительство было завершено. Огромное пятиэтажное с мансардой здание имело три фасада: один по Невскому проспекту и два по улице Гоголя. Высота дома составляла 30 м, длина неевского фасада – 52 м и оба фасада по улице Гоголя – 55 м. Это было первое в С.-Петербурге монолитно-каркасное здание, в основании которого лежала монолитная железобетонная плита

Дом был полностью облицован блоками грубоколотого темно-серого карельского (сердобольского) гранита, добываемого в каменоломнях на берегу и островах Ладожского озера, недалеко от города Сердоболь. Если цена квадратной сажени (4,55 м²) фасада обычного здания в С.-Петербурге за материал и работу составляла от 150 до 250 руб., то фасады банка Вавельберга – 500 руб. за квадратную сажень¹¹. Из того же карельского камня сделаны рустованные колонны, барельефы, пилястры и многочисленные фигурные украшения, исполненные какой-то мрачноватой символикой.

Разработка фасадного декора здания была выполнена скульпторами В.В. Козловым и Л.А. Дитрихом. На фасадах здания насчитывается 135 различных скульптурных украшений, из которых 48 были маски львов, а также человеческие и звериные головы, растения и воинская атрибутика.

Здание банка своим видом отличалось от остальных домов Невского проспекта. Современники из-за его внешнего сходства с Дворцом дождей в Венеции, Палаццо Медичи во Флоренции и банка Святого Духа в Риме называли его «Дворцом дождей» или «Денежным палаццо». Однако в обиходе чаще именовали «домом Вавельберга».

В начале сентября 1912 г. «Петербургская газета» сообщала в заметке «“Дворец Дожей” на Невском проспекте»: «На углу Невского проспекта и ул. Гоголя более года строился дом, принадлежащий

банкирскому дому Вавельберга. Только на днях сняты, наконец, леса, и фасад дома открылся взорам публики. Дом, действительно, нужно считать выдающимся по красоте. Сразу бросается в глаза его сходство со знаменитым Дворцом дождей в Венеции. Но в постройке сказалось, видимо, желание владельца соединить красоту с доходностью. И это отразилось на общем виде сооружения отрицательно. Верхняя часть не совсем гармонирует с нижней и является несколько тяжеловатой. Стильные венецианские окна уступили место окнам, характерным для обыкновенных доходных квартир»¹².

Сложилось общее мнение, что архитектор находился под сильным влиянием Палаццо дождей в Венеции. В интервью репортеру «Петербургской газеты» на вопрос об этом сходстве сам Перетяткович ответил, что у него «была эта идея», и он «имел в виду не специально Палаццо дождей, но вообще готический стиль, тот, который встречается в Северной Италии – в Болонье и во Флоренции». Верхняя часть дома, по словам архитектора, выстроена в стиле «Раннего Возрождения, но вообще он не задавался целью дать буквальную копию Палаццо дождей». На вопрос репортера, не будет ли здание резко выделяться на сером фоне Северной столицы, Перетяткович сказал: «Я ничего не делал бессознательно. Не знаю, что лучше: мой ли дом, или дом, выстроенный другой банкирской конторой, весь в каких-то дырках...». Перетяткович имел в виду здание Коммерческого банка «И.В. Юнкер и К^о» на Невском проспекте, 12, возведенный в 1910–1911 гг. по проекту архитектора В.И. Ван дер Гохта¹³.

Современники художественные достоинства нового здания банка оценивали неоднозначно¹⁴. Примером «беспринципного эклектизма», называл здание художник и историк искусства А.Н. Бенуа¹⁵. Г.К. Лукомский в беседе с журналистом «Петербургской газеты» высказал свое мнение относительно новых построек С.-Петербурга, в том числе и дома Вавельберга: «Очевидно, что красивый фасад – есть лучшая реклама, и для учреждений банка... В конце концов, сооружение такого банка требует огромного напряжения знаний и художественного чутья»¹⁶. Безусловно, в архитектурном отношении Перетяткович, как зодчий, и Вавельберг, как заказчик-банкир, стремились добиться необходимого визуального впечатления, солидности банка, доверия к нему клиентов.

Парадный вход в Торговый банк располагался в углу здания между Невским проспектом и улицей Гоголя в глубине арочной ниши. За массивными дубовыми дверями находился вестибюль в форме ротонды, из которого через неширокий проход вошедшие попадали в огромный операционно-кассовый зал высотой в два этажа, поделенный двумя рядами строгих ионических колонн черного цвета. Интерьер зала был весьма лаконичен: резной деревянный плафон и люстры каслинского литья – единственные его украшения. На уровне второго этажа вдоль всего операционного зала шла деревянная галерея, на которую вела широкая резная деревянная лестница в

конце зала. На втором этаже находились бухгалтерия и кабинеты руководства банка, по утверждению инспекторской группы Банка Франции, – «самые роскошные из тех, которые мы увидели в Санкт-Петербурге»¹⁷.

В докладе, подготовленном французским инспектором А. Колларом-Хостингом, о деятельности и устройстве российских банков отмечалось, что сам С.-Петербургский Торговый банк не представлял «большого интереса», если не считать некоторых примененных при его строительстве новшеств (в частности, при сооружении кладовых с сейфами, а также инженерного оборудования), которые «заслуживают внимания». Помещения кладовых с сейфами были оборудованы в подвале, куда вела лестница, начинающаяся в вестибюле у входа в операционный зал банка. Кладовые были полностью построены из железобетона. При их сооружении впервые в С.-Петербурге был применен новый метод гидроизоляции. Между двумя слоями бетона (внешним толщиной 20 см. и внутренним толщиной 60 см.) был проложен специальный гидроизолятор из тонкого слоя свинца, находящегося между двумя слоями пропитанной гудроном бумаги. Французская комиссия также обратила внимание на оригинальную систему наблюдения. В четырех углах смотрового коридора, оборудованного вокруг кладовой с сейфами, под углом 45° было установлено зеркало, которое позволяло с определенной точки просматривать все помещение. Благодаря небольшому окошку, выходящему на лестницу, контролер имел возможность наблюдать происходящее, не выходя в коридор¹⁸.

Положительно оценили французы системы отопления и вентиляции, примененные в Торговом банке. Два котла подогревали воду, которая под воздействием разницы в давлении циркулировала по трубопроводам в здании. Приток свежего воздуха осуществлялся одновременно с отводом отработанного воздуха. Большой вентилятор забирал воздух из внутреннего двора, затем воздух проходил через хлопковые фильтры. В зимнее время воздух прогревался водяными радиаторами, увлажнялся и направлялся сверху в зал. Забор отработанного воздуха осуществлялся снизу, при помощи пяти или шести вентиляторов, которые размещались под крышей. Комиссия пришла к заключению, что при строительстве банка архитектору удалось реализовать проект, предусматривающий комфорт и удобство. В ходе строительства были использованы замечательные инженерные идеи, что часто упускалось из виду, и в результате инженерные системы устанавливались уже после завершения строительства¹⁹.

В новом здании банк занимал лишь относительно небольшую площадь: часть первого, второго этажей и подвал. Часть свободных помещений арендовались правлениями Российской бумагопрядильной мануфактуры, Верхне-Исетских горных и механических заводов, сталелитейных и механических заводов «Сормово», акционерного общества «Русский Рено» и другими. Вдоль Невского проспек-

та на первом и втором этажах размещался ряд магазинов.

Организация и устройство С.-Петербургского Торгового банка

Устав С.-Петербургского Торгового банка был утвержден 15 декабря 1911 г. Учредителями банка, кроме М.И. Вавельберга, были его брат Вацлав Вавельберг, их мать Луиза Вавельберг, их сестра Ядвига (по мужу – Берсон) и двоюродный дядя О.С. Берсон²⁰.

Все лица, владевшие акциями С.-Петербургского Торгового банка, имели право присутствовать на общем собрании акционеров, но право голоса имели только те, кому принадлежало не менее 20 акций. Обладавшие 40 акциями имели два голоса, 70 – три, 100 – четыре, затем каждые 20 акций сверх 100 давали еще один голос. Однако в общем собрании акционеров никто из них не мог располагать числом голосов, превышающим одну десятую часть голосов присутствовавших членов собрания. Руководящими органами Торгового банка являлись общее собрание акционеров, Правление и Совет банка. Собрание по уставу собиралось не реже одного раза в год для обсуждения и принятия отчета за истекший год. На общем собрании избирались члены Правления банка в составе не менее трех человек и члены Совета банка в составе не менее пяти человек сроком на три года. Для избрания в Правление и Совет банка необходимо было иметь на свое имя не менее 50 акций. Члены Совета ежегодно избирали из своей среды председателя²¹.

Председателем Правления Торгового банка был избран М.И. Вавельберг, членами Правления – О.С. Берсон (товарищ председателя) и В.К. Торопков. Председателем Совета банка был выбран Н.Н. Кокшаров, членами Совета – В.Г. Струве, А.А. Смецкой, Н.А. Медведев, А.Ц. Слабошевич, А.Г. Малахов, П.Н. Исаков и М.И. Берсон²². Последний – адвокат Михаил Иванович Берсон – был мужем Ядвиги, урожденной Вавельберг.

В Торговом банке насчитывалось 26 отделов: бухгалтерия, 1-й биржевой, 2-й биржевой, вексельный, главная касса, займов и страхования, хозяйственный, безопасных ящиков, иностранных переводов, контроля, инспекции, корреспонденции, корреспонденции on call, on call, расчетный, регистратура, архив, русских переводов, секретариат, товарный, текущих счетов, фондовый, личного состава, контроля on call, контроля переводных счетов, городская контора²³. Штат служащих Торгового банка состоял из 200-250 человек, Московского отделения банка – около 70 человек²⁴. В 1917 г. в Петрограде служащих банка оставалось около 100 человек, не считая артельщиков, мальчиков и сторожей²⁵.

Доверенными и начальниками отделов Торгового банка в основном являлись бывшие сотрудники банкирского дома «Г. Вавельберг» в С.-Петербурге. Так Фондовый отдел возглавлял И.В. Юнгер,

Отдел специальных текущих счетов – Г.Ф. Небо, Отдел текущих счетов – Ф.Л. Спокойный, Отдел вексельных переводов – А.Ф. Форсберг, Отдел счетов залога – Г.Р. Реннерт, Кассовый отдел – Д.Ф. Селезнев. Должность главного бухгалтера занял О.Э. Бирман, которого в 1913 г. сменил К.К. Штремберг.

Торговый банк на основании постановления первого общего собрания акционеров от 29 февраля 1912 г. и с разрешения министра финансов В.Н. Коковцова приступил к дополнительному выпуску новых акций банка в количестве 20 тыс. по 250 руб. – на сумму 5 млн руб. Условия эмиссии были следующими: выпускная цена новых акций определялась в 302 руб. 50 коп. за каждую, из которых 250 руб. поступали в складочный капитал банка, 50 руб. – в запасной капитал и остальные 2 руб. 50 коп. – на расходы по выпуску. Владельцы акций, находящихся в обращении, пользовались преимущественным правом на получение новых акций в количестве одной новой на одну акцию прежнего выпуска. Они должны были не позже 30 июня 1912 г. представить в правление банка принадлежащие им подлинные акции или временные свидетельства для наложения на них штампа и одновременно внести полный взнос по требуемым ими новым акциям по 302 руб. 50 коп. за каждую²⁶.

По размеру складочного акционерного капитала С.-Петербургский Торговый банк занимал 13-е место среди всех российских коммерческих банков. В этом списке банки с капиталами до 10 млн руб. располагались следующим образом:

1. Русский для внешней торговли банк – 50 млн руб.
2. Русско-Азиатский банк – 49, 5 млн руб.
3. С.-Петербургский Международный банк – 48 млн руб.
4. Азовско-Донской банк – 37,8 млн руб.
5. С.-Петербургский Частный банк – 30 млн руб.
6. Соединенный банк — 30 млн руб.
7. Русский Торгово-промышленный банк – 25 млн руб.
8. Сибирский Торговый банк – 20 млн руб.
9. Варшавский Коммерческий банк – 20 млн руб.
10. Волжско-Камский банк – 18 млн руб.
11. С.-Петербургский Учетный и ссудный банк – 15 млн руб.
12. Московский Купеческий банк – 12,5 млн руб.
13. С.-Петербургский Торговый банк – 10 млн руб.
14. Московский банк – 10 млн руб.
15. Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К^о» банк – 10 млн руб.
16. Рижский Коммерческий банк – 10 млн руб.
17. Лодзинский Торговый банк – 10 млн руб.

Первые семь составляли первую группу банков с крупным складочным капиталом от 50 до 25 млн руб. С.-Петербургский Торговый банк входил во вторую группу «средних банков», имеющих основной капитал от 20 до 10 млн. руб. В третью, последнюю группу входили все остальные 24 акционерные банка с капиталами менее 10

млн руб.

Среди коммерческих банков столицы по величине основного капитала С.-Петербургский Торговый банк занимал 10-е место²⁷.

Обороты, балансы, прибыль

Уже в первый неполный год деятельности С.-Петербургского Торгового банка наблюдалось постоянное увеличение суммы баланса. За два месяца – июль и август 1912 г. – баланс увеличился почти на 6 млн руб., что объясняется, с одной стороны, приливом вкладов (на 2 млн руб.), с другой – возрастанием сумм, занятых у корреспондентов (на 3,2 млн руб.). Эти суммы были весьма значительными: задолженность банка по корреспондентскому счету *postro* выражалась в сумме 17,3 млн руб., в то время как складочный капитал банка составлял только 10 млн руб. Из активных операций у Торгового банка были развиты, главным образом, операции с частными негарантированными бумагами, как в виде ссуд и специальных текущих счетов, так и в виде кредитов корреспондентам. Этот последний счет и дал главное увеличение за рассматриваемый промежуток времени – 4,3 млн руб. Учетной операцией банк интересовался мало, и она выражалась почти постоянно в сумме около 6 млн руб.²⁸

К концу 1912 г. баланс Торгового банка достиг 47,4 млн руб., что было указано в опубликованном балансе банка на 1 декабря 1912 г.²⁹ Согласно анализу, помещенному в «Финансовом обозрении», С.-Петербургский Торговый банк развивался вполне успешно. С 1 сентября по 1 декабря 1912 г. учет векселей и специальный текущий счет под векселя увеличился с 5,8 млн руб. до 8,1 млн руб., что было очень существенно. В то же время операции с частными негарантированными бумагами, которые были сильно развиты, несколько сократились, а именно ссуды и специальные текущие счета – на 1,8 млн руб., а корреспондентские кредиты под эти бумаги – на 1,4 млн руб. По пассиву произошло некоторое сокращение вкладов (на 1,7 млн руб.) и увеличение задолженности банка корреспондентам по счету *postro*, которая и до того была сравнительно невелика³⁰.

20 марта 1913 г. состоялось очередное ежегодное общее собрание акционеров Торгового банка, на котором присутствовали 39 акционера, владевшие 26 161 акцией и имевшие 1 275 голосов. Наибольшее число акций предоставили М.И., В.Г. и Л.С. Вавельберги (по 4 000 акций каждый), М.И. Берсон (2 400 акций), О.С. Берсон (2 375 акций), банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве (2 400 акций) и “Nationalbank für Deutschland” (1 050 акций)³¹.

Из отчета Торгового банка следовало, что общий оборот банка (по дебету и кредиту) достиг 3 034 389 323 руб. По счету прибылей и убытков валовая прибыль выразилась в сумме 1 879 848 руб.³² Правление Торгового банка особо отмечало, что «осложнения» на Балканах за последнюю треть 1912 г. не благоприятствовали расширению

банковских операций.

Единогласно собранием был утвержден отчет о деятельности за истекший первый операционный год, продолжавшийся 10 месяцев, с 1 марта по 31 декабря 1912 г. Постановили выдать дивиденд по 20 руб. 85 коп. на акцию первого выпуска и по 12 руб. 50 коп. на акцию второго выпуска. Собрание акционеров уполномочило Правление банка, если оно найдет целесообразным, увеличить складочный капитал еще на 5 млн руб., доведя его до 15 млн руб. путем нового выпуска акций³³.

В июле 1913 г. Правлением Торгового банка на должность директора-распорядителя был приглашен член правления Азовско-Донского банка А.А. Верт. С 1 сентября он приступил к исполнению своих обязанностей в Торговом банке³⁴. В конце 1913 г. из состава правления банка вышел О.С. Берсон, который решил сконцентрировать внимание на деятельности собственного банкирского дома³⁵.

В апреле 1913 г. акции Торгового банка постановлением Совета Фондового отдела были допущены к котировке на С.-Петербургской фондовой бирже. Высшая их цена за первый год составляла 375 руб. в мае, низшая – 325 руб. в июле³⁶. Акции Торгового банка не относились к ходовым биржевым бумагам, с которыми регулярно совершались сделки на бирже. Они находились в «твердых руках» и не представляли особого интереса для биржевых спекулянтов.

Согласно отчету С.-Петербургского Торгового банка за 1913 г., предоставленному общему собранию акционеров 22 марта 1914 г., общий оборот банка за отчетный год выразился в сумме 3 645 422 904 руб. против 3 034 389 323 руб. за 10 месяцев предшествовавшего года. Баланс на 1 января 1914 г. выражался в сумме 62 216 408 руб. против 47 772 892 руб. на 1 января 1913 г.³⁷

Начавшееся в конце 1912 г. стеснение денежного рынка усилилось в 1913 г. и повлекло за собой значительное сокращение биржевых операций, а затем, во второй половине года, вылилось в полнейший застой на бирже.

Помимо этих общих причин на деятельности Торгового банка сказались специальные меры Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, в результате которых произошло значительное сокращение биржевых операций банка и временное уменьшение текущих счетов и вкладов³⁸. Решением Кредитной канцелярии Торговому банку был временно закрыт кредит в Государственном банке. Банку был поставлен ряд условий: во-первых, директор банка М.И. Вавельберг должен быть отстранен от должности, а во-вторых, банк был обязан приступить к восстановлению счетов своих наименее состоятельных клиентов, у которых вся сумма онкольного обеспечения не превышала 1-2 тыс. руб. Основанием для этих требований со стороны Министерства финансов явилось то обстоятельство, что во время Балканского кризиса банк стал требовать от своих клиентов дополнительного обеспечения по онколь-

ным счетам (онкольный кредит представляет заемщику право пользоваться средствами банка со специально открытого счета)³⁹.

В конце июля 1913 г., сразу же после того как требования были исполнены, министр финансов В.Н. Коковцов распорядился возобновить кредит Торговому банку⁴⁰.

Впрочем, вся эта «история преступления, наказания и прощения» банкира Вавельберга, по оценке журнала «Биржевая спекуляция и акционерное дело» выглядела весьма «странно!»⁴¹.

Финансовые результаты за 1913 г. были не столь благоприятны, как за предыдущий. Тем не менее, за вычетом уставных отчислений из прибыли дивиденд Торгового банка за второй операционный год был определен в размере 25 руб. на акцию⁴².

Следующий год, 1914-й, ознаменовался началом мировой войны.

В докладе Правления Петроградского Торгового банка общему собранию акционеров о деятельности банка за третий операционный год, 1914-й, обращалось внимание на возникшие чрезвычайные условия, вызванные войной. Резкое ухудшение денежного рынка при объявлении войны и необходимость представления дебиторам банка отсрочек и льгот в платежах при одновременном более интенсивном спросе по текущим счетам и вкладам, вынудило правление усилить кассовую наличность банка и сократить активные операции. Вследствие падения курса рубля и значительного повышения процентных ставок за границей Правление сочло необходимым уменьшить задолженности банка во Франции и Англии. В результате произошло некоторое сокращение оборотов банка и вместе с тем изменилось соотношение отдельных статей прибылей и убытков. Общий оборот банка за 1914 г. выразился в сумме 3 000 611 931 руб. против 3 645 422 904 руб. за предыдущий год. Акционерам в качестве дивиденда было выдано по 10 руб. на акцию⁴³. На 1 января 1915 г. баланс составил 54 193 710 руб. против 62 216 408 руб. на 1 января 1914 г.⁴⁴

Во время Первой мировой войны Петроградский Торговый банк в очень крупных размерах совершал сделки на «частной бирже», так как официальная Петроградская фондовая биржа была закрыта по распоряжению министра финансов П.Л. Барка.

Из-за экономических условий, ухудшавшихся по ходу Первой мировой войны, правление Петроградского Торгового банка продолжало проявлять осторожность в развитии активных операций, в связи с чем общий оборот банка за 1915 г. выразился в сумме 2 460 419 822 руб. против 3 000 611 931 руб. за предыдущий год. В 1915 г. чистая прибыль банка составила 626 458 руб., акционеры вновь получили дивиденд в размере 10 руб. на акцию⁴⁵.

Начавшиеся еще в 1914 г. изменения финансово-экономических отношений, вызванные войной, особенно резко сказались на банке в 1915 г. Урегулирование оборота, при обычных, довоенных, усло-

виях, совершавшееся при помощи кредита, почти полностью вытеснилось расчетом на наличные, что повлекло за собой два важных последствия. С одной стороны, значительно сократился вексельный товарный оборот и сузилась учетная операция, а с другой – образовалось значительное обилие свободных средств, вызывавшее усиленный рост вкладов и текущих счетов.

Баланс банка на 1 января 1916 г. был сведен в сумме 86 182 169 руб. против 54 193 710 руб. на 1 января 1915 г. В распоряжение акционеров после отчислений в запасной капитал, вознаграждений членам Совета и наград служащим поступило 641 927 руб. Несмотря на обесценивание денег и рост дороговизны, решено было ограничиться выдачей дивиденда в размере 10 руб. на акцию, как и в прошлом году⁴⁶.

В 1916 г., согласно отчету Правления Торгового банка общему собранию акционеров, баланс банка на 1 января 1917 г. был сведен в сумме 136 944 306 руб. против 86 182 169 на 1 января 1916 г. Чистая прибыль составила 1 653 300 руб. За вычетом отчислений в запасной капитал, вознаграждений членов Совета и танъемы (процент от чистой прибыли, выплачиваемый в качестве дополнительного вознаграждения) служащим, в распоряжение акционеров поступило 1 397 531 руб. Акционеры получили дивиденд в размере 25 руб. на акцию⁴⁷.

Семья Вавельбергов по-прежнему оставались наиболее крупными акционерами Петроградского Торгового банка. По-прежнему каждый из них владел по 4 000 акций банка.

Согласно данным газеты «С.-Петербургский биржевой день» личное состояние М.И. Вавельберга в 1914 г. составляло 7 млн руб.⁴⁸ По подсчетам журнала «Банки и биржа», на 1 января 1915 г. капитал Вавельберга равнялся 6 млн руб.⁴⁹ Сведения выглядят весьма достоверными и соответствуют данным из других источников.

В декабре 1916 г. курс акций Торгового банка составлял 368 руб., в то время как в декабре 1915 г. – 250 руб. Впрочем, курсы всех российских дивидендных ценностей из-за инфляции также выросли в 1916 г. по сравнению к 1915 г.⁵⁰

В январе 1917 г. акции Торгового банка на Петроградской бирже покупались по 362–383 руб. и продавались по 386–395 руб., а в феврале – по 442 и 560 руб. соответственно. В октябре на частных биржевых собраниях акции Торгового банка покупались по 460–480 руб.⁵¹

На состоявшемся 28 февраля 1917 г. чрезвычайном общем собрании акционеров Торгового банка обсуждался вопрос об увеличении основного капитала на 5 млн руб. Правление банка предложило общему собранию назначить размер выпускной цены новых акций в 300 руб. каждая. Преимущественное право подписки на новые акции было решено предоставить старым акционерам из расчета одна новая акция на две старые⁵².

Весьма внушительно выглядел список российских государственных учреждений, коммерческих организаций и отдельных лиц, ведущих дела с С.-Петербургским (Петроградским) Торговым банком. В нем перечислены почти все крупнейшие кредитные учреждения и акционерные предприятия, действующие в России⁵³. Из государственных учреждений была, например, Сыскная полиция (уголовный розыск) при канцелярии С.-Петербургского обер-полицмейстера. Естественно, что столь обширные связи были налажены еще в бытность банкирского дома «Г. Вавельберг» и продолжались затем Торговым банком. Некоторые из них имели коррупционный характер.

В мае 1914 г. в Государственной думе обсуждались обнаруженные чрезвычайной ревизионной комиссией Министерства народного просвещения финансовые нарушения с фондовыми операциями по покупке процентных бумаг Управлением пенсионной кассы народных учителей и учительниц Министерства народного просвещения, к которым оказались причастны банкирский дом «Г. Вавельберг», а затем и С.-Петербургский Торговый банк.

Суть их заключалась в следующем: когда во главе Министерства народного просвещения в октябре 1910 г. был поставлен Л.А. Кассо, в 1910 и 1912 гг. Управление пенсионной кассой продало значительное количество имевшихся у него процентных бумаг, а взамен купило другие с целью увеличить доходность. Переплата Управлением пенсионной кассы при покупке этих бумаг против биржевой цены в 1910 г. составила 17 тыс. руб., а недополучено при продаже бумаг было 5 600 руб.; в 1912 г. было переплачено при покупке бумаг до 19 тыс. руб. против их биржевой цены.

С 1909 г. на 1910 г. Управление пенсионной кассы сделало заказов на покупку ценных бумаг на 900 тыс. руб., переплатив при их покупке 3 300 руб. С 1910 на 1911 г. заказов было сделано уже на 2,5 млн руб., а затем переплачено 14 тыс. руб. С 1911 на 1912 г. заказов было уже на 4,6 млн руб., а перплата составила свыше 60 тыс. руб. С 1912 на 1913 г. заказов было на 4,2 млн руб. Всего по этим операциям Управлением пенсионной кассы было переплачено более 80 тыс. руб. При этом до 1907 г. операции Управления пенсионных касс по покупке процентных бумаг совершались исключительно через Государственный банк, а с 1910 г. покупка их стала производиться помимо Государственного банка, главным образом, у банкирского дома «Г. Вавельберг» и других частных банков. За 1911 г. ревизионная комиссия констатировала переплату до 32 тыс. руб. при покупке бумаг, а в 1912 г. – 103 тыс. руб.

В 1913 г., как обнаружила чрезвычайная ревизионная комиссия, Управление пенсионных касс Министерства народного просвещения не только уже не покупало ценные бумаги через Государствен-

ный банк, но стало приобретать ценности, не котирующиеся на С.-Петербургской фондовой бирже. И таких бумаг в 1913 г. было куплено более чем на 7 млн руб., а на 1914 г. было заказано еще на 3 млн руб. Ревизионная комиссия в своем отчете обратила внимание, что все не котирующиеся бумаги были куплены только у двух банков – С.-Петербургского Торгового и Петербургской конторы Московского Купеческого банка, причем у первого было приобретено 63 % всех бумаг, на 20,5 млн руб., а у второго – на 5,7 млн руб. Все эти данные, обнаруженные чрезвычайной ревизионной комиссией, наводили на мысль о чьей-то заинтересованности в таких покупках ценных бумаг государственным учреждением у частных банков⁵⁴.

Накануне Первой мировой войны С.-Петербургский Торговый банк был одним из главных акционеров Товарищества машиностроительного завода «Феникс». В портфеле банка к общему собранию «Феникса», состоявшемуся 30 ноября 1913 г., имелось 1 708 акций. Для сравнения: Русский для внешней торговли банка имел 6 500 акций «Феникса», С.-Петербургский Международный банк – 3 000, Азовско-Донской банк – 800.

С.-Петербургский Торговый банк являлся крупным акционером Северного стекольно-промышленного общества. К общему собранию акционеров 8 мая 1914 г. Торговый банк представил 1 319 акций, больше имели только Азовско-Донской банк (2 000 акций) и банкирский дом «Лампе и К^о» (1 500)⁵⁵.

В операциях по финансированию различных проектов восемь самых крупных петербургских банков сотрудничали друг с другом. Остальные, менее солидные, банки часто выступали участниками в операциях, во главе которых стояли четыре крупнейших банка (Торгово-Промышленный с Русско-Азиатским, ранее Международным, Сибирский – попеременно с обоими). Два самых больших банка – Русско-Азиатский и Международный – при финансировании масштабных предприятий зачастую выступали совместно. Азовско-Донской банк при эмиссиях ценных бумаг обычно привлекал к участию Международный и Русский для внешней торговли, а также более мелкие акционерные банки – С.-Петербургский Торговый банк, Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К^о» (ранее банкирский дом «И.В. Юнкер и К^о») и некоторые банкирские дома.

Самое крупное совместное участие петербургских банков было связано с организацией Russian General Oil. Перед Первой мировой войной в борьбе Russian General Oil с товариществом «Братьев Нобель», последнее поддерживал Азовско-Донской банк⁵⁶. Торговый банк входил в банковский консорциум по приобретению ценных бумаг «Братьев Нобель»⁵⁷. На состоявшемся 26 февраля 1914 г. очередном общем собрании пайщиков и акционеров товарищества нефтяного производства «Братья Нобель» наибольшее количество паев и акций предоставили Международный банк – на 3 815 750 руб., Азовско-Донской банк – 2 644 500 руб., С.-Петербургский Торговый

банк – 1 653 250 руб., Волжско-Камский банк – 1 074 000 руб., Торгово-Промышленный банк – 1 424 000 руб., Сибирский Торговый банк – 622 750 руб., Русско-Азиатский банк – 608 500 руб., Учетно-Ссудный банк – 294 250 руб., Коммерческий банк «И.В. Юнкер и К^о» – 226 000 руб., нефтепромышленное общество А.И. Манташев – 275 000 руб., Э.К. Нобель – 707 500 руб., Э.Л. Нобель – 622 500 руб., Лионский кредит – 153 000 руб., П.И. Гукасов – 452 000 руб.⁵⁸

Вклады и вкладчики

По сохранившимся «Балансам вкладов» С.-Петербургского (Петроградского) Торгового банка можно проследить изменения размеров вкладов и имена вкладчиков за все время его существования, с марта 1912 г. по февраль 1917 г. Размер вкладов на 31 марта 1912 г. составлял 1 727 444 руб., количество вкладчиков достигало 293 человек и фирм. Все они были бывшими клиентами банкирского дома «Г. Вавельберг» в С.-Петербурге. Наиболее крупными вкладчиками были А.Л. Брант (181 997 руб.) и М.Г. Забелло (70 000 руб.).

К 31 января 1913 г. размер вкладов увеличился до 2 400 848 руб. (срочные – 2 326 348 руб. и до востребования – 84 500 руб.), а число вкладчиков почти не изменилось – 287 человек и фирм. Вклады Брант и Забелло оставались наиболее крупными. К ним добавились вклады Л.А. Винавер (65 000 руб.), М.А. Цехановской-Божеряновой (65 000 руб.), Правления Акционерного общества Брянского рельсового и механического завода (500 000 руб.) и Русского Торгово-промышленного банка (75 000 руб.).

На 31 января 1914 г. размер вкладов достиг 2 689 938 руб. (срочных 2 689 238 руб. и до востребования 331 900 руб.), численность вкладчиков достигла 301. Как и в прежде, самыми крупными вкладчиками оставались Брант, Цехановская-Божерянова, Забелло, правление Акционерного общества Брянского рельсового и механического завода. Появились и новые крупные вкладчики: И.Б. Жук (60 000 руб.), А.З. Вербловский (50 000 руб.), товарищество «Богданов и К^о» с 16 вкладами на 310 000 руб.⁵⁹

К 31 января 1915 г. размер вкладов Петроградского Торгового банка сократился до 2 137 589 руб. (до востребования – 1 827 389 руб., срочные – 310 200 руб.), уменьшилось и количество вкладчиков до 182. Из них наиболее крупными были С. Гренцер (250 000 руб.), Брант (175 000 руб.), С.А. Фридлендер (62 000 руб.), Л.Е. Рудковская (50 000 руб.), Вербловский (50 000 руб.), товарищество «А.Н. Богданов и К^о» (260 000 руб.), тарифный отдел Акционерного Строительного общества (150 000 руб.), «Дюбуа и Тимме» (150 000 руб.)⁶⁰.

К 31 января 1916 г. сумма вкладов уменьшилась до 1 692 453 (срочные – 1 128 253, до востребования – 564 200 руб.). Количество вкладчиков сократилось до 108, из которых наиболее крупными

являлись Гренцер, Брант, товарищество «А.Н. Богданов и К^о», Тарифный отдел Акционерного Строительного общества, Правление компании Цепного пароходства по р. Шексне (50 000 руб.), торговый дом «И.Е. Гинцбург» (50 000 руб.), барон А.Г. Гинцбург (30 000 руб.)⁶¹.

Наконец, на 13 декабря 1917 г. сумма вкладов составляла всего 694 648 руб. (срочные 547 448 руб., до востребования 147 200 руб.), вкладчиков осталось 84 человека и фирмы. Многие успели снять срочные вклады еще до национализации банков большевиками; среди них были Брант и Гренцер. Из крупных вкладчиков оставались М.И. Вавельберг (47 019 руб.), К.К. Андерсон (40 000 руб.), Позизасон (50 000 руб.), Правление компании Цепного пароходства по р. Шексне (50 000 руб.), торговый дом «И.Е. Гинцбург» (50 000 руб.), товарищество «А.Н. Богданов и К^о» (93 200 руб.)⁶².

1917 год: «полная трагедия»

Зимой 1917 г. в биржевой прессе появились сообщения о возможном слиянии Петроградского Торгового банка с одним из провинциальных банков. Однако Правление банка категорически опровергло эти слухи, сообщив, что «Торговый банк стоит вне подобных комбинаций, так как крупных пакетов акций этого банка не имеется ни у кого, кроме семьи Вавельберг»⁶³.

К 1917 г. Петроградский Торговый банк имел три отделения. Еще в октябре 1912 г. открылось Московское отделение (Ильинка, 21), в марте 1916 г. – Харьковское (Николаевская площадь, 19) и в апреле 1917 г. – Знаменское (Знаменская площадь, Невский проспект, 83, и угол Лиговки). Управляющий Московским отделением был назначен В.В. Барто, управляющий Харьковским отделением – С.В. Гольденев⁶⁴. Планировалось открыть еще два отделения: в Киеве и Екатеринбурге.

3 мая 1917 г. под председательством Е.А. Манасевича состоялось последнее годовое общее собрание Петроградского Торгового банка, в котором приняли участие 17 акционеров. Наибольшее число акций представили М.И. Вавельберг, В.И. Вавельберг, Л.С. Вавельберг и Я.И. Берсон (каждый по 4 000 акций). Собрание единогласно утвердило отчет банка за 1916 г., рассмотрело и утвердило сметы расходов на 1917 г.⁶⁵

Накануне был опубликован баланс Торгового банка на 1 января 1917 г., который был сведен к 136 944 306 руб. против 86 182 169 руб. на 1 января 1916 г. По предложению Правления банка, размер дивидендов был установлен в 25 руб. на акцию⁶⁶.

При Временном правительстве братья Вавельберги в качестве представителей Торгового банка принимали активное участие в работе Совещания представителей акционерных коммерческих банков, участвовали в Синдикате банков по реализации «Займа свобо-

ды»⁶⁷.

В начале декабря 1917 г. братья Вавельберги, предчувствуя приближающуюся катастрофу, вели переговоры с руководством Русского Торгового-промышленного акционерного общества о продаже Торгового банка. О серьезности переговоров свидетельствует запись последнего в своем дневнике: «Среда 6 декабря. ...Если только у нас не произойдет полной трагедии, можно рассчитывать, что дело это благополучно окончится»⁶⁸.

Однако этой сделке не суждено было сбыться: произошла трагедия.

* * *

С развитием и усложнением экономических отношений в начале 1910-х гг. в России значение банковских домов и контор постепенно начинает падать. Им становилось все сложнее конкурировать с крупными акционерными банками, которые обладали более солидными капиталами, пользовались государственной поддержкой, имели тесные связи с иностранными банками, располагали разветвленной сетью филиалов и отделений в разных городах страны.

Следом за банковскими домами «Братья Рябушинские» и «Г. Вавельбергом» акционировались еще несколько известных банковских контор: «И.В. Юнкер и К^о», «Вильгельм Ландау», «А.М. Бродский», «Маврикий Нелькен». Другие банковские заведения в условиях нарастающего экономического кризиса, порожденного мировой войной, в своем развитии шли в том же направлении.

Однако этот процесс был прерван приходом к власти большевиков и национализацией всех коммерческих банков.

Утром 14 декабря 1917 г. все петроградские коммерческие банки, по плану, разработанному председателем большевистского Совнаркома В.И. Лениным, были заняты вооруженными отрядами красногвардейцев. Вечером того же дня Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом были приняты два декрета. Согласно первому – «О национализации банков» – банковское дело объявлялось государственной монополией, а все существующие частные акционерные банки и банковские конторы объединялись с Государственным банком. Согласно второму – «О ревизии стальных ящиков в банках» – все деньги, хранящиеся в банковских сейфах передавались на текущий счет клиентов в Государственном банке. Золото в монетах и слитках конфисковалось и передавалось в общегосударственный золотой фонд⁶⁹.

Наконец, 23 января (5 февраля) 1918 г. Совнарком за подписью В.И. Ленина издал декрет, по которому акционерные капиталы конфисковывались в пользу Советской власти. Все банковские акции аннулировались, а всякие выплаты дивидендов по ним прекращались⁷⁰. Этот декрет явился логическим завершением двух предыду-

щих декретов. Со всех частных банков Петрограда были удалены вывески с их наименованиями и заменены плакатами с надписью «Отделение Народного банка Российской Республики».

Петроградский Торговый банк, преобразованный из банкирского дома «Г. Вавельберг», с почти 70-летней историей, перестал существовать, как и все остальные российские банки. После национализации частных акционерных банков были ликвидированы Общества взаимного кредита, ипотечные банки и городские кредитные общества. К концу 1918 г. единственным кредитным учреждением на всей территории РСФСР остался Народный банк (бывший Государственный банк).

Примечания Notes

¹ *Ананьич Б.В.* Банкирские дома в России, 1860 – 1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Ленинград, 1991; *Морозан В.В.* Крушение первых коммерческих банков Одессы и Кишинева // *Revista de istorie a Moldovei*. 2012. № 3 (91). Р. 74–91; *Лизунов П.В.* Петербургский банкирский дом «И.Е. Гинцбург»: «падение титана» // *Экономическая история*. 2014. № 2 (25). С. 8–18; *Лизунов П.В.* Крах петербургского Российского торгового и комиссионного банка: причины и последствия // *Российская история*. 2017. № 6. С. 67–82; *Саломатина С.А.* Банковский кредит в Российской империи в 1860 – 1914 гг.: современные концепции и новые данные // *Российская история*. 2018. № 4. С. 170–187; *Алимджанов Б.А.* История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. История. 2018. Т. 63. №. 2. С. 597–613.

² *Ананьич Б.В.* Капитализм с человеческим лицом // *Родина*. 2005. № 5. С. 68–74; *Петров Ю.А.* Крах Алчевского и фирма Рябушинских // *Отечественная история*. 1995. № 4. С. 52–75; *Лизунов П.В.* Штиглицы – «некоронованные короли» российских финансов // *Вопросы истории*. 1999. № 10. С. 35–51; *Морозан В.В.* Предпринимательский род Сикар в Одессе: коммерческая деятельность // *Экономическая история*. 2010. № 1. С. 54–57; *Саломатина С.А.* Труды Ефима Эпштейна и развитие концепций в изучении истории банков Российской империи // *Вестник Московского университета*. Серия 8: История. 2015. № 2. С. 79–94; *Юдин Е.Е.* Благополучие семьи князей Белосельских-Белозерских в 1890 – 1917 гг. // *История и архивы*. 2019. № 1. С. 9–27.

³ *Лизунов П.В.* Банкирский дом «Г. Вавельберг» в Варшаве и Санкт-Петербурге // *Еврей Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература*. Санкт-Петербург, 2018. С. 33–35

⁴ *Указатель действующих в Империи акционерных предприятий и торговых домов*. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1905. С. 495.

⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14. Оп. 3. Д. 37135. Л. 2–3, 7–11.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5; *Торгово-промышленный мир России*, 1915. Ч. II. Петроград, 1915. Отд. II. С. 23.

⁷ *Биржевые известия (Санкт-Петербург)*. 1912. 3 марта. С. 2.

⁸ *Финансовое обозрение*. 1912. № 3. С. 16.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 52. Д. 156. Л. 1–3; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1293. Оп. 143. Д. 44. Л. 1–5; *Зодчий*. 1910. № 17. С. 185; *Зодчий*. 1910. № 49. С. 494.

¹⁰ РГИА. Ф. 1293. Оп. 143. Д. 44. Л. 3–4.

¹¹ *Лодыгин А.Н.* О способах добывания электрической энергии в Олонецкой и Нижегородской губерниях для пользования ею в местах кустарного производства // *Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России*. Т. XI. Петроград, 1915. С. 286.

¹² *Петербургская газета*. 1912. 4 сент.

¹³ *Петербургская газета*. 1912. 6 сент.

¹⁴ *Лукомский Г.К.* Современный Петроград: Очерк истории возникновения и развития классического строительства: 1900 – 1915 гг. Петроград, 1916. С. 72–74; *Бенуа А.Н.* Александр Бенуа размышляет...: Статьи, письма, высказывания. Москва, 1968. С. 146.

¹⁵ *Бенуа А.* Художественный итоги // *Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год*. Санкт-Петербург, 1913. С. 411.

¹⁶ Новые постройки в Петербурге (Беседа с архитектором-художником Г.К. Лукомским) // *Петербургская газета*. 1912. 9 сент.

¹⁷ Государственный банк в 1913 году: Французский взгляд. Москва, 2015. С. 146.

¹⁸ Государственный банк в 1913 году: Французский взгляд. Москва, 2015. С. 146, 147.

¹⁹ Государственный банк в 1913 году: Французский взгляд. Москва, 2015. С. 147, 148.

²⁰ *Собрание узаконений и распоряжений правительства*. 1912. 14 января. № 9. Ст. 37. С. 387–403.

²¹ Там же.

²² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 9об.

²³ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 88. Л. 1–125.

²⁴ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 83. Л. I–XXIX; Д. 86. Л. 1–2.

²⁵ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–3.

²⁶ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5об.; *Вестник финансов, промышленности и торговли*. 1912. Т. 2. № 21. С. 425.

²⁷ *С.-Петербургская биржа*, 1912. Санкт-Петербург, 1913.

²⁸ *Финансовое обозрение*. 1912. № 22. С. 4.

²⁹ *Финансовое обозрение*. 1913. № 3. С. 26.

³⁰ *Финансовое обозрение*. 1913. № 4. С. 5.

³¹ *Банковая и торговая газета (Санкт-Петербург)*. 1913. № 3 (март). С. 76.

³² ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 5, 5об.

³³ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 6, 6об.; *Финансовое обозрение*. 1912. № 7. С. 10.

- ³⁴ Обзорение театров (Санкт-Петербург). 1913. 30 июля. С. 13; 4 сент. С. 22.
- ³⁵ Отчет Петроградского Торгового банка за 1914 год. Петроград, 1915. С. III.
- ³⁶ Финансовое обозрение. 1913. № 9. С. 11; С.-Петербургская биржа, 1913. Санкт-Петербург, 1914. С. 47.
- ³⁷ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 46, 46об.
- ³⁸ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 161. Д. 431. Л. 46.
- ³⁹ Финансовое обозрение. 1913. № 16. С. 2.
- ⁴⁰ Финансовое обозрение. 1913. № 17. С. 13.
- ⁴¹ А.В. Наказанный и прощенный банкир // Биржевая спекуляция и акционерное дело. 1913. № 1. С. 6–7.
- ⁴² Отчет Петроградского Торгового банка за 1913 год. Петроград, 1914. С. 1, 2.
- ⁴³ Отчет Петроградского Торгового банка за 1914 год. Петроград, 1915. С. I–II.
- ⁴⁴ Финансовое обозрение. 1914. № 2. С. 13; № 7. С. 11; Торгово-промышленный мир России, 1916. Петроград, 1916. Ч. IV. Отд. I. С. 16.
- ⁴⁵ Всеобщий календарь на 1916 г. Петроград, 1915. С. 309, 310; Всеобщий календарь на 1917 г. Петроград, 1916. С. 298, 299.
- ⁴⁶ Отчет Петроградского Торгового банка за 1915 год. Петроград, 1916. С. I–II.
- ⁴⁷ Отчет Петроградского Торгового банка за 1916 год. Петроград, 1917. С. I–II; Обзорение театров. 1917. 5 мая. С. 11.
- ⁴⁸ С.-Петербургский биржевой день (Санкт-Петербург). 1914. 12 марта.
- ⁴⁹ Банки и биржа. 1915. № 1. С. 7.
- ⁵⁰ Обзорение театров. 1917. 1–2 янв. С. 19.
- ⁵¹ Обзорение театров. 1917. 6/7 янв. С. 18; 22/23 января. С. 15; 3 окт. С. 10; 5 окт. С. 11.
- ⁵² Обзорение театров. 1917. 8 февр. С. 18.
- ⁵³ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 46. Л. I–XVIII об.
- ⁵⁴ Государственная дума: Четвертый созыв: Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Ч. IV. Заседания 76–97 (с 7 по 28 мая 1914 г.). Санкт-Петербург, 1914. Ст. 875–878.
- ⁵⁵ Обзорение театров. 1913. 9 мая. С. 15.
- ⁵⁶ Гиндин И.Ф. Русские коммерческие банки: Из истории финансового капитала в России. Москва, 1948. С. 367, 368.
- ⁵⁷ Ванаг Н.Н. Финансовый капитал в России накануне мировой войны: Опыт историко-экономического исследования системы финансового капитала в России. Харьков, 1930. С. 148, 179.
- ⁵⁸ Финансовое обозрение. 1914. № 5. С. 16.
- ⁵⁹ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–98.
- ⁶⁰ Там же. Л. 128–133.
- ⁶¹ Там же. Л. 151–154.
- ⁶² Там же. Л. 170–182.
- ⁶³ Обзорение театров. 1917. 19/20 февр. С. 18.

⁶⁴ РГИА. Ф. 627. Оп. 1. Д. 91. Л. 24об., 25.

⁶⁵ Обзорение театров. 1917. 5 мая. С. 12.

⁶⁶ Обзорение театров. 1917. 30 апр./1 мая. С. 13.

⁶⁷ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции: Март – октябрь 1917 г.: Документы и материалы. Ч. 1. Москва; Ленинград, 1957. С. 197, 198, 260, 261, 281, 282; Ч. 2. Москва; Ленинград, 1957. С. 339–398.

⁶⁸ Глазами петроградского чиновника // Нева. 1990. № 10. С. 196.

⁶⁹ Декреты Советской власти. Т. 1. Москва, 1957. С. 230, 231.

⁷⁰ Там же. С. 390, 391.

Автор, аннотация, ключевые слова

Лизунов Павел Владимирович – докт. ист. наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Северодвинск, Архангельская область)

p.lizunov@narfu.ru

В статье рассматривается история С.-Петербургского Торгового банка как пример превращения частных банкирских заведений в акционерные коммерческие банки. Это превращение как закономерное экономическое явление стало происходить в России в начале 1910-х гг. Банкирский дом «Г. Вавельберг» являлся одним из старейших частных банков Российской империи. Возникнув в Варшаве в 1848 г. из мелкой разменной лавки, он в 1870 г. открыл свое отделение в С.-Петербурге. На протяжении всей своей истории банкирский дом «Г. Вавельберг» сохранял характер семейного предприятия, созданного представителями одного финансового клана еврейского происхождения. На его основе были учреждены два акционерных банка: в 1911 г. – С.-Петербургский Торговый банк и в 1913 г. – Западный банк в Варшаве.

Изучение истории банковского дела в целом, равно как и деятельности конкретных банков, имеет важное значение для понимания особенностей развития российской экономики, а также социальных и политических процессов, происходивших в предреволюционной России. В конце XIX – начале XX вв. значение банкирских домов постепенно падало. Им становилось все сложнее конкурировать с крупными акционерными банками, которые обладали более солидными капиталами, пользовались государственной поддержкой, имели тесные связи с иностранными банками, располагали разветвленной сетью филиалов и отделений в разных городах России и европейских стран. Поэтому банкирский дом «Г. Вавельберг», как и ряд других известных банкирских домов были преобразованы в акционерные коммерческие банки.

Банковское дело, банкирский дом, акционерный банк, С.-Петербургский (Петроградский) Торговый банк, Министерство финансов, финансовая политика, коррупция, Первая мировая война, евреи, семья Вавельберг.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Alimdzhanov, B.A. Istoriya deyatelnosti Bukharskogo otdeleniya Russko-Aziatskogo kommercheskogo banka [A History of the Bukhara Branch of the Russian-Asian Commercial Bank.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*, 2018, vol. 63, no. 2, pp. 597–613. (In Russian).
2. Ananich, B.V. Kapitalizm s chelovecheskim litsom [Capitalism with a Human Face.]. *Rodina*, 2005, no. 5, pp. 68–74. (In Russian).
3. Lizunov, P.V. Krakh peterburgskogo Rossiyskogo trgovogo i komissionnogo banka: prichiny i posledstviya [The Collapse of the Russian Merchant and Commission Bank of St. Petersburg: Causes and Consequences.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2017, no. 6, pp. 67–82. (In Russian).
4. Lizunov, P.V. Peterburgskiy bankirskiy dom “I.E. Gintzburg”: “padenie titana” [The St. Petersburg Banking House “I.E. Ginzburg”: “The Fall of a Titan”]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2014, no. 2 (25), pp. 8–18. (In Russian).
5. Lizunov, P.V. Shtiglitsy – “nekoronovannye koroli” rossiyskikh finansov [The Stieglitzes: “The Uncrowned Kings” of Russian Finance.]. *Voprosy istorii*, 1999, no. 10, pp. 35–51. (In Russian).
6. Morozan, V.V. Krushenie pervykh kommercheskikh bankov Odessy i Kishineva [The Collapse of the First Commercial Banks in Odessa and Kishinev.]. *Revista de istorie a Moldovei*, 2012, no. 3 (91), pp. 74–91. (In Russian).
7. Morozan, V.V. Predprinimatelskiy rod Sikar v Odesse: kommercheskaya deyatelnost [The Sikar Family Line of Entrepreneurs in Odessa: Commercial Activities.]. *Ekonomicheskaya istoriya*, 2010, no. 1, pp. 54–57. (In Russian).
8. Petrov, Yu.A. Krakh Alchevskogo i firma Ryabushinskiykh [The Failure of Alchevskiy and the Firm of the Ryabushinskiys.]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 4, pp. 52–75. (In Russian).
9. Salomatina, S.A. Bankovskiy kredit v Rossiyskoy imperii v 1860 – 1914 gg.: sovremennye kontseptsii i novye dannye [Bank Credit in the Russian Empire, 1860 – 1914: Modern Concepts and New Data.]. *Rossiyskaya istoriya*, 2018, no. 4, pp. 170–187. (In Russian).
10. Salomatina, S.A. Trudy Efima Epshteyna i razvitie kontseptsiy v izuchenii istorii bankov Rossiyskoy imperii [The Works of Efim Epstein and the Development of Concepts in the Study of the History of Banking in the Russian Empire.]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*, 2015, no. 2, pp. 79–94. (In Russian).
11. Yudin, E.E. Blagosostoyanie semi knyazey Beloselskikh-Belozerskikh v 1890 – 1917 gg. [The Welfare of the Family of the Beloselskiy-Belozerskiy Princes, 1890 – 1917.]. *Istoriya i arkhivy*, 2019, no. 1, pp. 9–27. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

12. Lizunov, P.V. Bankirskiy dom “G. Vavelbrg” v Varshave i Sankt-Peterburge [The Banking House “H. Wawelberg” in Warsaw and St. Petersburg.].

Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: kultura i istoriya, yazyki i literature [Jews of Europe and the Middle East: Culture and History, Languages and Literature.]. St. Petersburg, 2018, pp. 33–41. (In Russian).

(Monographs)

13. Ananich, B.V. Bankirskie doma v Rossii, 1860 – 1914 gg.: Ocherki istorii chastnogo predprinimatelstva [Banking Houses in Russia, 1860 – 1914: Essays on the History of Private Enterprise.]. Leningrad, 1991, 196 p. (In Russian).
14. Gindin, I.F. Russkie kommercheskie banki: Iz istorii finansovogo kapitala v Rossii [Russian Commercial Banks: From the History of Finance Capital in Russia.]. Moscow, 1948, 454 p. (In Russian).
15. Lukomskiy, G.K. Sovremennyy Petrograd: Ocherk istorii vozniknoveniya i razvitiya klassicheskogo stroitelstva: 1900 – 1915 gg. [Contemporary Petrograd: An Essay on the History of the Emergence and Development of Classical Construction, 1900 – 1915.]. Petrograd, 1916, 95 p. (In Russian).
16. Vanag, N.N. Finansovyy kapital v Rossii nakanune mirovoy voyny: Opyt istoriko-ekonomicheskogo issledovaniya sistemy finansovogo kapitala v Rossii [Finance Capital in Russia on the Eve of the World War: The Experience of Historical and Economic Research on the System of Finance Capital in Russia.]. Kharkov, 1930, 252 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Pavel V. Lizunov – Doctor of History, Professor, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (Severodvinsk, Arkhangelsk Oblast, Russia)
p.lizunov@narfu.ru

The article examines the history of the St. Petersburg Merchant Bank as one of the examples of banking institutions turning into joint stock commercial banks. This transformation as a logical economic phenomenon originated in Russia in the early 1910s. The “G. Wawelberg” banking house was one of the oldest private banks in the Russian Empire. It was opened in Warsaw in 1848 as a small money changer, with its affiliate being launched in St. Petersburg in 1870. Throughout its existence the “G. Wawelberg” banking house retained its family character representing one financial clan of Jewish descent. It was developed into the two joint stock banks, namely, the St. Petersburg Merchant Bank in 1911 and the Western Bank in 1913 in Warsaw.

It is important to study the history of banking at large and the activities of particular banks in order to understand the particularities of Russia’s economic development as well as social and political processes taking place in pre-revolutionary Russia. In the late 19th and early 20th centuries the banking houses were losing their significance. They found it difficult to compete with large joint stock banks with bigger assets which were supported by the government, enjoyed close ties with foreign banks and had an extensive network of affiliates

and subsidiaries in various cities of Russia and Europe. That is why the “G. Wawelberg” banking house like a number of other well-known banking houses were transformed into joint stock commercial banks.

Banking, banking house, joint stock bank, St. Petersburg (Petrograd) Merchant Bank, Ministry of Finance, financial policy, corruption, World War I, Jews, Wawelberg family.

В.Ф. Блохин

ВОЕННАЯ ЦЕНзуРА МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА И НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

V.F. Blokhin

Military Censorship in the Minsk Military District and the Beginning of the First World War

Вопрос о практике работы военной цензуры в годы Первой мировой войны имеет две важные составляющие, которые до сих пор не получили должного освещения в исторической науке. Первым необходимым компонентом выступает история формирования и деятельности органов военной цензуры на уровне фронтов, армий и военных округов, а также Главной военно-цензурной комиссии и Военной цензурной комиссии при Петроградском комитете по делам печати. Вторым, еще более важным элементом этой общей малоизученной проблемы, видится влияние военной цензуры на формирование коллективных настроений на фронте, а также связанное с этим воздействие на общественные устроения в тылу русской армии.

Анализируя публикации, связанные с деятельностью военной цензуры, следует отметить, что своим вниманием не обошли проблемы государственного контроля за соблюдением военных тайн в печати известные историки цензуры Г.В. Жирков¹ и Н.Г. Патрушева². В последние годы появились также научные статьи, рассматривающие специфику деятельности военной цензуры на материалах отдельных территорий Российской империи. Среди них можно выделить публикации Е.Ю. Семеновской³, А.А. Белобородовой⁴ и автора настоящей статьи⁵.

Среди работ, отражающих вопросы истории создания и деятельности органов военной цензуры в годы Первой мировой войны, особое место, на наш взгляд, принадлежит новому археографическому труду известного российского историка Первой мировой войны А.Б. Асташова, работающего в РГГУ⁶, и английского историка Пола Симмонса, изучающего дисциплину в русской армии в то военное время⁷.

Предваряя объемную публикацию солдатских писем с фронтов Первой мировой войны, они написали специальный раздел, названный ими «Военная цензура и контроль настроений на Русском фронте»⁸. Собственно говоря, эта подборка писем сама по себе

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Первая мировая война. Повседневность Минского военного округа (на примере уездов Могилевской и Орловской губерний, 1915 – 1917 гг.) № 17-21-01010-ОГН.

представляет собой продукт деятельности военной цензуры, и соавторы, надо отдать им должное, щедро поделились с научной общественностью результатами своей кропотливой работы, предоставив исследователям возможность воспользоваться этими важными документами эпохи.

Ценность писем во многом определяется тем, что для создания полнокровной и объективной научной картины истории Первой мировой войны, работа над которой продолжается, очень не доставало мнения по различным сторонам фронтовых событий представителей самой массовой социальной составляющей русской армии – нижних чинов, довольно редко, в отличие от офицеров, прибегавших к описанию прошедших событий, в которых им довелось принять участие. Правдивое изображение войны в письмах с полей сражений, из госпиталей, описание фронтового быта, ощущений и переживаний авторов посланий представляют собой, по словам публикаторов, «истинно народную летопись». И с этим невозможно не согласиться.

Раздел «Военная цензура и контроль настроений на Русском фронте», занимая вполне самостоятельное место в книге, в то же время проливает свет на представленное в опубликованных письмах отражение конфликтов и процессов, характерных для событий на фронте, иногда не кажущихся для современного читателя существенными, но в те времена обративших на себя придирчивое внимание бдительных военных цензоров.

Соавторы, со своей стороны, особенно тщательно «присмотрелись» к работе военных цензоров в сфере контроля почтовой и телеграфной корреспонденции. Представленный ими материал раскрывает многие из сторон «внутренней жизни», созданной в годы войны системы военной цензуры. Применительно к настоящей статье особенно важен их тезис, что «объем работы военных цензоров зависел от территории, на которой они трудились, от задач и способа осуществления контроля за корреспонденцией»⁹.

Весьма ценным представляется также наблюдение, основанное на использовании значительного по объему архивного материала, из которого следует, что «в каждом округе и в каждой армии количество военных цензоров менялось год от года, при очевидной тенденции к увеличению их общего числа»¹⁰.

Вывод не вызывает сомнений, но, чтобы еще лучше понять его значение и важность, остановимся на одной из страниц истории военной цензуры, не получившей до сих пор освещения в отечественной науке. Одновременно речь пойдет об уточнении хотя и не первостепенной детали, нашедшей отражение в книге названных соавторов, но в то же время работающей на научную глубину представленных вопросов.

А.Б. Асташов и П. Симмонс в своей работе отмечают: «Так, в начале августа 1914 г. в Варшавском военном округе был 281 военный

цензор. В районе Двинского военного округа на этот момент было 306 военных цензоров, а в апреле 1915 г. – 350»¹¹. Возражение вызывает то обстоятельство, что Варшавский военный округ был расформирован в июле 1914 г., и его органы управления использовались при создании нового Минского военного округа. Такая же участь ждала и Виленский военный округ, послуживший основой для нового Двинского округа. Вероятно, уместнее было бы сравнивать количество цензоров в Варшавском и Минском округах, что в большей степени соответствовало бы убедительному выводу авторов о зависимости объема работы цензоров от особенностей территории, на которой им приходилось трудиться. Впрочем, интерес к этой детали публикации был вызван основной проблемой настоящей статьи, которая посвящена именно процессу формирования военной цензуры в рамках созданного нового Минского военного округа.

До сих пор работа военной цензуры на территории Минского военного округа практически не затрагивалась в научных исследованиях. Причинами тому, с одной стороны, являлась вообще слабая изученность вопросов, связанных с действиями военной цензуры на местах, а с другой – территориальная специфика Минского военного округа, включавшего в свой состав современные белорусские, польские, украинские и российские области.

* * *

В качестве формы организации военного управления военные округа были созданы в 1860-х гг. в ходе масштабных военных преобразований, предпринятых под руководством Д.А. Милютин. Главное их предназначение заключалось в создании условий для оперативного решения проблем действующей армии, поскольку новое окружное командование на местах решало многие из вопросов, находившихся ранее в компетенции центральных органов военного управления. В соответствии с планом стратегического развертывания сухопутных сил, разработанным на начало Первой мировой войны, «полевое управление войск Северо-Западного фронта, предназначавшегося для ведения военных действий против Германии, формировалось на базе штаба и управлений Варшавского военного округа, а Юго-Западного – против Австро-Венгрии – на основе Киевского военно-окружного управления»¹². Однако 19 июля 1914 г., то есть перед самым началом войны, сложившаяся военно-окружная система претерпела изменения, и основная часть бывших Виленского и Варшавского округов вошла в состав вновь созданных Двинского и Минского.

Официальное утверждение Двинского округа последовало 25 июля, а Минского – 28 июля 1914 г.¹³, тот и другой составляли район армий Северо-Западного фронта, который позднее, с 16 августа 1915 г., в целях улучшения управления войсками, был разделен на

Западный и Северный.

Определение окружных тыловых районов новых округов было произведено с явным опозданием, уже в условиях начавшейся войны, что создало многочисленные сложности и привело к некоторой путанице, сказавшейся на процессе формирования окружного управления.

Согласно приказу № 4 от 20 июля 1914 г., данному войскам Северо-Западного фронта, была распределена территория между вновь созданными округами. В состав Минского вошли белорусские земли: целиком Минская и Могилевская губернии, а из Гродненской – Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды. Из русской Смоленской губернии были включены Краснинский, Смоленский и Поречский уезды. Царство Польское в округе было представлено губерниями: Келецкой, Радомской, Петроковской без Лодзинского, Брезинского и Равского уездов, Люблинской губернией без Соколовского и Седлецкого уездов. В округ также вошли созданная в 1912 г. небольшая по размерам Холмская губерния, а на юго-западе – Ковельский и Владимир-Волынский уезды Волынской губернии.

Часть этих территорий включалась в войсковой район, а остальные являлись тыловыми, то есть были призваны обслуживать фронтовые армии своими материальными ресурсами. Здесь же размещались и проходили необходимую подготовку мобилизованные резервы войск фронта.

Однако на этом процесс формирования территории округа не завершился. Уже в ходе Галицийской битвы, 31 июля 1914 г., его границы были изменены в интересах соседнего Юго-Западного фронта. В тыловой район этого фронта для обслуживания 4-й и 5-й армий были включены лежащие южнее Александровской железной дороги части Гродненской губернии, Слонимского уезда Минской губернии, Могилевской губернии, а также Краснинского и Смоленского уездов Смоленской губернии¹⁴.

В дальнейшем территориальные границы Минского военного округа продолжали изменяться, но это уже было вызвано отступлением русской армии и территориальными потерями. В сентябре 1915 г. в состав Минского военного округа были включены новые тыловые районы, ранее входившие в Московский военный округ, а 19 декабря 1915 г. Николай II повелел «уезды Витебский и Велижский Витебской губернии передать из Минского военного округа в Двинский военный округ, сохранив их в подчинении Главнокомандующему армиями Западного фронта»¹⁵.

Генерал от кавалерии барон Евгений Александрович Рауш фон Траубенберг бессменно возглавлял Минский военный округ с момента его формирования до начала 1917 г. В июле 1914 г. все территории округа были объявлены на военном положении и должны были осуществлять тыловое обеспечение войск Северо-Западного

фронта. Командование Минского военного округа, помимо обеспечения порядка на подконтрольной территории, обязано было осуществлять и военно-цензурные функции. На основании «Временного положения о военной цензуре», вступившего в действие 20 июля 1914 г., здесь вводилась военная цензура в полном объеме¹⁶. Эта форма контроля подразумевала просмотр всей частной корреспонденции как внутренней, так и международной, включая телеграммы, проверку «печатных изданий, эстампов, рисунков, фотографических снимков, конспектов публичных речей и докладов». Возвращалась отмененная в ноябре 1905 г. предварительная цензура¹⁷.

Для местностей, расположенных за пределами территорий, находившихся на военном положении, предусматривалось введение частичной цензуры. При такой форме контроля проводился полный осмотр международной корреспонденции и лишь в случаях особых распоряжений – внутренних телеграмм и других почтовых отправок. В периодической печати просматривались только публикации, которые могли содержать сведения, являвшиеся военной тайной¹⁸.

На Северо-Западном фронте штаб главнокомандующего армиями фронта, находившийся в Белостоке, сформировал при Управлении генерал-квартирмейстера Военно-цензурное отделение, на которое была возложена обязанность направлять цензурную деятельность в армиях и в тылу, вырабатывая к уже существовавшим правилам дополнения и поправки в зависимости от изменявшейся обстановки. Штаб фронта призван был также готовить официальные сведения о ходе военных действий, предупреждая различного рода слухи и кривотолки. В случае присутствия на театре войны иностранных военных представителей, а также военных корреспондентов, предписывалось осуществлять контроль за этими лицами, «удерживая их при штабе главнокомандующего впредь до особого распоряжения Главнокомандующего»¹⁹.

Вопросами военной цензуры на правах местных Военно-цензурных комиссий занимались штабы двух армий (1-й и 2-й), входивших первоначально в состав фронта, и двух военных округов, Двинского и Минского. В их обязанности входило наблюдение за работой корпусных Полевых почтово-телеграфных контор, обрабатывавших поступающие и исходящие телеграммы и письма. Именно эти учреждения перехватывали основную часть частной корреспонденции, которая, минуя затем штабы армий, поступала прямо в тыловые сортировочные пункты Минска.

На Военно-цензурные комиссии, входившие в систему тыловых учреждений двух армий, возлагалась проверка частных телеграмм и почтовых отправок, проходящих через Минскую почтово-телеграфную контору, а также цензура газет и всех других произведений печати, наблюдение за типографиями и литографиями в тех частях тылового района, которые были объявлены на военном положении.

Наиболее сложной в своем осуществлении функцией цензурных комиссий являлся просмотр содержания газет и других произведений печати (брошюр, книг, бюллетеней) в цензурном районе, а также наблюдение за работой корреспондентов, которые могли оказаться непосредственно на этой территории. Военные власти с самого начала войны также взяли под свой контроль помещение графических изображений, картин, фотографических снимков, которые наиболее рельефно отображали военные события. Фотографы и «киносьемщики», представлявшие так называемые «иллюстрированные известия», обязаны были осуществлять свою деятельность в непосредственном контакте со штабами армий и округов.

В начале войны эта проблема еще не обрела столь актуального звучания, как в последующее время, но уже наметилась и нашла отражение в цензурном законодательстве. О значении этих вопросов для сохранения военной тайны можно судить по оформленному позднее обязательному постановлению, распространенному на все местности Минского военного округа в июне 1916 г. В первом пункте этого документа было сказано: «Всем фотографам, как профессионалам, так и любителям, воспрещается в пределах Минского военного округа производство всяких фотографических снимков вне закрытых помещений, как-то: на улицах, в селах, в поле, лесу и т. д., без особых на производство таких снимков разрешений. <...> Лица, замеченные в производстве снимков без наличия надлежащего разрешения, будут подвергаться заключению в тюрьме или крепости до 3-х месяцев или денежному штрафу до 3 000 руб.»²⁰

Так уже в начале войны сложилась организационно-структурная схема функционирования военно-цензурных органов, на основании которой штаб главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, принимая на себя функции главной Военно-цензурной комиссии, указал штабам армий и военных округов сделать необходимые распоряжения об организации в подведомственных им районах военно-цензурных комиссий. Обязанности военных цензоров в них должны были исполнять местные должностные лица, наблюдавшие за печатью в мирное время, и чины местных почтово-телеграфных учреждений²¹. В третьем пункте приказа № 4 от 20 июля 1914 г., определявшем границы Минского военного округа, для осуществления необходимого военно-цензурного контроля главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта предписал создать при штабе специальную Военно-цензурную комиссию.

Вслед за этим началось формирование состава Военно-цензурной комиссии Минского военного округа. Назначение военных цензоров производилось путем согласования их кандидатур между штабом округа и губернаторами, начальниками почтово-телеграфных округов или начальниками гарнизонов. Все распоряжения штаба округа и военно-цензурной комиссии передавались через этих начальствующих лиц или непосредственно сообщались самим воен-

ным цензорам²².

Кроме того, для наблюдения за почтовыми отправлениями и за телеграммами, поступавшими на станции железных дорог, начальнику военных сообщений армий фронта было предложено установить военную цензуру на всех станциях железнодорожной сети, находившейся на территории действий Северо-Западного фронта²³. Так, почтовые отделения, находившиеся по пути следования поездов, которые зачастую использовались для отправки корреспонденции в надежде на отсутствие в них военной цензуры, включались в общую цензурную систему.

В итоге проведенных мероприятий военно-цензурный район штаба Минского военного округа включал в себя всю входившую в него территорию, за исключением той ее части, которая была определена в район расположения армий, имевших на основании статьи 27 «Временного положения о военной цензуре» при штабах свои Военно-цензурные комиссии. Соответственно их деятельность распространялась на все местности, входившие в состав расположения их частей и тыла.

Штаб Минского военного округа заведовал своей Военно-цензурной комиссией, военными цензорами, состоявшими при почтовых и телеграфных учреждениях фронта (не приданных частям и управлениям армий), «военными цензорами, назначенными в оседлые почтово-телеграфные учреждения местностей, входящих как в цензурный район округа, так и в цензурные районы армий, а равно и военными цензорами произведений печати этих районов»²⁴.

С изменением оперативной обстановки одновременно изменялись без специальных распоряжений и армейские военно-цензурные районы, поэтому при установлении военной цензуры в Минском военном округе пришлось считаться с тем фактом, что приказом главного начальника снабжений другого, Юго-Западного, фронта (№ 26 от 31 июля) часть территории была включена в цензурные районы 3-й, 4-й и 5-й армий, которые должны были установить там свой порядок цензуры²⁵, что неминуемо привнесло свои дополнительные трудности в дело создания единой военно-цензурной системы в рамках округа.

Введение военной цензуры на территории Минского военного округа было объявлено приказом командующего войсками округа генерала от кавалерии барона Е.А. Рауш фон Траубенберга от 20 июля 1914 г. Однако штаб переехал в Минск лишь 28 июля²⁶, а прочие организационные неурядицы первых дней войны привели к тому, что лишь почти месяц спустя, 13 августа 1914 г., согласно приказу командующего войсками округа «Минским военно-окружным управлениям на театре войны» за № 34, была образована Военно-цензурная комиссия при штабе округа. Ее председателем был назначен военный судья Минского военно-окружного суда генерал-майор Плансон, членами комиссии: от Военного министерства – исполня-

ющий дела помощника старшего адъютанта военного окружного штаба поручик Войцеховский, от Министерства внутренних дел – Минский вице-губернатор в чине камер-юнкера Ченькаев, старший советник Минского губернского управления Юзефович, начальник Минской почтово-телеграфной конторы статский советник Бронвицкий²⁷. К заседаниям был привлечен и секретарь Минского губернского правления Кучеров как лицо, непосредственно ведающее цензурой печатных произведений в Минске²⁸.

Таким образом, комиссия вполне соответствовала предписаниям «Временного положения о военной цензуре»: в нее, помимо председателя, вошел один представитель от Военного министерства и три – от Министерства внутренних дел²⁹. В зоне же действия армий обязанности военных цензоров исполняли офицеры отделов генерал-квартирмейстерства.

Сложность стоявших задач предопределила медлительность при открытии Военно-цензурных комиссий. В данном конкретном случае, чтобы резко не ломать временно установленный с началом войны на территории округа цензурный порядок, из штаба были направлены запросы относительно имевшихся цензоров в городах, входивших в этот район. Одновременно начался отбор офицеров и чинов военного ведомства, которых можно было назначить военными цензорами.

Красноречивым подтверждением сложностей, связанных с комплектованием армейской военной цензуры как на территории Минского военного округа, так и в других районах могут служить воспоминания полковника (позднее произведенного в генерал-майоры) Б.В. Геруа, назначенного 22 сентября 1914 г. на должность начальника Цензурного отделения при штабе главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта, находившегося в Киеве. Для самого автора воспоминаний такое назначение было полной неожиданностью, но еще сильнее он был удивлен тем обстоятельством, что в отделении, которое должно было находиться в его подчинении, не было ни одного сотрудника.

Киев, по воспоминаниям Б.В. Геруа, был тогда полон офицерами, призванными из запаса, ожидавшими своего назначения. Полковник прямо на улице встретил двух прапорщиков – Осипова и Матвеева, – которые отличались своей выправкой. В ходе короткой беседы выяснилось, что офицеры не имели назначения, но один из них до мобилизации занимался «бельевым делом» в Москве, а другой был журналистом и репортером из Петербурга. И Б.В. Геруа решил для себя так: «По меньшей мере, один вполне подходит для цензурного отделения. Тут же я сделал Осипову предложение поступить в него моим помощником. Но как быть с Матвеевым? Симпатичная наружность; но, в какой мере бельевая торговля готовит к цензуре?»³⁰ Вероятно, этот вопрос настолько заинтриговал автора воспоминаний, что он обоих офицеров взял на службу военными цензорами.

Схожая картина, при некоторых расхождениях, наблюдалась и при формировании Военно-цензурного отделения штаба Северо-Западного фронта и Военно-цензурной комиссии Минского военного округа.

Как уже отмечалось, в Минске Военно-цензурная комиссия при штабе округа была образована 13 августа 1914 г. Б.В. Геруа в своих воспоминаниях говорил о еще более поздних сроках создания цензурного органа при штабе Юго-Западного фронта. Однако эти даты явились лишь началом непростого и противоречивого процесса, протекавшего в условиях набиравших обороты военных действий и ставившего перед штабами фронтов и армий все более сложные задачи, что неизбежно вело к расширению сферы военно-цензурного контроля как в географическом, так и в политическом отношениях.

Одна из первоочередных проблем, которую предстояло решать вновь созданным цензурным органам, была обозначена в телеграмме, отправленной 18 июля 1914 г. в Варшаву из Петербурга еще до официального объявления войны. Главное управление Генерального штаба требовало принять самые решительные меры к тому, чтобы от военных властей под угрозой карательных мер не исходили никакие данные для печати о ходе мобилизации и о действиях войск.

В период Русско-японской войны Мукденский вокзал был всегда переполнен офицерами, которых обслуживала подкупленная китайская прислуга. Тогда сведения, полученные путем подслушивания разговоров, сыграли определенную роль в развитии военных событий. Полученный отрицательный опыт предопределил отношение к деятельности военной цензуры в условиях новой войны, поэтому в телеграмме, помимо контроля за конкретными сведениями, являвшимися военной тайной, предписывалось следить за тем, чтобы «офицеры в обществе, в семьях, в письмах и телеграммах не вели бесед, не писали об армии и военных действиях, виновные в нарушении должны были привлекаться к самой строгой ответственности вплоть до отрешения от должности»³¹.

Начальникам почтово-телеграфных учреждений строго указывалось на необходимость не только запрещать упоминания о военных делах, распоряжениях, передвижениях войск, командировках и перемещениях военных чинов и тому подобных сведений, но и сообщения об изменениях условий жизни под влиянием военных событий (например, о вздорожании и недостатках продуктов и средств передвижения), о закрытии промышленных предприятий и т.д.³²

Для обеспечения сохранения военной тайны был принят особый порядок адресации писем, направляемых в армию. Предусматривалось указывать лишь чин, имя, отчество и фамилию, наименование воинской части, штаба, учреждения, но не упоминать большие соединения, в состав которых входили эти единицы. Адрес на конверте должен был выглядеть следующим образом: «рядовому, например, 131-го Тираспольского полка и фамилия имя, отчество»³³.

Однако всех предпринятых мер оказалось недостаточно, и 6 ноября 1914 г. командующим войсками Минского военного округа был издан приказ «Минским военно-окружным управлениям на театре войны» № 298, который последовал за приказом Верховного главнокомандующего от 31 октября № 133. В нем шла речь о продолжавших наблюдаться в письмах офицерских и нижних чинов сообщений о ходе военных действий, о расположении воинских частей и о других, не подлежащих оглашению сведений. Начальникам всех уровней предписывалось разъяснять «подведомственным им чинам», что отправка писем с такими сведениями, «помимо нарушения служебного и внутреннего долга каждого военнообязанного, является сверх того бесцельной, так как на основании закона о военной цензуре письма просматриваются ею»³⁴. Приказ этот надлежало прочесть во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах.

А.Б. Асташов и П. Симмонс в своем исследовании констатировали разорванность «самого дела цензуры между различными фронтовыми и армейскими структурами», а также справедливо отметили, что неравномерность распределения в них военных цензоров «отражала смену приоритетов цензурного контроля: от недопущения в печати и телеграммы сведений, которые могли повредить оперативным военным интересам, до политического контроля над настроениями армейской массы»³⁵.

К сказанному можно добавить, что созданная единая цензурная система, по замыслу ее создателей, должна была перекрыть возможности утечки важной военной информации, которой мог воспользоваться противник, а также ограничить доступ негативных сведений из тыла на фронт. Однако буквально с первых шагов своего существования она стала регулярно давать сбой, не обеспечив предпологаемый полный контроль за телеграммами, не гарантировав сохранность военной информации, не наладив необходимых тесных связей с периодической печатью. Причем все эти проблемы существовали не только на начальном этапе становления и при неразберихе, возникавшей в период формирования или во время отступления и наступления армии, делавших фронт подвижным. К концу 1915 г., когда начался период позиционной войны, и русская армия перешла к обороне при стабилизировавшемся фронте, проблемы первых месяцев войны проявились практически в том же объеме.

Красноречивой выглядит выдержка из донесения генерал-квартирмейстеру 4-й армии от 18 августа 1916 г., то есть спустя два года с того времени, когда начала формироваться эта система. В документе говорилось о том, что по имевшимся в штабе фронта сведениям в Минской почтово-телеграфной конторе находилось на службе 34 цензора, но более или менее правильно был организован лишь просмотр посылок и телеграмм (из 4 тыс. просматривалось около 3 тыс.). Основная часть цензоров (27 из 34) просматривала простую корреспонденцию, но при этом 21 чиновник конторы мог посвящать

делу цензуры не более 2 часов в сутки, поскольку они имели свои собственные служебные обязанности, поэтому начальник Минского губернского жандармского управления, секретарь того же управления, судебный пристав «брали корреспонденцию для просмотра к себе на дом, присылая за нею жандармов и рассыльных и делают это далеко не каждый день, причем количество одновременно забираемых этими лицами писем колеблется от 60-80 до 120 экземпляров»³⁶.

* * *

Пример военно-цензурной организации Минского военного округа убеждает в том, что военные власти сумели обеспечить номинальный контроль за перепиской на фронте и в тылу русской армии, но на практике возможности военной цензуры были весьма ограниченными. Сложная организационная система и слабость кадрового состава Военно-цензурных комиссий не давали шансов успешно решать цензурные задачи в условиях столь масштабной войны.

Ориентированная на контроль за сохранением военных тайн, военная цензура уже с самого начала боевых действий вынуждена была подключиться к активному противодействию распространению как в письмах, так и в периодической печати настроений, которые свидетельствовали об отсутствии твердой поддержки населением ведущейся войны.

Ограничения же информации, поступающей с фронта, привели к тому, что общественность постепенно стала в большей степени доверять слухам, а не официальным сведениям, доставляемым из действующей армии.

Примечания Notes

¹ Жирков Г.В. Война 1914 – 1918 гг. как первая мировая информационная война // Журналистика XXI века: Исторический опыт и современное развитие. Владикавказ, 2015. С. 33–58.

² Патрушева Н.Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России // Век информации. 2015. № 2. С. 155–163.

³ Семенова Е.Ю. Периодическая печать и цензура в годы Первой мировой войны как фактор формирования менталитета российского общества (по материалам Поволжских губерний) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 71–85.

⁴ Белобородова А.А. Защита государственной тайны в Российской империи: Деятельность военной цензуры в 1914 – 1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 16–20.

⁵ Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Волынь»)

// Цензура в России: История и современность. Вып. 8. Санкт-Петербург, 2017. С. 169–186.

⁶ *Асташов А.Б.* Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. Москва, 2012; *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: Военный опыт и современность. Москва, 2014.

⁷ *Simmons P.* Combating Desertion and Voluntary Surrender in the Russian Army During the First World War // *Other Fronts, Other Wars?: First World War Studies on the Eve of the Centennial.* Leiden; Boston, 2014. P. 41–61.

⁸ *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны, 1914 – 1917. Москва, 2015. С. 48–95.

⁹ *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны, 1914 – 1917. Москва, 2015. С. 51.

¹⁰ *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны, 1914 – 1917. Москва, 2015. С. 52.

¹¹ *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны, 1914 – 1917. Москва, 2015. С. 52, 53.

¹² *Безугольный А.Ю.* Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года // *Военно-исторический журнал.* 2008. № 10. С. 22.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1851. Л. 7.

¹⁴ *Трутко И.* Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // *Военно-исторический журнал.* 1939. № 3. С. 99.

¹⁵ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 743. Л. 198.

¹⁶ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 1.

¹⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 192. Отдел I.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 180об.

²⁰ Орловские губернские ведомости. 1916. 4 июня.

²¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 171.

²² Приказание Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Минск, 1914. № 158.

²³ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 171.

²⁴ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 896. Л. 120об.

²⁵ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 38.

²⁶ Там же. Л. 37.

²⁷ Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Минск, 1914. № 34.

²⁸ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 716. Л. 37.

²⁹ Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1914. № 192. Отдел I.

³⁰ *Геруа Б.В.* Воспоминания о моей жизни. Париж, 1970. Т. 2. С. 7.

³¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 715. Л. 48.

³² Там же. Л. 87об.

³³ Там же. Л. 181.

³⁴ Приказ Минским военно-окружным управлениям на театре войны. Минск, 1914. № 298.

³⁵ *Асташов А.Б., Симмонс П.А.* Письма с войны, 1914 – 1917. Москва, 2015. С. 52.

³⁶ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 897. Л. 6.

Автор, аннотация, ключевые слова

Блохин Валерий Федорович – докт. ист. наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
blohin.val@yandex.ru

В статье рассматривается один из наименее изученных вопросов истории военной цензуры в России во время Первой мировой войны – организация военной цензуры в штабах военных округов. В качестве объекта своего исследования автор выбрал Минский военный округ. На основе ранее неизвестных документов и материалов в статье раскрывается в общих чертах создание и деятельность бюрократического механизма военной цензуры в одном конкретном военном округе.

Опыт военно-цензурной организации Минского военного округа убеждает в том, что военные власти вполне сумели обеспечить формальный контроль за перепиской на фронте и в ближнем тылу, который входил в территорию округа. Однако на практике возможности военной цензуры Минского военного округа были весьма ограниченными. Сложная организационная система и слабость кадрового состава Военно-цензурных комиссий не давали шансов успешно решать цензурные задачи в условиях столь масштабной войны.

Помимо сохранения военных тайн, военная цензура уже с самого начала войны вынуждена была активно противодействовать распространению как в письмах, так и в периодической печати фактов, суждений и мнений, которые свидетельствовали об антивоенных и антиправительственных настроениях в армии и среди гражданского населения. С другой стороны, ограниченность информации, поступавшей с фронта, привели к тому, что общественность постепенно стала в большей степени доверять слухам, а не официальным сведениям командования русской армии.

Первая мировая война, русская армия, военный округ, Минский военный округ, периодическая печать, цензура, военная цензура, цензурная политика, цензор, военная тайна.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Beloborodova, A.A. Zashchita gosudarstvennoy tayny v Rossiyskoy imperii: Deyatelnost voyennoy tsenzury v 1914 – 1917 gg. [Protecting State Secrets in the Russian Empire: Military Censorship Activities, 1914 to 1917.]

Voyenno-istoricheskiy zhurnal, 2010, no. 7, pp. 16–20. (In Russian).

2. Bezugolnyy, A.Yu. *Voyenno-okruzhnaya sistema v Rossii v period Pervoy mirovoy voyny i revolyutsionnykh sobytiy 1917 goda* [The Military District System in Russia during the First World War and the Revolutionary Events of 1917.]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 2008, no. 10, pp. 22–26. (In Russian).

3. Patrusheva, N.G. *Pervaya mirovaya voyna i tsenzurnye uchrezhdeniya Rossii* [The First World War and Russian Censorship Institutions.]. *Vek informatsii*, 2015, no. 2, pp. 155–163. (In Russian).

4. Semenova, E.Yu. *Periodicheskaya pechat i tsenzura v gody Pervoy mirovoy voyny kak faktor formirovaniya mentaliteta rossiyskogo obshchestva (po materialam Povolzhskikh guberniy)* [The Periodical Press and Censorship during the First World War as a Formative Factor in the Mentality of Russian Society (Based on Materials from the Volga Provinces).]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*, 2008, vol. 10, no. 1, pp. 71–85. (In Russian).

5. Trutko, I. *Podgotovka tyala Yugo-Zapadnogo fronta (1914 g.)* [Preparations for War behind the Lines of the Russian Army's South-Western Front (1914).]. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 1939, no. 3, pp. 92–113 (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Blokhin, V.F. *Voyennaya tsenzura perioda Pervoy mirovoy voyny i periodicheskaya pechat "armeyskikh rayonov" (na materialakh gazety "Volyn")* [Russian Military Censorship during the First World War and the Periodical Press of "Army Districts" (from Materials of the Newspaper "Volyn").]. *Tsenzura v Rossii: Istoriya i sovremennost* [Censorship in Russia: Past and Present.]. St. Petersburg, 2017, vol. 8, pp. 169–186. (In Russian).

7. Simmons, Paul Alan. *Combating Desertion and Voluntary Surrender in the Russian Army During the First World War. Other Fronts, Other Wars?: First World War Studies on the Eve of the Centennial*. Brill, 2014, pp. 41–61. (In English).

8. Zhirkov, G.V. *Voyna 1914 – 1918 gg. kak pervaya mirovaya informatsionnaya voyna* [The War of 1914 – 1918 as the First World Information War.]. *Zhurnalistika XXI veka: Istoricheskiy opyt i sovremennoye razvitiye* [Journalism of the 21st Century: Historical Experience and Modern Development.]. Vladikavkaz, 2015, pp. 33–58. (In Russian).

(Monographs)

9. Astashov, A.B. *Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoy mirovoy voyny* [Propaganda on the Russian Front during the First World War.]. Moscow, 2012, 400 p. (In Russian).

10. Astashov, A.B. *Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: Voennyi opyt i sovremennost* [The Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity.]. Moscow, 2014, 740 p. (In Russian).

11. Astashov, A.B.; Simmons, Paul Alan. *Pisma s voyny, 1914 – 1917*

[Letters from the War, 1914 – 1917.]. Moscow, 2015, 794 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Valeriy F. Blokhin – Doctor of History, Professor, I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)
blohin.val@yandex.ru

The article deals with one of the least studied issues in the history of Russia's military censorship during the World War I, i.e. the military censorship carried out at the headquarters of military districts. Referring to previously unknown documents and materials the author outlines the introduction and operation of military censorship mechanism in one particular military district, namely, the Minsk Military District.

As evidenced by the practices of military censorship in the Minsk Military District, the military authorities were quite effective in establishing formal control over correspondence at the front and in the rear that was part of the military district. However, in reality the scope of military censorship was fairly limited. Sophisticated organizational system and weak personnel of Military censorship committees ruled out effective censorship in the conditions of the war of such massive scale.

Alongside with guarding military secrets, the military censorship was obliged, from the very start of the war, to actively counteract the dissemination through correspondence and periodical press of facts, views and opinions which evidenced anti-war and anti-government sentiments in the army and among civil population. However, the lack of information from the front made the population trust rumours to a greater degree than the official information coming from the commandment of the Russian army.

World War I, Russian Army, Military District, Minsk Military District, periodical press, censorship, military censorship, censorship policy, censor, military secret.

И.П. Климов

ИЗ ИСТОРИИ СТАХАНОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТРАНСПОРТЕ УРАЛА В ГОДЫ ДОВОЕННЫХ ПЯТИЛЕТОК

I.P. Klimov

From the History of the Stakhanovite Movement in the Urals Transport Sector during the Pre-War Five-Year Plans

Одним из знаковых явлений истории довоенного советского общества стало стахановское движение. Оно распространилось на все отрасли хозяйства СССР, в том числе и на транспорт.

В советской исторической науке стахановское движение рассматривалось как один из важнейших факторов «социалистической реконструкции» народного хозяйства и культурной революции¹. В постсоветское время отечественные исследователи стремились и стремятся как можно глубже и всесторонне осмыслить содержание социально-экономических процессов в СССР в период «большого скачка». В частности, в 2000-е гг. был опубликован ряд работ, посвященных региональной и отраслевой специфике стахановского движения².

Интерес к стахановскому движению и его взаимосвязям с установлением сталинской диктатуры и массовыми репрессиями не угасает и у западных историков³.

В настоящей статье на основе сохранившихся архивных документов и материалов периодической печати анализируется специфика стахановского движения на транспорте Уральского региона, прежде всего – роль местных комитетов партии большевиков в его организации.

* * *

Рассуждая о «корнях» стахановского движения, И.В. Сталин на Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 г. утверждал, что оно «началось как-то самопроизвольно, почти стихийно, снизу, без какого бы то ни было давления со стороны администрации наших предприятий» и «разнеслось по всему лицу нашего Союза... с какой-то невиданной быстротой, как ураган»⁴. «Корни» стахановского движения он усматривал в том, что оно возникло в результате коренного улучшения материального положения рабочих: «Жить стало лучше... жить стало веселее. А когда весело живется, работа спорится. Отсюда высокие нормы выработки»⁵.

Однако потом в той же своей речи он назвал действительные ис-

токи его стремительного размаха: «Чтобы распространить всю стахановское движение по всему лицу нашей страны, для этого одних лишь стахановцев, конечно, недостаточно. Необходимо, чтобы наши партийные организации включились в это дело и помогли стахановцам довести движение до конца»⁶.

О том, как «партийные организации включались в это дело» и помогали «доводить движение до конца», можно судить по следующим фактам. Вопросы его организации становились приоритетными в повестке дня партийных собраний, заседаний бюро и пленумов партийных комитетов. Создавались штабы по руководству соревнованием, в соответствии с директивами партийных органов издавались приказы и распоряжения руководителей транспортных предприятий, бичевавшие недостатки и упущения в развертывании соревнования, вводилась систематическая ежемесячная, а кое-где подекадная отчетность о количестве его участников. В Свердловском областном управлении автомобильного транспорта стало постоянной практикой, что анализ хода соревнования и его итогов проводил аппарат начальника управления, издавался соответствующий приказ⁷.

Через месяц после Всесоюзного совещания стахановцев, в котором приняло участие в полном составе Политбюро ЦК ВКП(б), стахановскому движению в промышленности и на транспорте был посвящен специальный, декабрьский, Пленум ЦК⁸. 12 декабря 1935 г. «Правда» опубликовала передовую статью «Вперед, стахановцы транспорта!» с призывом повсеместно распространять стахановские методы работы. В аппарате Политуправления Наркомата путей сообщения (НКПС) и Политуправления Наркомата водного транспорта была создана группа инспекторов по стахановскому движению⁹.

Из материалов Всесоюзного совещания транспортников, постановления декабрьского Пленума ЦК ВКП(б), выступлений на них И.В. Сталина видно, что организация стахановского движения преследовала не только экономические, но и социально-политические цели: преодолеть отставание транспорта от растущих потребностей экономики, рационализировать технологические процессы путем освоения новой техники, обеспечить быстрый рост производительности труда, поднять культурно-технический уровень рабочего класса, пересмотреть действовавшие технические нормы, превратить СССР в наиболее развитую страну в мире, создать необходимые условия для уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом и тем самым способствовать переходу от социализма к коммунизму. Таким образом, стахановское движение должно было стать «глубоко революционным»¹⁰.

Поэтому на полную мощь был задействован агитационно-пропагандистский аппарат. Организовывались лекции, проводились беседы, партийные, комсомольские, рабочие собрания, производ-

ственные совещания, громкие читки газет, радиопередачи, которые были рассчитаны на то, чтобы «довести идею стахановского движения до сознания всех рабочих», с тем, «чтобы пример передовиков-машинистов Кривоноса, Яблонского и других был подхвачен тысячами машинистов Советского Союза – старыми и молодыми, партийными и беспартийными большевиками»¹¹.

Через средства массовой информации всемерно поощрялось и поддерживалось превращение в стахановские целых бригад, участков и даже предприятий. Так, в конце 1935 г. было сообщено о том, что стали стахановскими автоматный цех и электроцех Свердловского вагонного участка, Кунгурский кондукторский резерв и некоторые другие трудовые коллективы. Массовым явлением на железнодорожном, водном, воздушном, автомобильном транспорте становятся стахановские сутки, пятидневки, декадниги, месячники. Широко и громогласно говорилось о трудовых победах, достигнутых как отдельными стахановцами, так и трудовыми коллективами в целом¹².

Для поощрения стахановского движения использовались как моральные, так и материальные стимулы: лозунг «Догоним и перегоним наиболее развитые страны мира», сакрализация образа стахановца, публикация фотографий стахановцев в центральной и местной печати, предоставление им различных привилегий, правительственных и ведомственных наград, обещание сверхвысоких заработков, призыв «пойти на жертвы ради создания в кратчайшие сроки современной индустрии», установление партийной и комсомольской ответственности для членов ВКП(б) и ВЛКСМ за невыполнение производственных заданий. Вместе с тем была очевидна и патриотическая струя в мотивации развития стахановского движения: немало транспортников расценивало участие в нем как личный вклад в укрепление могущества советской страны¹³.

Применение комплекса указанных мер способствовало росту числа стахановцев. Так, на Южно-Уральской железной дороге с 1 ноября 1935 г. по 1 января 1936 г. количество рабочих и служащих, участвовавших в стахановском движении, увеличилось с 1 079 до 4 904 (в 4,5 раза)¹⁴. В Уральском управлении гражданского воздушного флота к апрелю 1936 г. освоили стахановские методы работы 53 % юношей и девушек¹⁵. Если в декабре 1935 г. на Свердловской (бывшей Пермской) железной дороге насчитывалось 3 111 стахановцев, то в июле 1936 г. – 5 559 (рост в 1,8 раза)¹⁶.

Стахановское движение на транспорте по сравнению с промышленностью имело серьезную специфику.

Во-первых, оно имело другие наименования: на железных дорогах его называли «кривоносовским» по фамилии инициатора движения машиниста депо Славянск Донецкой дороги П.Ф. Кривоноса, на речном транспорте – «чадаевским» по фамилии капитана волжского парохода «Степан Разин» Н.И. Чадаева.

Во-вторых, на содержание стахановского движения накладывал отпечаток разъездной характер труда транспортников. Поэтому авангардную роль в нем играли работники службы движения. Архивные данные свидетельствуют о том, что наибольшее количество стахановцев было в паровозных и вагонных депо, гораздо меньше их насчитывалось в дистанциях пути. Так, в 1936 г. на Южно-Уральской железной дороге в паровозной службе трудилось 1 469 стахановцев, вагонной – 1 230, а в службе пути – 135¹⁷.

Пионером применения кривоносовских методов работы среди уральских железнодорожников стал машинист паровоза Верещагинского депо Свердловской железной дороги А.П. Игошин, который, используя опыт работы П.Ф. Кривоноса, 2 октября 1935 г. провёл поезд с технической скоростью 50,7 км в час при задании 30,7 км. По примеру А.П. Игошина с превышением технической скорости стали водить поезда машинисты А.М. Седов, И.П. Блинов, С.В. Тихонов, С.М. Пургин, А.А. Казаков, П.К. Зыкин и П.А. Агафонов. Вслед за паровозными бригадами в стахановско-кривоносовское движение включились составители поездов, кондукторы, диспетчеры, которые образцовое отношение к своим обязанностям сочетали с важными инициативами, направленными на повышение производительности труда¹⁸.

Быстрее других стахановские приемы в работе на водном транспорте Камского речного пароходства освоили капитан буксирного парохода «Ляпидевский» Ф.М. Чудинов, токарь судоремонтного завода «Старый бурлак» В.С. Серебрянников, в гражданской авиации Урала – пилоты В. Бажан и В. Кондратьев.

Стахановцы уральского транспорта стали авторами ряда починков, получивших распространение на всей транспортной сети СССР. Так, диспетчер Чусовского отделения Свердловской железной дороги М. Артюшин разработал новый суточный график грузовой работы станции Губаха, рационально учитывавший потенциальные возможности всех ее служб. Раньше простой вагонов на станции, обслуживавшей Губахинский угольный бассейн, составлял 28 часов при задании 22 часа. По графику, предложенному Артюшиным, он сокращался до 15 часов. Артюшинский метод организации работы станции был внедрен в практику работы диспетчеров Чусовского и Тюменского отделений дороги, а затем нашел применение на других железных дорогах Урала и Сибири¹⁹.

Курганские шоферы применили при перевозке урожая 1940 г. интересную новинку – спаренную езду автомобилей. Суть спаренной езды состояла в том, что к порожней автомашине, возвращавшейся с элеватора, с помощью троса крепилась другая с выключенным двигателем. Спаренная езда сокращала простой автотранспорта, значительно ускоряла перевозку зерна²⁰.

В-третьих, стахановское движение на транспорте стало развиваться позднее, чем в промышленности, поэтому немало трудовых

починов возникло по ее примеру: движение пятисотников, совмещение профессий, овладение работницами теми специальностями, которые раньше традиционно выполнялись мужчинами, и другие. Нередко оно сначала зарождалось в производственных цехах локомотивных, вагонных депо, речных затонах, а затем передавалось в службы эксплуатации подвижного состава.

В-четвертых, специфика транспортной системы на железных дорогах и в речных бассейнах состояла в разбросанности ее объектов. Нередко они располагались на территории нескольких областей, в значительной отдаленности друг от друга, что усложняло организацию стахановского движения, учет количества его участников и результатов их работы.

Среди проблем, которые в настоящее время активно обсуждаются в научной литературе при освещении истории стахановского движения, находится вопрос об его эффективности. В советской историографии никаких сомнений на этот счет не было. Типичной была точка зрения В.М. Савостенко, который в монографии о создании второй угольно-металлургической базы в СССР писал, что стахановское движение «облегчило решение основной экономической задачи второй пятилетки – завершение технической реконструкции народного хозяйства СССР»²¹.

Современный исследователь Н.Б. Арнаутов, напротив, предлагает отойти от односторонне завышенных оценок роли стахановского движения в улучшении состояния производственной сферы²². Подобные оценки много раньше высказывали и аргументировали западные историки, в частности профессор Мичиганского университета Льюис Сигельбаум (Lewis Siegelbaum), который полагает, что стахановское движение стало последней в предвоенной советской истории попыткой интенсификации производства, проводимой в жизнь относительно мирными методами²³.

Все же, на наш взгляд, нет оснований подвергать сомнению положительную роль стахановцев-транспортников в повышении производительности труда, в существенном увеличении грузоперевозок всеми видами транспорта, в преодолении его значительного отставания от потребностей Уральского региона. Железнодорожники в 1935 и 1936 гг. впервые досрочно выполнили годовые планы грузоперевозок. По нашим подсчетам, средний вес товарного поезда за вторую и третью пятилетку увеличился с 717 до 1 314 т (в 1,8 раза), среднесуточный пробег вагона грузового парка – с 84,5 км до 112 км (в 1,3 раза), среднесуточная погрузка вагонов – соответственно с 2 161 т до 3 002 т (в 1,3 раза), средняя участковая скорость движения поездов стала больше в грузовом движении на 6 км, в пассажирском – на 14 км²⁴. Объем перевозок железнодорожным транспортом, опять же по нашим подсчетам, возрос с 1933 г. по 1940 г. с 26,0 млн т до 72,4 млн т (в 2,1 раза), водным транспортом – с 6,7 млн т до 7,3 млн т. Наиболее высокие темпы прироста перевозок наблюдались

на автомобильном транспорте: его доля в грузоперевозках региона в 1940 г. составляла 22,5 %²⁵.

Стахановское движение способствовало и повышению технической квалификации транспортников. На Урале было создано общество «За овладение техникой» («ЗОТ»), ячейки которого действовали на многих транспортных предприятиях. На Тюменской судовой в 1935 г. 107 рабочих обучались в кружках техминимума, которые затем были объединены в комбинат рабочего образования. На Южно-Уральской железной дороге в 1933 г. на трех станциях (Челябинск, Курган, Карталы) работали школы мастеров социалистического труда, где повышали квалификацию 394 человека. На страницах многотиражных газет «Путевка» (Свердловская железная дорога), «Призыв» (Южно-Уральская железная дорога), «Камский водник» (Камское речное пароходство), «Крылья Урала» (Уральское управление гражданского воздушного флота) регулярно печатались технические страницы «За овладение техникой». На них излагался опыт передовиков транспортных служб страны, а также рассказывалось о зарубежной практике производительного использования новых серий паровой и вагонной техники. Внедрялось заочное и вечернее обучение. В третьей пятилетке на транспорте Свердловской области всеми формами переподготовки было охвачено 60,4 % рабочих²⁶.

Но, на наш взгляд, не следует и преувеличивать значимость стахановского движения как фактора повышения производственных показателей транспортной сферы. Наибольший вклад в их повышение в первую очередь внесла коренная техническая реконструкция ее материально-технической базы, которую ветераны-транспортники называют первой научно-технической революцией на транспорте страны.

При этом процесс развертывания стахановского движения проходил с перекосами и извращениями его содержания. В передовой статье газеты «Правда» за 9 января 1938 г. констатировались факты, говорящие о том, что стахановское движение на некоторых предприятиях выливалось в организацию высоких единичных результатов в ущерб широкому распространению передовых методов работы и что «иные хозяйственные руководители допускали спортсменские увлечения отдельными высокими рекордами», при этом приписывая результаты, достигнутые группой рабочих, только одному из них.

Так, в начале 1938 г. произошло подобное событие, ярко описанное газетой «Уральский рабочий» в корреспонденции о «большой победе кунгурских железнодорожников». Встречая новый год третьей пятилетки, машинист депо Кунгур Свердловской железной дороги Петр Волобуев провел сборный поезд на участке Кунгур–Шаля за рекордное время 6 часов 37 минут вместо 10 часов 04 минуты по графику. Секрет «победы» машиниста заключался в том, что она была достигнута при «поддержке» главного кондуктора Кунгурско-

го резерва, а также диспетчера Кузинского отделения дороги, которые перед отправлением поезда заключили «договор о соревновании» с дежурными по станции в районе проследования поезда, которые «прекрасно подготовились к пропуску поезда». О результатах победного проследования поезда сразу же было доложено наркому путей сообщения А.В. Бакулину, который немедленно откликнулся на данный факт поздравительной телеграммой в адрес Волобуева: «Ваши успехи в организации работы сборных поездов имеют большое государственное значение... Награждаю Вас значком “Почетный железнодорожник”»²⁷.

Часто «стахановские» рейсы сопровождали партийные работники, которые путем оперативного вмешательства в график движения обеспечивали зеленый свет «стахановскому» поезду. Было немало случаев, когда руководители депо, отделения движения в интересах личных амбиций, либо поднятия престижа трудового коллектива не только побуждали, но и принуждали машинистов к проведению тяжелых «стахановских» составов без предварительной проверки технического состояния паровоза и пути. Неподготовленные паровозные бригады брали поезд весом, значительно превышавшим норму, и вследствие этого происходили аварии, крушения, разрывы поездов, разрушали путь. После таких «стахановских» рейсов движение по участку либо ограничивалось, либо приостанавливалось на длительное время.

Количество особенно возрастало в период «стахановских декад» и «стахановских пятidineвок». Число аварий и крушений было столь значительным, что участники слета стахановцев-кривоносовцев Свердловской железной дороги в послании Л.М. Кагановичу, занимавшему пост наркома путей сообщения СССР с перерывами с 1935 по 1944 гг., сообщали: «Горько писать, но не можем обманывать. У нас редкий день обходится без крупных аварий и крушений»²⁸.

Статистика свидетельствует, что в январе 1936 г. на Свердловской железной дороге произошло более 40 аварий и крушений, в феврале – 41, марте – 62, апреле – 29. В Камском речном пароходстве в навигацию 1935 г. было зафиксировано 660 аварий, в 1936 г. – 1 291 авария. Размер убытков составил соответственно 2 075 160 руб. и 3 896 900 руб.²⁹

По мере развертывания стахановского движения обострились личные взаимоотношения между стахановцами и теми, кто не участвовал в соревновании, поскольку стахановцы в первую очередь обеспечивались новой техникой, им предоставлялись льготы в материально-бытовом и продовольственном снабжении³⁰. Для рядовых рабочих рекорды стахановцев оборачивались повышением норм выработки и снижением расценок, то есть прямыми потерями в заработной плате. В 1936 г. в Камском речном пароходстве были пересмотрены нормы по каждому судну с учетом его лучших показателей, достигнутых в успешную навигацию 1935 г.: нагрузка на

одну индикаторную силу по сухопутной тяге увеличилась на 28 %, по нефтеналивной – на 27 %, по плотовой – на 11,2 %. На железных дорогах Урала была пересмотрена 3 781 действовавшая норма, что привело к уменьшению заработной платы рабочих на 588 000 руб.³¹

В результате на рабочих собраниях имели место выступления против требований превратить достижения отдельных передовиков производства в норму для целых коллективов, поскольку погоня за рекордами наносила ущерб качеству работы, а в ряде случаев приводила к дезорганизации транспортных перевозок. Эти выступления поддерживало немало инженеров, техников, ответственных работников аппарата управления, которые считали, что превышение пределов существующих технических возможностей транспортных средств ведет к пренебрежению правилами техники безопасности и серьезным технологическим рискам³².

Подобного рода шаги были расценены как факты саботажа стахановского движения. Газета «Правда» 26 июня 1935 г. назвала сторонников данных взглядов носителями «буржуазной теории предела». В советской прессе была организована публикация обличительных статей о «саботажниках», «предельщиках», которые, дескать, мешали работать стахановцам. Более того, их действия стали расцениваться как контрреволюционные, направленные на срыв социалистического строительства. В 1935–1936 гг. на Урале, как и по всей стране, были организованы судебные процессы над «саботажниками» стахановского движения с вынесением обвинительных приговоров как «врагам народа»³³.

Декабрьский пленум ЦК ВКП(б) 1935 г., рассмотрев «Вопросы промышленности и транспорта в связи со стахановским движением», записал в своей резолюции: «Партийные и профсоюзные организации должны разоблачать классово враждебные элементы, пытающиеся пакостить стахановцам, и сплотить вокруг стахановского движения широчайшие массы рабочих»³⁴.

Все это привело к тому, что в 1936 и 1937 гг. обозначалась тенденция к спаду стахановского движения. Несмотря на использование административно-репрессивных рычагов, охват стахановским движением на Свердловской железной дороге составлял, по нашим подсчетам, не более 20 % от общего числа рабочих и служащих, а в третьей пятилетке сократился до 17 %. На водном транспорте стахановское движение получило еще меньшее развитие: количество стахановцев среди речников Камы в 1937 г. достигло лишь 12,4 %, что было меньше уровня железных дорог и значительно ниже, чем на промышленных предприятиях, где он равнялся 37 %. Многие трудовые почину не получили среди водников широкого распространения. На автотранспорте Урала стахановцев насчитывалось лишь несколько десятков³⁵.

Так что вряд ли можно согласиться со сталинским утверждением, что стахановское движение было социалистическим по природе

и что оно стало высшим этапом социалистического соревнования в нашей стране. На самом деле оно характеризовалось теми же чертами, которые были присущи сталинской модели социализма вообще: казарменно-бюрократические методы руководства, формирование иллюзорно-мифического сознания людей, принудительный характер организации труда. Гипотеза Сталина о том, что стахановское движение должно было способствовать ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом и тем самым подготовить условия для перехода от социализма к коммунизму, также расходилась с действительностью. Многие рабочие «записывались» в стахановцы не столько за тем, чтобы овладеть новой техникой и добиться ее высокопроизводительного использования, сколько для получения более высокой заработной платы. Причем перевыполнение плановых заданий осуществлялось ими путем интенсификации своей мускульной энергии и зачастую в ущерб своему здоровью, ибо уровень механизации труда был еще крайне низок и многие виды работ, особенно во вспомогательных транспортных службах, по-прежнему выполнялись вручную.

* * *

Таким образом, стахановское движение в годы довоенных советских пятилеток охватило значительное количество работников транспортной системы как всей страны, так и в регионах. Оно способствовало повышению производительности труда, улучшению производственных показателей, преодолению существенного отставания транспорта от растущих потребностей экономики.

Вместе с тем в процессе развертывания стахановского движения было допущено немало перекосов и извращений. Многие цели и замыслы его партийных организаторов оказались несостоятельными, включая стремление придать движению социально-политическую окраску, опираясь на него, совершить «большой скачок» как в росте производительности труда, так и в переходе от социалистических производственных отношений к коммунистическим.

Были извращены корни движения, оно не столько прорастало «снизу», сколько насаждалось «сверху». При его организации использовались присущие тоталитарному режиму административно-принудительные методы. Противники увлечения рекордами, приводившими к дезорганизации бесперебойного функционирования транспортного конвейера, объявлялись «предельщиками» и врагами народа.

Примечания Notes

¹ Дробижев В.З., Карпенко С.В., Разуваева Н.Н. Стахановское движе-

ние: итоги и перспективы изучения // Рабочий класс и современный мир. 1985. № 4. С. 150–153.

² Салфетников Д.А. Процессы рационализации и проблемы стахановского движения на Кубани в 30-е гг. XX в. // Власть. 2011. № 4. С. 117–119; Фадеев Л.А. Ударничество и стахановское движение на предприятиях машиностроительной отрасли в годы первых пятилеток // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 2. С. 213–218.

³ Thurston R. The Stakhanovite Movement: The Background to the Great Terror in the Factories, 1935 – 1938 // Stalinist Terror: New Perspectives. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 142–160; Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935 – 1941. Cambridge, 1988.

⁴ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. Москва, 1939. С. 497, 498.

⁵ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. Москва, 1939. С. 499.

⁶ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. Москва, 1939. С. 504.

⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-2144. Оп. 1. Д. 2823. Л. 45; Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 7. Д. 196. Л. 121.

⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 5. Москва, 1971. С. 231–243.

⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 111. Оп. 6. Д. 2. Л. 248.

¹⁰ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. Москва, 1939. С. 493–495.

¹¹ Правда. 1935. 12 дек.

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 723. Л. 158.

¹³ Климов И.П. История развития транспорта на Урале (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Тюмень, 2005. С. 314, 349.

¹⁴ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-282. Оп. 1. Д. 296. Л. 16.

¹⁵ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 9527. Оп. 1. Д. 982. Л. 229–231.

¹⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 781. Л. 4.

¹⁷ ОГАЧО. Ф. Р-1608. Оп. 1. Д. 1. Л. 445.

¹⁸ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 723. Л. 143, 153–154.

¹⁹ Путевка (Свердловская железная дорога). 1935. 16 окт.; 20 окт.

²⁰ Челябинский рабочий (Челябинск). 1940. 7 сент.

²¹ Савостенко В.М. Деятельность КПСС по созданию второй угольно-металлургической базы СССР (1926 – 1937 гг.). Москва, 1981. С. 175.

²² Арнаутов Н.Б. Идеология «стахановского движения» в советской пропаганде (по материалам центральной периодической печати) // Исторические исследования в Сибири: Проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009. С. 223.

²³ Siegelbaum L. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935 – 1941. Cambridge, 1988. P. 295–299.

²⁴ Климов И.П. Транспортная проблема в Уральском регионе и пути ее решения (конец 20-х – 30-е гг. XX века) // Вестник Тюменского государ-

ственного университета. 2005. № 2. С. 96–102.

²⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 29. Л. 236; Оп. 14. Д. 912. Л. 52; ГАЧО. Ф. Р-1607. Оп. 1. Д. 690а. Л. 25, 37об., 38, 57об., 58; Народное хозяйство Пермской области за годы Советской власти: Статистический сборник. Пермь, 1967. С. 167.

²⁶ Государственный архив общественно-политических объединений Тюменской области (ГАОПОТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 692. Л. 2–3; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 1235. Л. 9; Оп. 14. Д. 916. Л. 66, 166; ОГАЧО. Ф. Р-1608. Оп. 1. Д. 1. Л. 448об.

²⁷ Уральский рабочий (Свердловск). 1938. 10 янв.

²⁸ ЦДООСО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 187. Л. 147; *Климов И.П.* История развития транспорта на Урале (октябрь 1917 – июнь 1941 гг.). Тюмень, 2005. С. 311–312.

²⁹ ГАСО. Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 404. Л. 9; Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1092. Оп. 1. Д. 186. Л. 37.

³⁰ ЦДООСО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 281. Л. 147–149.

³¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 916. Л. 101.

³² ГАСО. Ф. Р-65. Оп. 3. Д. 401. Л. 2; ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 8. Д. 465. Л. 153; Ф. 522. Оп. 1. Д. 74. Л. 194–196; Путевка (Свердловская железная дорога). 1935. 22 июня.

³³ *Гайдамакин А.В.* Социокультурные аспекты советской концепции железнодорожного транспорта: Опыт формирования и роль соцсоревнования железнодорожников в ее реализации в 1917 – 1930-е гг. // Вестник Омского университета. 2012. № 2 (64). С. 306–307; *Сулов А.Б., Шилова И.С.* Саботажник стахановского движения как «враг народа» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 10-2 (36). С. 184–187.

³⁴ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. Т. 5. Москва, 1971. С. 234.

³⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7913. Оп. 1. Д. 37. Л. 19–22; ЦДООСО. Ф. 522. Оп. 1. Д. 490. Л. 10; Ф. 4. Оп. 13. Д. 723. Л. 128; Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 108. Л. 18.

Автор, аннотация, ключевые слова

Климов Иван Павлович – докт. ист. наук, профессор, Тюменский государственный университет (Тюмень)
207633@mail.ru

В статье исследуется стахановское движение на транспорте Уральского региона в годы довоенных советских пятилеток. На основе сохранившихся архивных документов и материалов периодической печати анализируется специфика стахановского движения на железнодорожном, водном и других видах транспорта. Главное внимание уделяется роли уральских

комитетов партии большевиков в организации стахановского движения. В статье приводятся многочисленные факты и статистические данные об авариях, вызванных руководящим вмешательством партийных органов, которые стремились превратить стахановское движение в массовое движение советских рабочих, а также в решающий фактор роста производительности труда в народном хозяйстве СССР.

Автор приходит к выводу, что стахановское движение в годы довоенных советских пятилеток охватило значительное количество работников транспортной системы Урала. Оно действительно способствовало повышению производительности труда, улучшению производственных показателей, преодолению существенного отставания транспорта от растущих потребностей экономики.

Вместе с тем в процессе развертывания стахановского движения партийным аппаратом были извращены социальные и духовные корни движения, в результате чего оно не столько проросло «снизу», сколько насаждалось «сверху». При его организации использовались присущие тоталитарному режиму административно-принудительные методы. Организованные партийными комитетами «стахановские рекорды» часто приводили к авариям на транспорте и дезорганизации бесперебойного функционирования транспортной системы Урала. При этом противники «стахановских рекордов» из числа технической интеллигенции и рабочих объявлялись «врагами народа» и подвергались репрессиям.

Сталинская диктатура, Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС), Народный комиссариат путей сообщения, индустриализация, транспорт, железнодорожный транспорт, рабочий класс, стахановское движение, социалистическое соревнование, производительность труда, Урал.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Drobizhev, V.Z.; Karpenko, S.V.; Razuvayeva, N.N. Stakhanovskoe dvizhenie: itogi i perspektivy izucheniya [The Stakhanovite Movement: Results and Future Study.]. *Rabochiy klass i sovremennyy mir*, 1985, no. 4, pp. 150–153. (In Russian).

2. Fadeev, L.A. Udarnichestvo i stakhanovskoe dvizhenie na predpriyatiyakh mashinostroitelnoy otrasli v gody pervykh pyatiletok [Shock Work and the Stakhanovite Movement at Enterprises of the Machine-Building Industry during the First Five-Year Plans.]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*, 2013, no. 2, pp. 213–218. (In Russian).

3. Gaydamakin, A.V. Sotsiokulturnye aspekty sovetskoy kontseptsii zheleznodorozhnogo transporta: Opyt formirovaniya i rol sotssorevnovaniya zheleznodorozhnikov v ee realizatsii v 1917 – 1930-e gg. [The Social and Cultural Aspects of the Soviet Concept of Railway Transport: The Formative Experience and Role of Socialist Competition among Railway Workers during Its Implementation in 1917 – 1930.]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2012, no. 2

(64), pp. 298–307. (In Russian).

4. Klimov, I.P. Transportnaya problema v Uralskom regione i puti ee resheniya (konets 20-kh – 30-e gg. XX veka) [The Transport Problem in the Urals and the Means to Solve it (End of the 1920s – 1930s)]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005, no. 2, pp. 96–102. (In Russian).

5. Salfetnikov, D.A. Protsessy ratsionalizatsii i problemy stakhanovskogo dvizheniya na Kubani v 30-e gg. XX v. [Processes of Rationalization and Problems of the Stakhanovite Movement in the Kuban in the 1930s]. *Vlast*, 2011, no. 4, pp. 117–119. (In Russian).

6. Suslov, A.B.; Shilova, I.S. Sabotazhnik stakhanovskogo dvizheniya kak “vrag naroda” [The Saboteur in the Stakhanovite Movement as the “Enemy of the People”]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2013, no. 10-2 (36), pp. 184–187. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Arnautov, N.B. Ideologiya “stakhanovskogo dvizheniya” v sovetskoj propagande (po materialam tsentralnoy periodicheskoy pechati) [The Ideology of the “Stakhanovite Movement” in Soviet Propaganda (Based on Materials of the Central Periodical Press)]. *Istoricheskiye issledovaniya v Sibiri: Problemy i perspektivy* [Historical Research in Siberia: Problems and Prospects]. Novosibirsk, 2009, pp. 223–230. (In Russian).

8. Thurston, Robert. The Stakhanovite Movement: The Background to the Great Terror in the Factories, 1935 – 1938. *Stalinist Terror: New Perspectives*. Cambridge University Press, 1993, pp. 142–160. (In English).

(Monographs)

9. Klimov, I.P. Istoriya razvitiya transporta na Urale (oktyabr 1917 – iyun 1941 gg.) [A History of Transport in the Urals, October 1917 – June 1941]. Tyumen, 2005, 384 p. (In Russian).

10. Savostenko, V.M. Deyatelnost KPSS po sozdaniyu vtoroy ugolno-metallurgicheskoy bazy SSSR (1926 – 1937 gg.) [The Activities of the CPSU in Creating the Second Coal-Metallurgical Base of the USSR, 1926 – 1937]. Moscow, 1981, 176 p. (In Russian).

11. Siegelbaum, Lewis H. Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR, 1935 – 1941. Cambridge University Press, 1988, 325 p. (In English).

Author, Abstract, Key words

Ivan P. Klimov – Doctor of History, Professor, Tyumen State University (Tyumen, Russia)
207633@mail.ru

The article examines the Stakhanovite movement in the Urals transport

sector during the socialist five-year plans before World War II. On the basis of archival documents and materials from the periodical press the author analyses the specific features of the Stakhanovite movement in rail, water and other transport. The emphasis is made on the role of the Bolshevik party committees in the Urals in organizing the Stakhanovite movement. The article refers to numerous facts and statistical data about accidents caused due to interventions of the Bolshevik party authorities who tried to turn the Stakhanovite movement into a massive movement among soviet workers and a significant labour productivity factor in the USSR economy.

The author arrives at the conclusion that during the pre-war five-year plans the Stakhanovite movement involved a considerable amount of workers in the Urals transport system. It did raise the labour productivity and other production indicators and helped the transport sector catch up with growing economic demands.

However, in the course of the Stakhanovite movement under the guidance of the Bolshevik party authorities the social and spiritual roots of the movement were damaged, as a result it stopped being a “grass-roots” initiative turning into something enforced from “the top”. Administrative coercive methods typical of totalitarian regime were applied. “Stakhanovite records” instigated by the Bolshevik party committees caused frequent accidents and disarray in the work of the Urals transport system. Moreover, the opponents of “Stakhanovite records” among technical intelligentsia and employees were denounced as “enemies of the people” and were subjected to repressions.

Stalin’s dictatorship, Communist Party of the Soviet Union (CPSU), People’s Commissariat of Communications, industrialization, transport, rail transport, working class, Stakhanovite movement, socialist competition, labor productivity, Urals.

Е.В. Бодрова

**«ТАМ, ГДЕ РАСПАД СТРАТЕГИИ,
ДЕЙСТВУЕТ СТРАТЕГИЯ РАСПАДА»:
АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО РОССИИ
О РЕЗУЛЬТАТАХ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ
(1990-е годы)**

E.V. Bodrova

**“Where there Is a Collapse of Strategy, there
Is a Strategy of Collapse”:
Russia’s Academic Community on the Results of Liberal Reforms
(the 1990s)**

Необходимость разработки и реализации оптимальной стратегии дальнейшего социально-экономического развития России требует серьезного изучения концептуальных подходов к анализу проводимых в 1990-е гг. либеральных реформ – их замысла, процесса реализации, итогов и последствий.

Рядом авторов некоторые аспекты этой проблематики уже ставились и изучались. В частности, реформирование научно-технического комплекса страны и их результаты, обвал высокотехнологичных отраслей производства, кризис инженерного образования и вузовской науки, «утечка мозгов»¹.

Однако первостепенного внимания историков заслуживают, на наш взгляд, сюжеты, связанные с состоянием фундаментальной науки, оценками результатов реформ ведущими учеными страны, предлагаемыми ими в то время рекомендациями, попытками взаимодействия с правительством.

Расширявшаяся источниковая база за счет появившейся возможности введения в научный оборот стенограмм заседаний Президиума РАН, хранящихся ныне в Архиве Российской академии наук, а также материалов парламентских слушаний из фондов Архива Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации позволяет с большей степенью объективности и достоверности исследовать эту проблему.

* * *

Накануне событий, зафиксировавших распад СССР, значительная часть ученых была полна оптимизма. О трагичности момента для страны и науки говорили лишь последний президент АН СССР Г.И. Марчук и поддерживающее его меньшинство присутствующих на Общем собрании Академии осенью 1991 г. Однако и ситуация, и оценки происходящего быстро менялись.

Особенно резкую реакцию ученых вызывали рассуждения о роли государственного регулирования социально-экономических процессов. В 1994 г., в низшей точке промышленного спада, один из главных проводников либеральных реформ Е.Т. Гайдар полагал абсурдной саму идею «мускульным» усилием государства «догнать и перегнать» саморазвивающееся общество. Им предлагался подход, предполагающий отказ от «государственничества» как своего рода религии и чисто рациональное, «западное» отношение к государству².

Однако обещанных либеральными реформаторами эффективных собственников в технологическом секторе обрабатывающей промышленности не появилось, была законсервирована неконкурентоспособная для условий открытой экономики организационная структура отечественных машиностроительных производств. В структуре экспорта все более повышался удельный вес топливно-энергетических и других видов ресурсов. Одновременно в страну импортировались значительные объемы продукции низкого качества, в то время как мощности отечественных товаропроизводителей аналогичной продукции зачастую оставались недогруженными. Углублялся спад производства промышленной продукции, росла безработица.

В январе 1994 г. катастрофическое состояние экономики и научной сферы обусловило призыв к академическому сообществу известного физика, академика Е.П. Велихова, конкурировавшего в то время с Ю.С. Осиповым в борьбе за пост президента РАН, включиться в обсуждение вопроса о том, что «сегодня происходит со страной и куда она идет дальше»: «Понимая свою ответственность за фундаментальную науку, мы должны в то же время понимать, что сегодня в стране кризис происходит со всей наукой, и кризис очень серьезный. И поэтому мы по структуре Академии наук, по ее квалификации должны думать и о науке в целом. Но если мы думаем о науке в целом, то судьба науки будет в значительной степени зависеть от судьбы страны в целом»³.

Е.П. Велихов, в 1991 г. активно выступавший за реформы и переход Академии под юрисдикцию РСФСР, одновременно задавался вопросом, а нужен ли ей такой рынок, если на нем нет отечественного продавца: «...Предполагали, для того, чтобы увеличить инвестиции в страну, нужно освободить экспорт. Освободили экспорт – экспортеры и импортеры вывозят десятки миллиардов долларов наружу, никакие инвестиции в страну не идут и сегодня страна фактически инвестирует Запад, но никто не инвестирует в развитие страны...»⁴. Ученый в этой связи пытался определить, каким путем страна пойдет дальше: «Пойдем ли по линии разрушения существующих систем, понимая, что строить новые системы в условиях отсутствия инвестиций, это тоже в какой-то степени утопия. Пойдем ли мы по пути действительно деиндустриализации и перехода в страну “третьего мира”, тогда будет совершенно ясные выводы для науки. Или все-таки найдем путь в индустриальное будущее?»⁵.

Отвечая утвердительно на вопрос относительно наличия у страны способностей и ресурсов, чтобы их переориентировать с одной цели на другие, академик в то же время выражал сомнение в целесообразности использования экспортного кредита, так как в таком случае в страну попадет только продукция экспортера, а расплачиваться придется нефтью. Ученый полагал необходимыми корректировку действующего закона о недрах и способах распоряжения ресурсами, использование опыта Норвегии, где все ресурсы Северного моря находятся под контролем государства. Участие мировых компаний было возможным, но при условии контроля со стороны государства и нахождения основных акций в руках государства⁶. Норвежский опыт побудил Е.П. Велихова предложить использование советских мощных производительных систем, переориентировав, например, предприятия, создававшие атомный подводный флот, на выпуск нефте-либо газодобывающих платформ и оборудования для шельфов⁷.

Призыв использовать в тот сложный период опыт Норвегии представляется вполне правомерным, так как эта страна смогла добиться от иностранных корпораций, работающих на местном рынке, проведения локализации своих технологий или передачи их норвежским научно-исследовательским институтам. Для этого предусматривалось поощрение и вознаграждение иностранных компаний. В результате Норвегия, которая еще в 1960-е – 1970-е гг. ничем не могла похвастать, к настоящему времени превратилась в мирового лидера в таких сферах, как нефтегазовая, судостроительная, гидроэнергетическая, экологическая, возобновляемая энергия.

Беспокойство Е.П. Велихова вызывало и состояние отечественного авиастроения: «У нас есть авиационная промышленность, промышленность авиационных двигателей масштаба 100-150 тысяч рабочих мест, которая, если она не получит этого рынка, должна будет умереть, потому что столько военных двигателей нам не нужно, эти заводы сегодня работают 2-3 дня»⁸.

Согласно данным экспертов, выступающих на парламентских слушаниях в Государственной думе, при производственной возможности изготавливать до 400 самолетов в год разгромленная к середине 1990-х гг. авиастроительная отрасль не могла произвести и двух десятков⁹.

В декабре 1997 г. Счетной палатой Российской Федерации была проведена комплексная проверка состояния и перспектив развития авиационного комплекса России, включая оценку эффективности использования федеральной собственности, реализации программ развития, целевого использования бюджетных средств в авиационной промышленности и воздушном транспорте России. Аудиторами было установлено, что в результате бесконтрольной приватизации, финансово-кредитной, налоговой и ценовой политики, недостаточной государственной поддержки, запаздывания с проведением структурных преобразований авиационная промышленность и воздушный

транспорт утрачивали научно-производственный и кадровый потенциал, теряли конкурентоспособность на мировом авиационном рынке. В крайне тяжелом положении оказалась система организации и управления воздушным движением¹⁰. По ряду важнейших видов продукции было фактически прекращено финансирование серийного производства. Располагаемые мощности были загружены на 20 %, а на оборону России работало всего 5 % располагаемых мощностей. Закупки самолетов и вертолетов для Вооруженных сил России сократились более чем в 50 раз¹¹.

Характеристика кризисного состояния авиастроительной отрасли в 1990-е гг. была для академика Е.П. Велихова лишь аргументом, используемым с целью обоснования вывода о необходимости включения РАН в процесс поиска путей преодоления кризиса и выбора наиболее оптимальной стратегии дальнейшего развития России. По мнению ученого, Академия наук имела авторитет, «сочетание экономистов и законников», позволяющее создать современную законодательную базу, мощный интеллектуальный ресурс для становления науки о неравновесной экономике, на базе которой возможно было осуществлять не только глобальные макроэкономические оценки, но и обеспечивать эти проекты финансовыми планами и определенными экспертизами. Заклучая свое выступление на заседании Президиума РАН, академик предложил: «...Мы должны сказать, что Россия не может разбазаривать свои ресурсы, она должна связывать эти ресурсы со своим индустриальным будущим... Должен вестись поиск того, как использовать существующие системы, их совершенствовать, реструктурировать... Ломать производственные системы невозможно... Мы должны эти системы реструктурировать под государственным управлением. Мы должны понимать, что не находимся уже в переходном периоде. Мы весь остаток жизни будем жить в этом периоде... Мы должны создать такой инструмент, который мог бы помочь нам в этот период иметь реальную экономическую макротерию, построенную на микроанализе, на микропроектах. Мне представляется, что это дело Академии»¹².

Между тем, советник Президиума РАН, выдающийся теплофизик и энергетик, академик М.А. Стырикович, участвуя в обсуждении доклада Е.П. Велихова, оценивал его предложения как уже устаревшую систему. Им самим было предложено использовать «наиболее рациональный, наиболее эффективный путь – путь, который проходили новые индустриальные страны, прежде всего, Юго-Восток Азии». Догонять, делая все самим, «было бы нелепостью», полагал он. Одной из серьезнейших проблем ученый назвал отсутствие в нашей стране методики расстановки приоритетов: «У нас чудовищный дефицит в капиталовложениях и инвестициях. Надо расставить приоритеты и давать деньги только туда, где можно получить быструю и высокую отдачу»¹³.

К рекомендациям М.А. Стыриковича следовало бы прислушаться

ся: он обладал, по свидетельству друзей и соратников, высочайшим профессионализмом, широчайшей эрудицией, феноменальной памятью, знанием нескольких языков и непререкаемым авторитетом среди коллег, участвующих с ним в масштабных отечественных и международных проектах. Его друзьями были ведущие теплофизики мира – Е.А. Брюн, Е.Р. Эккерт, У. Григуль, физик Л.Д. Ландау, химик В.А. Каргин, востоковед Н.И. Конрад, математик Я.А. Смородинский. Всех потрясали его познания в археологии, истории, живописи, театральном искусстве, музыке, литературе и многих других областях¹⁴.

В ходе обсуждения доклада Е.П. Велихова предьявлялись обвинения в бездействии и к экономистам – представителям академической школы, которые, между тем, в 1994 г. разработали доклад «Социальные, экономические и политические проблемы развития РФ», предназначенный для правительства и президента Б.Н. Ельцина. Он был подготовлен под руководством вице-президента РАН академика В.Н. Кудрявцева учеными Отделений экономики, истории, философии, социологии и права РАН и сотрудниками Международного фонда «Реформа». В частности, учеными рекомендовалось: отказаться «от наивной веры в автоматизм оздоровления экономики», восстановить там, где это необходимо, государственное регулирование, включая поддержку материального производства, стимулирование деловой, в том числе инвестиционной активности¹⁵; ориентировать экономику на решение социальных задач, достижение достойного качества жизни; определить и формировать социальные индикаторы экономической реформы, ее границ и допустимых пределов; создать современное хозяйственное законодательство; перенести на места центр тяжести по осуществлению экономических реформы¹⁶.

В качестве важнейшей стратегии авторами доклада было предложено «пересмотреть роль иностранной помощи в реформировании российской экономики и положить в основу стратегии ориентацию на отечественный научно-технический и производственный потенциал»¹⁷; отказаться как от искусственного форсирования, так и принудительного замедления приватизации крупных предприятий, а также от установления любых «плановых заданий» по приватизации; сдерживать дальнейшее социальное расслоение общества (высокооплачиваемые граждане получали в 27 раз больше, чем низкооплачиваемые, и такой разрыв наблюдался только в России) путем налогового регулирования, борьбы с мафиозными способами обогащения, перераспределения финансовых средств и т.д.¹⁸

В сфере науки и образования, которые существовали в режиме, по определению авторов, «тяжелого выживания», с проявлением «очевидных симптомов их распада», падением престижа интеллектуального труда, предлагалось разрабатывать государственную политику на основе принципа «страна без науки – страна без будущего». Соответственно, был определен и целый комплекс необходимых мер: законодательное установление доли науки в бюджете на уровне

минимум 2,5-3 % ВВП; обеспечение гарантированного финансирования фундаментальных исследований; содействие инновационному бизнесу и другим формам использования достижений науки и производства (льготное кредитование и налогообложение и т.д.); разработка правового обеспечения перехода науки к рыночным условиям; принятие закона о научно-технической политике, научной организации, статусе научного работника. Рекомендовалось рассматривать проблемы науки и образования в качестве общенациональных приоритетов¹⁹.

Этот доклад 15 февраля 1994 г. обсуждался на заседании Президиума РАН. Ход дискуссии также позволяет представить основные точки зрения академического сообщества относительно избранной реформаторами концепции реформ и методов их реализации.

Так, академик Н.П. Федоренко (в то время советник президиума РАН, а ранее – директор Центрального экономико-математического института СССР, сотрудники которого предупреждали о грядущем коллапсе советской экономики) пришел к выводу, что «ни одной программы в стране нет. Мы обманываем себя и обманываем народ. Руководство страны обманывает народ... Есть пожелания, высказывания, лозунги и прочее...». Весьма резко ученый высказался и о реформаторах: «Великомученик Гайдар в своей монетаристской политике разрушил кредитно-финансовую систему страны и так слабо функционирующую... Он приведет нас с вами, если еще не привел, к краху народного хозяйства... И мы не располагаем конкретными предложениями, как остановить это движение вспять»²⁰.

Со своей стороны, Н.П. Федоренко предложил, используя опыт Японии, Южной Кореи и Германии, начать параллельно с другими программами реализовывать аграрную реформу, накормить население, «иначе в стране будет социально-политический взрыв»²¹. Им было предложено «сесть и работать» совместно с аппаратом правительства над такими программами, с описанием конкретных мер и механизмов.

Академик Н.А. Шило, геолог, анализируя истоки кризиса, напомнил о том, что производство в СССР было укомплектовано оборудованием в основном довоенного выпуска. Как в годы перестройки, так и в 1990-е гг. необходимой структурной перестройки осуществлено не было, исторические уроки реформаторы не извлекли²².

Директор Института социально-политических исследований РАН, известный социолог, академик Г.В. Осипов, сославшись на данные, озвученные на заседании Фонда американской республиканской партии, заявил о том, что «за 200 млрд долл. перевалили частные вклады» россиян в зарубежных банках. Серьезной проблемой, отмечал он, являлось отсутствие развития малого и среднего бизнеса из-за двойного налогового бремени – государственного и «рэкета». Эта ситуация стала результатом, полагал академик, реализации очередной утопии. В итоге «произошла страшная, дикая

дифференциация по имущественному признаку нашего общества... Социальная структура напичкана антагонистичными противоречиями и стала взрывоопасной. Идет процесс разрушения интеллектуального потенциала страны в геометрической прогрессии»²³.

Заметим, что сразу после распада СССР Г.В. Осипов прогнозировал, что 1991 г. «войдет в историю как год перерастания социально-экономического кризиса советского общества в национальную катастрофу»²⁴, предупреждал о порочности и бесперспективности насаждения «перестроечной» социальной мифологии (быстрое вхождение в евро-американскую цивилизацию, демократия в качестве самоцели и т.п.).

Известный экономист Л.И. Абалкин, напомнил о том, что еще в конце 1992 г., выступая на Общем собрании с докладом, подготовленным в Отделении экономики РАН, он предупреждал о приближении «к порогу, за которым начинается необратимое разрушение научно-технического, экономического и генетического потенциала страны. Если не будут приняты неотложные меры, связанные с изменением курса, то этот процесс углубится и станет просто необратимым...». За истекшее время, полагал ученый, страна продвинулась именно в этом направлении, и если в ближайшее время не будут изменены подходы, принципы, направления, методы реализации политики государства, то «Россия никогда больше в истории ни в XX, ни в XXI в. не возродится как великая держава»²⁵.

Одновременно Л.И. Абалкин предложил охарактеризовать рекомендации, даваемые правительству зарубежными экспертами, как непрофессиональные и некомпетентные. Призывал он и не бояться власти из-за опасения не получить финансирование для научных исследований. С правительством, полагал он, необходимо разговаривать и спорить: «Как только мы встали на этот скользкий путь, мы отступили от научной истины, от поиска науки, мы начинаем приспособливать свои выводы в угоду начальству... Но если вы только пошли по этому пути, вы отказались от поиска объективных оценок ситуации»²⁶.

Судя по архивным документам, академик Л.И. Абалкин был во многом прав: руководство РАН в этот период выбрало тактику сбережения Академии во что бы то ни стало, поэтому, действительно, стремилось не раздражать власть. Опасения возможности развала РАН были не лишены оснований. Так, вице-президент РАН А.А. Гончар в 1994 г. признавался: «...Все усилия президента Академии, мои, руководства все эти 2,5 года были направлены против того, чтобы говорить, что у нас все плохо... Я призываю быть осторожными и сегодня, потому что эта инерция на всеуничтожение, по моему, еще не преодолена нашей страной и можно попасть под некие тенденции»²⁷.

Л.И. Абалкин соглашался и с оценкой социального раскола на богатых и бедных как взрывоопасного. Согласно официальным данным

Госкомстата, это соотношение все более увеличивалось: 1 : 5 в 1991 г., 1 : 8 в 1992 г., 1 : 13 в 1993 г. Между тем, мировая практика называла в качестве предельного десятипроцентное соотношение. В результате обнищания и социального пессимизма в 1993 г. от алкоголизма, самоубийства, убийств в России погибло в 10 раз больше человек, чем в Афганской войне²⁸.

Ряд выступлений Л.И. Абалкина и других ученых в то время были опубликованы в «Вестнике РАН», но, как показало внимательное изучение стенограмм, со значительными сокращениями. Поэтому особый интерес представляют именно архивные документы, материалы, которые не были доступны ранее историкам.

В частности, не была опубликована значительная часть выступлений, которые прозвучали в марте 1994 г. на заседании Президиума РАН в ходе обсуждения очередного доклада Отделения экономики и международного фонда «Реформа», озвученного академиком С.С. Шаталиным «Социально-экономические преобразования в России: современная ситуация и новые подходы». Текст доклада был направлен в правительство, Государственную думу, президентам «Семерки», в МВФ и Европейский банк. Напомним в связи с этим, что еще в декабре 1998 г. С.С. Шаталин был назначен членом Государственной комиссии по экономической реформе, затем возглавил рабочую группу по разработке программы перехода к рыночной экономике и Международный фонд экономических и социальных реформ «Реформа».

Мнения о нем и его деятельности весьма противоречивы.

Так, сотрудники Института народнохозяйственного прогнозирования В.Г. Гребенников и О.С. Пчелинцев пишут, что С.С. Шаталин являл собой ярчайший пример борьбы со злом, которое в самом широком смысле можно назвать «духом застоя», и относят его и Ю.В. Яременко к поколению, основной чертой которого являлось сочетание идеализма, исторического оптимизма, рожденного модернизацией СССР, и самого беспощадного реализма в характеристиках положения в экономике и реализуемой политики. Авторы категорически отрицают вину экономиста за «неряшливо проведенные» рыночные реформы, волна которых «грубо обошлась» с его идеей «поиска оптимального баланса между основными функциями и формами распределения доходов»²⁹.

Все значимые научные труды С.С. Шаталина были опубликованы в советское время. Основные положения его доклада, озвученного в РАН 1994 г., сводились к следующему:

- 1) реализуемая экономическая политика не привела к тем результатам, которые были частично публично, частично закрыто декларированы;
- 2) правительство не сумело адекватно решить социальные проблемы, связанные с проведением экономической реформы;
- 3) правительство по существу не занималось исследованием

структурно инвестиционной, промышленной, индустриальной политики.

4) политика в области приватизации «тоже оказалась не самой удачной», так как в реальности была оторвана от структурной политики и от национальных приоритетов в области структурной политики, часто проводилась по административному плану;

5) тезис «увести государство из экономики» себя не оправдал – наоборот, реальный уход государства и многих сфер экономической политики породил мафиозность, усилил коррумпированность экономики, которая часто контролировалась уже не государством, а другими структурами.

Вывод докладчика заключался в обосновании необходимости вернуть государство в экономику, во все сферы жизнедеятельности общества, определить национальные приоритеты, так как только при сильном государстве можно построить сильную рыночную экономику.

Анализ выступлений в ходе обсуждения доклада позволяет констатировать разочарование присутствующих и в теоретических изысканиях отечественных экономистов, и в практике реализуемых реформ, и в предложенных рекомендациях.

Так, И.М. Макаров, академик РАН по Отделению нанотехнологий и информационных технологий, Главный Ученый секретарь РАН, основатель и руководитель кафедры «Проблемы управления» МИРЭА, говорил о желании услышать не лекцию, а конкретные предложения³⁰.

Еще более определенным в оценках был академик, главный научный сотрудник Института сверхпроводимости и физики твердого тела Национального исследовательского центра «Курчатовский институт» Ю.М. Каган: «Это не программа, а декларация о намерениях... Документ нужно писать не для правительства, а для страны... Вся страна ждет от экономистов модели, как уходить от того, что мы имели, к тому, что мы хотим. Модели нет... В этой декларации нет главного – что мы должны ввести очень существенное регулирование со стороны государства... Рынок не сработал... В монетаристской идее, как и в марксизме-ленинизме, нет человека. Поэтому лучшее для монетаристской концепции, если в этой серой массе нижняя часть распределения активных людей вместе с нерентабельными предприятиями ушла бы в небытие...»³¹.

Подобную оценку результатов деятельности Отделения экономики РАН поддержал и академик, выдающийся советский и российский ученый в области радиопизики, радиотехники, электроники, информатики, радиоастрономии и криптографии А.А. Котельников, который отметил, что в документе есть предложения, но не указаны способы, каким образом это осуществить. Вывод был весьма категоричен: «Мне кажется, в таком виде он пользы не принесет и может даже принести нам вред, поскольку... скомпрометирует нашу эконо-

мическую науку»³².

Выразил свое удивление и академик, специалист в области аэродинамики, летательных аппаратов и теоретических основ самолетостроения Е.Е. Струминский, констатировавший, что в докладе доказано, что экономика находится в критическом состоянии, в управленческом кризисе. В нем есть предложения, но отсутствует главное – каким образом их осуществлять, какими методами: «У меня есть методы, я могу посчитать и сделать. Ответьте мне, как вы собираетесь это сделать?»³³.

Академик, директор Института внешнеэкономических исследований РАН С.А. Ситарян, один из авторов и идеологов закона «О кооперации» (1988 г.), попытался выступить в защиту доклада, доказывая, что в нем были заложены лишь определенная идеология, стратегия, концепция, но он не являлся правительственной программой. Не допустить дальнейшего спада показателей, характеризующих минимальный социальный уровень, мог тогда только тот, кто, по его словам, «сидит в правительственном кресле: если он выбирает определенную позицию (допустим, пенсию, ...обеспечение, прежде всего, индексацию этого показателя), «тогда мы решаем вопрос, как ее реализовать... Если вы принимаете эту технологию и эту систему, тогда эти предложения могут быть предметом практического обсуждения»³⁴. Экономист полагал, что невозможно было в тот момент проводить какие-либо эксперименты («сегодня всякие эксперименты – это прямые или косвенные формы предоставления льгот»), иначе будет только хуже.

С.А. Ситарян признался, по сути, в кризисе экономической науки, так как произошедший в результате либеральных реформ столь серьезный спад производства ученых-экономистов озадачил. Действительно, динамика промышленной продукции, если за 100 % взять январь 1991 г., удручала: в 1992 г. по отношению к январю 1991 г. – 84,9 %, в 1993 г. – 66,4 %, в 1994 г. – 51,1 %. Вопрос, каким задавался выступающий, выдавал растерянность: «Можно ли только рассчитывать на дальнейшую либерализацию, что придет время и эта политика даст эффект? Или мы должны переходить на ряде участков... на ручное управление? Ведь это вопрос не только стратегии, это вопрос уже выживания, вопрос разрушения самого потенциала... Мы не говорим, что предложения, которые имеются, которые нами сформулированы, самые лучшие и идеальные. Это наше видение, которое, может быть, требует еще более глубокого понимания, может быть, даже меньшей научной предвзятости и т.д. Но это проблемы, которые требуют обсуждения, от них нельзя уходить»³⁵.

Прогноз принявшего участие в дискуссии академика Н.П. Федоренко оказался неутешительным: «Инфляция за январь текущего года составила 21,4 %, спад промышленного производства по сравнению с уровнем 1990 г. – 60 %. По нашим оценкам, полный паралич промышленности может наступить при спаде в 70 % из-за раз-

рыва инженерно-технологических связей...»³⁶. Им был предложен и механизм выхода из кризиса: регулирование денежного рынка, курса рубля, процентных ставок и т.д. Стоило, по его мнению, лишь определиться с методами.

Пытался ответить на вопросы, задаваемые присутствующими относительно денежных потоков, сути причин спада производства и т.п., и Ю.В. Яременко – академик РАН, специалист в сфере межотраслевого моделирования и макроструктурного анализа, заместитель академика-секретаря Отделения экономики, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН: «У нас экономика была крайне неравновесной, а телодвижения были крайне резкими. Ясно, что издержки подскочили при неравномерном росте цен, нет покупательной способности. Все останавливается, то есть, мы пришли к нерыночной ситуации». Указывая на поэтапность и осторожность правительств Китая и Венгрии при проведении реформ, он охарактеризовал политику российской власти со свойственной ему определенностью: «Это имитация. Мы уже в течение двух лет видим, как Министерство экономики имитирует. Все документы чисто декларативные». В качестве конструктивных предложений он выдвинул следующие: регулирование цен, частичное их замораживание (на сырьевые ресурсы, например). В этом случае, согласно его прогнозам, могло бы произойти некоторое сближение в структуре цен, это дало бы толчок к росту производства. Требовался отказ от «безупречного либерализма»³⁷.

Действительный член РАН по Отделению экономики Д.С. Львов, основные труды которого были посвящены теории эффективности факторов производства и анализу механизмов функционирования экономики переходного периода, признал: «К сожалению, мы верим не своим расчетам, а зарубежным экспертам, которым платим не рубли, как нам в ЦЭМИ платят, а большую валюту. А вся трагедия в том, что мы, как экономисты, не могли сообразить простую вещь: нельзя рассматривать цены в отрыве от налогов, налоги в отрыве от цен. Надо было синхронно проблему цен связать с налогом... Переходить к рентной системе налогообложения, освободить промышленность от налогов и дать ей возможность развиваться... Одним из чудовищных, главнейших факторов инфляции является кредитная эмиссия... Центральный банк отдавал... по достаточно низким процентам кредит... коммерческим банкам. Те пускали в сферу обращения, в торговлю. Дальше шел автоматический вывоз этого капитала... за рубеж. Прежде всего, надо разобраться в финансовой сфере и навести там порядок, и целый ряд банков надо национализировать обратно и уже потом более цивилизованным путем решать эти проблемы...». Наконец, академиком было предложено: «Раз сегодня ... основной природный ресурс сосредоточен в ТЭКе, а интеллектуальный... технологический ресурс сосредоточен в НГК [Нефтегазовый комплекс. – Е.Б.], в машиностроении, то основная задача – соединить эти две вещи... пойти,

прежде всего, по линии вертикальной интеграции, создания мощных финансово-промышленных групп, и прежде всего, интеграции НГК, машиностроения с ТЭК»³⁸.

Одновременно, ссылаясь на некомпетентность людей в правительстве и их нежелание выслушивать чьи-либо рекомендации, Д.С. Львов предложил объявить конкурс научных работ по созданию моделей экономического развития России на ближайшую перспективу³⁹. Отметим, что в начале 2000-х гг. академик отстаивал необходимость дополнительного изъятия ренты у нефтегазовых компаний⁴⁰.

Обсуждение доклада С.С. Шаталина, на наш взгляд, в полной мере отразило, с одной стороны, определенную беспомощность, продемонстрированную отечественными учеными-экономистами, с другой – желание научной общественности увидеть готовую систему конкретных и безотлагательных мер, в том числе, оперативных, для выхода из тяжелейшего кризиса и, кроме того, разработанную долгосрочную стратегию научно-технического развития России. Однако ни долгожданной программы, ни улучшения ситуации не наблюдалось.

Как видим, точки зрения экономистов относительно оптимальной стратегии экономистов разделились. Вместе с тем, несмотря на разницу в подходах, значительная часть острейших проблем признавалась всеми и характеризовались в целом одинаково в качестве весьма опасных.

Доклад, озвученный еще одним известным экономистом, академиком Н.П. Шмелевым на заседании Президиума РАН, спустя несколько месяцев, в ноябре 1994 г., многих присутствующих шокировал. В частности, в нем характеризовался экономический кризис в качестве итога «тотальной неконкурентоспособности», накапливающейся десятилетиями. А потому, полагал он, потребуются для выхода из кризиса не несколько лет, а несколько десятилетий, усилия двух-трех поколений. Одновременно докладчиком обосновывалась острейшая необходимость осуществления индустриальной структурной политики, но утверждалось, что без угрозы банкротства значительная часть отечественного промышленного потенциала перестроиться не сможет⁴¹.

Рассуждая о протекающем в то время процессе приватизации, ученый охарактеризовал его как «дележку государственной собственности между директоратом и примыкающими к директорам кланами», которые не пустят на рынок ни мелкий, ни средний бизнес. В качестве важнейшей задачи Н.П. Шмелев называл также отказ от дальнейших заимствований: «Наше государство доказало, что оно – заемщик никудышный, деньги тратит впустую, в печку, затыкая дырки, использовать эти деньги не может»⁴². Позднее, резко негативно отзываясь о квалификации и моральных качествах реформаторов (Е.Т. Гайдара, А.Б. Чубайса и других), он видел главную вину Б.Н. Ельцина в использовании «бандитских подходов»⁴³.

Б.А. Кабанов, член Президиума и академик-секретарь Отделе-

ния химии и наук о материалах РАН, являвшийся одним из мировых лидеров науки о полимерах, создателем крупной научной школы, лауреатом многих премий и членом ряда международных академий, участник ликвидации Чернобыльской аварии, отреагировал на это выступление следующим образом: «Меня очень огорчает, если на самом деле ситуация в экономике такова»⁴⁴. Возражая, в частности, против продажи земли для решения проблемы дефицита бюджета, он задавался справедливым вопросом: «Несколько лет назад мы подсчитывали, сколько стоит бомбардировщик, истребитель, подводная лодка, и если бы это производство прекратить, а эти деньги обратить в бюджет, то действительно, казалось, огромные суммы должны высвободиться. Вот у нас прекратились эти производства в военно-промышленном комплексе, резко сократились инвестиции, заодно погибают и уже погибли необратимо многие передовые технологии, наука. Но где эти деньги? По-видимому, по криминальным и полукриминальным каналам эти деньги, в конечном счете, куда-то ушли и никто от этого пользы не получил»⁴⁵.

Не согласился с оценками Н.П. Шмелева советского хозяйственного потенциала директор Института металлургии и материаловедения имени А.А. Байкова, лауреат Ленинской, Государственной премии СССР, правительства России, Демидовской и других премий академик Н.П. Лякишев, правомерно утверждавший, что в СССР были сферы в каждой отрасли, которые даже превосходили по конкурентоспособности достижения других стран. В частности, 70 % выпускаемой металлургической продукции были вполне конкурентоспособны. И задавал вопрос, ссылаясь на опыт совсем еще недавно неконкурентоспособного Китая: «Не является ли это наше нынешнее состояние следствием тотальных грубейших ошибок или некомпетентности руководителей, которые возглавляют весь этот процесс перестройки, или, может быть, еще даже что-нибудь более опасное?... Производства у нас нет. Теперь под барабанный бой о переходе к рынку мы фактически свертываем товарно-денежные отношения, и дошло до продуктообмена в самом худшем, извращенном, я бы сказал, хищном виде... У нас сейчас стратегии социально-экономического развития нет. Там, где распад стратегии, там все равно действует стратегия распада, хотим мы или не хотим. Так чтобы остановить этот распад, надо иметь четкую и ясную программу действий, а наука с помощью своего коллективного разума должна такую программу выработать»⁴⁶.

Руководитель Центра моделирования устойчивого развития общества в Институте социально-политических исследований РАН, исследователь в области теоретической механики и прикладной математики, академик В.М. Матросов также настаивал на обязанности и Академии «тащить груз накопившихся проблем», на необходимости включения научного сообщества в выработку приоритетов, оптимальной стратегии развития страны, отказавшись от заключений

экономистов, полных безысходности. Необходимо объединить, полагал он, усилия многих институтов для исследования этих проблем»⁴⁷.

Однако С.С. Шаталин не вселил оптимизма, уверив, что работы экономистов, многократно посылаемые в различные правительственные учреждения, либо не находили спроса, либо находили незначительный спрос и ложились под сукно. Известным правоведом, вице-президентом Академии наук, академиком В.Н. Кудрявцевым было предложено, тем не менее, не останавливаться на этом и «продолжать бомбардировать... наши правительственные органы различными предложениями, докладами, разработками и программами»⁴⁸.

Действительно, судя по архивным документам, крупные деятели науки и образования, крайне обеспокоенные усилением негативных процессов, регулярно обращались в правительство, Государственную думу, непосредственно к президенту Б.Н. Ельцину. Так, в письме председателя Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), физика, академика В.Е. Фортова в Государственную думу сокращение финансирования фундаментальной науки оценивалось как катастрофическое. В частности, академик вынужден был констатировать: «...Большинство научно-исследовательских институтов практически не функционирует. Происходит распад инфраструктуры науки, развал научных школ и даже приоритетных направлений, “утечка мозгов” за пределы страны и в бизнес... На восстановление ее понадобятся десятилетия... Мы действительно подошли к черте, за которой нас ждут коматозные обвальные явления и гибель науки в России»⁴⁹.

Предотвратить полную катастрофу в научно-техническом комплексе страны В.Е. Фортов пытался во второй половине 1990-х гг. на посту заместителя председателя правительства России, министра науки и технологий, председателя Государственного комитета по науке и технологиям (1996 – 1998 гг.). Но и в 2000-х гг., после избрания президентом РАН, он вынужден был признать, что «наука держится на голом интересе и инерции»⁵⁰.

Непоследовательность, бессистемность действий сменяющих друг друга правительств в области государственной научно-технической политики повлекли за собой беспрецедентное падение авторитета власти в глазах ученых. Так, директор Института прикладной физики РАН, академик А.В. Гапонов-Грегов в 1998 г. заметил: «... Сейчас закона как действующей силы еще нет, а способной помочь власти уже нет. Это обрекает на беспомощность и унижения и простого человека, и администратора, и бизнесмена, и ученого»⁵¹.

Ведущий научный сотрудник Института социологии РАН Д.Д. Райкова в эти годы также вынуждена была констатировать и отсутствие научно обоснованной стратегии реформ, и печальные последствия их реализации. С точки зрения исследователя, ключевая идея правительственной политики в то время – «формирование мобильного, динамично развивающегося научно-технического потенциала, от-

вечающего современным требованиям и ресурсным возможностям страны» – представляла собой антиномию: ресурсные возможности страны были доведены до такого уровня, при котором формирование научно-технического потенциала, отвечающего современным требованиям, становилось невозможным, а все попытки подогнать науку под государственный финансовый дефицит оказывались «смертельно опасными и для науки, и для общества»⁵².

* * *

Таким образом, изученные документы и материалы позволяют утверждать, что академическое сообщество в середине 1990-х гг. было вынуждено констатировать не только общий паралич социально-экономической сферы, но и отсутствие концептуально проработанной государственной политики реформ, слабость правовой базы и неэффективность управления. Выводы значительной части ведущих ученых сводились к необходимости разработки научно обоснованной, четкой и ясной программы действий, способной остановить деиндустриализацию и демодернизацию страны, развал ее научно-технического комплекса.

Разнообразные (и неравнозначные) проекты, разработанные учеными, предлагались правительству, но обсуждались лишь в научной среде. Отечественные эксперты, согласно их признаниям, оказались у чиновников высокого ранга не в чести. Впрочем, и сама экономическая наука оказалась в кризисном состоянии. В стране возникло коренное противоречие между назначением науки и практическим использованием ее достижений для выхода из кризиса. Приоритеты у власти были иными, а печальные результаты реформ не замедлили сказаться.

Несогласные с унижительным положением ученые, проектировщики, специалисты уезжали за границу. Катастрофическое падение эффективности производства послужило, наряду с утечкой капиталов и «утечкой мозгов», одной из главных причин финансового кризиса 1998 г.

Что переживало научное сообщество в это время, вполне емко и точно описал в марте 1999 г. президент РАН Ю.С. Осипов: «Можно сказать, что почти весь 1998 г. мы жили по существу в условиях чрезвычайного положения, получая, причем, очень нерегулярно, средства в основном лишь на заработную плату... Так называемые “твердые обещания и заверения”... остались невыполненными...»⁵³.

Тем не менее, Российская академия наук выстояла и, более того, по ряду направлений деятельности существенно развивалась. Этот феномен Академии Ю.С. Осиповым предложил изучать историкам⁵³, что представляется нам правомерным и актуальным.

Примечания

Notes

¹ *Кодин М.И.* Теоретико-методологические проблемы социально-экономических и социально-политических преобразований в России в конце XX века: 1990 – 2000 гг. Москва, 2002; *Мантуров Д.В.* Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет: Часть 1. Промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 31–48; *Bodrova E.V., Kalinov V.V.* Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the “Transition Period”: Plans and Reality in 1990s // *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi = Journal of History Culture and Art Research.* 2017. Vol. 6. № 5. P. 192–199.

² *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция // *Гайдар Е.Т.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. Москва, 1997. С. 154.

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 2. Оп. 31. Д. 117. Л. 102.

⁴ Там же. Л. 103–104.

⁵ Там же. Л. 105.

⁶ Там же. Л. 106–109.

⁷ Там же. Л. 110.

⁸ Там же. Л. 111–112.

⁹ Архив Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (Архив ГД ФС РФ). Ф. 10100. Оп. 14. Д. 88. Л. 153.

¹⁰ Там же. Л. 197.

¹¹ *Бодрова Е.В., Калинов В.В.* Эволюция государственной политики Российской Федерации в сфере авиастроения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 208.

¹² АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 117. Л. 111–115.

¹³ Там же. Л. 127–129.

¹⁴ *Леонтьев А.И., Мостинский И.Л.* Выдающийся теплофизик и энергетик: К 100-летию со дня рождения академика М.А. Стыриковича // Вестник Российской академии наук. 2002. Т. 72. № 10. С. 920–926.

¹⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 18–19.

¹⁶ Там же. Л. 17–19.

¹⁷ Там же. Л. 20.

¹⁸ Там же. Л. 20–27.

¹⁹ Там же. Л. 29–31.

²⁰ Там же. Л. 36–37.

²¹ Там же. Л. 37–38

²² Там же. Л. 54.

²³ Там же. Л. 58–61.

²⁴ *Осипов Г.В.* Мифы уходящего времени // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 3.

²⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 68.

²⁶ Там же.

²⁷ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 130. Л. 85.

²⁸ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 122. Л. 68, 70.

- ²⁹ Гребенников В.Г., Пчелинцев О.С. История научного поиска, прерванного «шоковой терапией» // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5. С. 8.
- ³⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 124. Л. 25.
- ³¹ Там же. Л. 62–64.
- ³² Там же. Л. 75.
- ³³ Там же. Л. 57.
- ³⁴ Там же. Л. 31.
- ³⁵ Там же. Л. 36.
- ³⁶ Там же. Л. 57–60.
- ³⁷ Там же. Л. 44, 45.
- ³⁸ Там же. Л. 95–97.
- ³⁹ Там же. Л. 102–105
- ⁴⁰ Горюнов И. Крест над Россией // Поиск (Москва). 2002. 19 апр.
- ⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 146. Л. 37–47.
- ⁴² Там же. Л. 53.
- ⁴³ Шмелев Н. Расплата за «авансы и долги» // Московский комсомолец. 2009. 24 сент.
- ⁴⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 146. Л. 61.
- ⁴⁵ Там же. Л. 61.
- ⁴⁶ Там же. Л. 76, 90–91.
- ⁴⁷ Там же. Л. 103.
- ⁴⁸ Там же. Л. 103.
- ⁴⁹ Архив ГД ФС РФ. Ф. 10100. Оп. 2. Д. 704. Л. 204.
- ⁵⁰ Губарев В. Академик Владимир Фортов: «Наука сегодня держится на голом интересе и инерции» // Столетие (Москва). 2013. 4 июня.
- ⁵¹ Гапонов-Грехов А.В. Наука низкого уровня – это вообще не наука // Известия (Москва). 1998. 10 янв.
- ⁵² Райкова Д.Д. Ученые о государственной научно-технической политике // Вестник Российской академии наук. 1998. Т. 68. № 10. С. 926.
- ⁵³ Основные достижения Российской академии наук в 1998 году: Вступительное слово президента РАН академика Ю.С. Осипова // Вестник Российской академии наук. 1999. Т. 69. № 8. С. 683; АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385. Л. 19, 30.
- ⁵⁴ АРАН. Ф. 2. Оп. 31. Д. 385. Л. 31.

Автор, аннотация, ключевые слова

Бодрова Елена Владимировна – докт. ист. наук, профессор, МИРЭА–Российский технологический университет (Москва)
 evbodrova@mail.ru

В статье на основе неизвестных документов, хранящихся в Архиве Российской академии наук, рассматривается проблема взаимодействия академического сообщества и власти. Основное внимание автор уделяет оценкам и точкам зрения, сложившимся в середине 1990-х гг. у ведущих российских ученых относительно концепции, механизмов, методов про-

ведения в России либеральных экономических реформ, а также их итогов и последствий.

Среди оценок, как показано в статье, преобладали негативные и пессимистические. Особенно острой критике со стороны ведущих ученых подвергались: отказ реформаторов от государственного регулирования, инициированная ими криминальная приватизация, развал производства, недофинансирование науки и образования, резкое социальное расслоение и бедственное положение значительной части общества. Академики вынуждены были признать как отсутствие у реформаторов научно обоснованной программы преобразований, так и опасность для страны избранной ими с помощью зарубежных экспертов стратегии социально-экономического развития страны.

Обсуждения и дискуссии о кризисном положении в экономике, социальной сфере и науке, которые проходили в Российской академии наук, в полной мере отразили, с одной стороны, определенную беспомощность российских ученых-экономистов, признание ими невозможности повлиять на решения правительства. С другой – желание академического сообщества разработать как систему конкретных и безотлагательных мер для выхода из тяжелейшего кризиса, так и долгосрочную стратегию научно-технического развития России. Однако академики вынуждены были констатировать нежелание правительственной бюрократии сотрудничать с научным сообществом, предлагаемые проекты ученых чиновниками высокого ранга игнорировались.

Либерализм, реформаторство, либеральная реформа, Российская академия наук, академическое сообщество, научное сообщество, бюрократия, системный кризис, антикризисная стратегия, Б.Н. Ельцин, Е.Т. Гайдар.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Bodrova, E.V.; Kalinov, V.V. Evolyutsiya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v sfere aviastroyeniya [The Evolution of the State Policy of the Russian Federation in the Aircraft Industry.]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2015, no. 18, pp. 207–210. (In Russian).
2. Bodrova, E.V.; Kalinov, V.V. Reformation of the Scientific and Technical Sphere in the Russian Federation in the “Transition Period”: Plans and Reality in 1990s. *Tarih Kültür ve Sanat Araştırmaları Dergisi = Journal of History Culture and Art Research*, 2017, vol. 6, no. 5, pp. 192–199. (In English).
3. Grebennikov, V.G.; Pchelintsev, O.S. Istoriya nauchnogo poiska, prervannogo “shokovoy terapiy” [A History of Scientific Inquiry Cut Short by “Shock Therapy”]. *Problemy prognozirovaniya*, 2004, no. 5, pp. 4–10. (In Russian).
4. Leontyev, A.I.; Mostinskiy, I.L. Vydayushchiysya teplofizik i energetik: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika M.A. Styrikovicha [An Outstanding Thermophysicist and Power Engineer: On the 100th Anniversary of the Birth

of Academician Mikhail A. Styrikovich.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 2002, vol. 72, no. 10, pp. 920–926. (In Russian).

5. Manturov, D.V. Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techeniye 25 let: Chast 1. Promyshlennost 1990-kh gg. [Twenty-Five Years of State Regulation of Industry: Part 1. Industry in the 1990s.]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, 2016, no. 3, pp. 31–48. (In Russian).

6. Osipov, G.V. Mify ukhodyashchego vremeni [The Myths of Passing Time.]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1992, no. 6, pp. 3–14. (In Russian).

7. Raykova, D.D. Uchenye o gosudarstvennoy nauchno-tekhnicheskoy politike [Scientists on the Scientific and Technical Policy of the State.]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*, 1998, vol. 68, no. 10, pp. 924–929. (In Russian).

(Monographs)

8. Kodin, M.I. Teoretiko-metodologicheskie problemy sotsialno-ekonomicheskikh i sotsialno-politicheskikh preobrazovaniy v Rossii v kontse XX veka: 1990 – 2000 gg. [Theoretical and Methodological Problems of Socio-Economic and Socio-Political Reforms in Russia at the End of the 20th Century, 1990 – 2000.]. Moscow, 2002, 211 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Elena V. Bodrova – Doctor of History, Professor, MIREA–Russian Technological University (Moscow, Russia)
evbodrova@mail.ru

The article based on unfamiliar documents from the archives of the Russian Academy of Sciences examines the problem of interaction between the academic community and the power. The author focuses on views and assessments shared by the leading Russian scholars in the mid-1990s as to the conception, mechanisms and methods of liberal economic reforms as well as their outcomes and consequences.

The analysis reveals the prevalence of negative and pessimistic assessments. The criticism was primarily directed against the rejection by the reformers of government regulation, the criminal privatization launched by them, production breakdown, underfinanced science and education, dramatic social disintegration and the impoverishment of a considerable part of the population. The Academy's scholars had to acknowledge the fact that the reformers did not have any theoretically grounded transformation programme as well as the danger in which they put the country by choosing their strategy of social and economic development with the help of foreign experts.

The debates and discussions about the critical state in economics, social sphere and science which were held at the Russian Academy of Sciences manifested the research economists' inefficacy and failure to influence the government policy, on the one hand, and on the other, the eagerness of the

academic community to devise both a system of urgent specific measures to resolve the severe crisis, and a long-term strategy for Russia's scientific and technological development. However, the academicians had to confront with the government bureaucracy's reluctance to cooperate with the academic community, with the top officials ignoring their projects.

Liberalism, reformism, liberal reform, Russian Academy of Sciences, academic community, scientific community, bureaucracy, systemic crisis, anti-crisis strategy, President Boris N. Yeltsin, Yegor T. Gaidar.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Landmarks in Human History

А.Л. Юрганов

К ИСТОРИИ РАЗГРОМА И РЕАБИЛИТАЦИИ «ФИЛОСОФСКОГО ФРОНТА» В СССР

A.L. Yurganov

Towards a History of the Defeat and Rehabilitation of the “Philosophical Front” in the USSR

Академик Абрам Моисеевич Деборин (1881 – 1963), глава разгромленного «философского фронта», чудом уцелевший во времена сталинских репрессий, начал борьбу за свою реабилитацию сразу после смерти «вождя народов».

Он еще не мог ставить под сомнение само решение ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма», принятое в 1931 г., в котором прямо осуждалось поведение «так называемого философского руководства» во главе с Дебориным, не желавшего подчиниться в философии марксизма решениям партии и ее генерального секретаря¹. На дворе стоял март 1953 г., породивший лишь надежды на приостановку травли академика, развернувшейся в 1949 г.

А.М. Деборин работал тогда в Институте истории Академии наук СССР. В июне 1949 г. он был изгнан из Института, снят с должности заведующего Сектором новейшей истории (работал с 1943 г.), но вскоре восстановлен в должности старшего научного сотрудника.

Что вменялось ему? Слабое руководство сектором. «Неправильный подбор кадров». Ну, и давно сопутствующее ему определение «меньшевистствующего идеалиста», который постоянно совершает одни и те же ошибки «буржуазно-объективистского характера».

20 марта 1953 г. состоялось заседание Президиума АН СССР, посвященное персональному делу А.М. Деборина. В докладе директора Института истории АН СССР А.Л. Сидорова было озвучено решение: «В Институте истории имеется засоренность кадров. В Институте работает ряд лиц, привлекавшихся в прошлом к судебной ответственности за антисоветскую деятельность, примыкавших ранее к враждебным партиям и группам. К сожалению, я должен указать и имя тов. Деборина, длительное время ведшего пропаганду меньшевистствующего идеализма, который в своей научной продук-

ции, опубликованной в последнее время, не показал, что он решительным образом преодолел старые недостатки»².

А.М. Деборин присутствовал на этом заседании. Он выступил резко против таких оценок. Помогло ему и то, что в текст постановления закралась (или намеренно была включена) фактическая ошибка: на самом деле он никогда не привлекался к судебной ответственности, – это клевета!

«Да, верно, я был меньшевиком. Но ЦК принял меня в члены партии без прохождения кандидатского стажа специальным постановлением. Значит, знали в ЦК, что я был меньшевиком... Неправильно говорили здесь товарищ Сидоров и другие, что я не написал ничего, где бы я не раскрыл свои ошибки. Нет, после этого я написал книжку “Маркс и современность”, которая была выпущена со специальной санкции ЦК»³.

Пафос выступления Деборина – «факты не должны быть фальсифицированы!» Он признал, что совершил «крупнейшие ошибки в области философии по части меньшевистствующего идеализма», но он не был репрессирован. И более того, «был избран членом Президиума АН и академиком-секретарем сначала целых трех Отделений, потом одного Отделения, в какой-то должности я проработал с 1934 по 1942 г.»⁴.

Смерть И.В. Сталина заставила функционеров Президиума Академии наук СССР быть осторожными. Беспокойства прибавило и то, что 4 апреля 1953 г. было опубликовано правительственное сообщение о реабилитации «врачей-вредителей».

2 апреля 1953 г. Деборин обратился к заведующему Отделом исторических и экономических наук ЦК КПСС А.М. Румянцеву с письмом. В нем он рассказал о «вопиющей клевете» и о «надругательстве над членом партии», которое ему пришлось пережить на заседании Президиума АН СССР 20 марта 1953 г.

9 апреля 1953 г. он написал письмо Н.С. Хрущеву и опять рассказал горькую правду о «вопиющей клевете» и о «надругательстве». При этом он подчеркнул важную деталь, которая и в самом деле могла сыграть решающую роль в его судьбе: он не был осужден и не был исключен из партии, и даже его «меньшевистствующий идеализм» давно уже преодолен.

На этом этапе своей борьбы Деборин не ставил своей целью полную реабилитацию. Ближайшая цель была иной: рассказать о своих многочисленных трудах, которым не дают право быть опубликованными. Это была борьба за профессиональную деятельность без ограничений, которые, как он считал, ничем не обоснованы. Он просил пересмотреть постановление Президиума Академии наук от 20 марта 1953 г. «в части, касающейся меня, как не соответствующего объективным фактам», а также – «о привлечении к ответственности

работников академического аппарата, допустивших против меня злостную клевету, порочащую мою политическую честь»⁵.

По воспоминаниям А.М. Некрича, постановление Президиума Академии наук СССР от 20 марта 1953 г. обсуждалось в Институте истории АН СССР спустя 10 дней после сообщения в центральных газетах о том, что «дело врачей» было провокацией бывшего руководства государственной безопасности. Деборин выступил необычайно резко и даже гневно против своих гонителей. «Все это ложь!» – уверенно и убежденно говорил он с трибуны⁶.

8 мая 1953 г. Отдел науки ЦК КПСС обратился со служебной запиской к Н.С. Хрущеву, в которой сообщалось, что проверка Отделом науки не подтвердила обоснованность требований академика «об отмене пункта постановления Президиума АН, касающегося оценки его научной работы, а также наказания работников аппарата Президиума якобы за клевету»:

«Деборин являлся одним из главных проповедников меньшевистствующего идеализма. Меньшевистские “теории” Деборина нанесли вред не только Коммунистической партии Советского Союза, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, пишет Мао Цзедун...»⁷.

В этой служебной записке были повторены все суждения и оценки гонителей Деборина о несостоятельности его трудов, особенно в теоретической части. Неизменным оставался давний мотив изгнания «деборинской школы» из чертогов марксизма: отрыв теории от практики социалистического строительства, отрыв марксизма от «философии диалектического материализма». Любое гонение на Деборина основывалось на решении партии о «меньшевистствующем идеализме». Этот порочный круг можно было разорвать только при условии, что обвинение в «меньшевистствующем идеализме» покажется кому-то сомнительным. Хотя бы в малейшей степени.

14 октября 1954 г. Деборин написал письмо в ЦК КПСС, в котором счел своим «партийным и гражданским долгом» сообщить: «Я подвергнут самому тяжелому наказанию – общественному ostrакизму». Вновь он говорил о своих трудах, утверждая, что их не принимают не потому, что они ошибочны, а потому лишь что их автором является Деборин:

«На каждом шагу мне приходится убеждаться в том, что я ограничен в правах советского гражданина, хотя и никакого преступления не совершил. Если у меня и были те или иные ошибки теоретического характера (у кого их не было?) четверть века тому назад, но эти ошибки во всяком случае не были более тяжкими, чем ошибки многих и многих товарищей, занимающих ответственные посты и награжденных орденами за выслугу лет и безупречную работу»⁸.

В этом письме он подробно описал свою революционную жизнь с 1898 г., знакомство с Лениным. Упомянул, что вождь мирового пролетариата конспектировал его «юношеский» труд «Диалектический материализм». Когда же речь зашла о «философском фронте», он еще раз подчеркнул, что ошибки были у многих – почему они прощаются многим, но не Деборину?

«В 1931 г. мои взгляды были квалифицированы как “меньшевистствующий идеализм”, и все мои многочисленные работы были, без всякого разбора, изъяты из обращения. Несмотря на признание мною ошибок, я был лишен права преподавания, меня перестали печатать. Это фактически продолжается до настоящего времени, т.е. двадцать три года. Какие только перевороты не произошли за это время!»⁹

В самом деле – это загадка. Что бы ни писал Деборин в оправдание свое, – а мотивы были сильные, включая ленинское отношение к его трудам, – ничего не действовало, как будто это решение было заколдованным, а сознание функционеров ЦК партии и Президиума Академии наук СССР находилось будто под гипнозом.

«Меня обесславили идеалистом и гегельянцем. Ирония судьбы! Следуя за Марксом, Энгельсом и Лениным, именно я подверг идеализм и гегельянство наиболее острой критике. Никто никогда не подвергал мои работы научной критике, ограничиваясь огульным обвинением всего того, что написано мною, идеалистическим»¹⁰.

Деборин смелее стал говорить об отсутствии аргументов у его противников, подбираясь все ближе и ближе к вопросу, с которого начинались все его обвинения, из которого они проистекали, – о решении ЦК партии 1931 г.

Но и на этот раз Отдел науки ЦК КПСС, вынужденный писать служебную записку (от 30 декабря 1954 г.) на имя секретаря ЦК КПСС П.Н. Поспелова, не изменил свою точку зрения. В ней подчеркивалось, что Деборин «пытается умалить и даже совсем отрицать допускаявшиеся им ошибки, которые квалифицировались в известном постановлении ЦК ВКП(б) от 25.01. 1931 г. «О журнале “Под знаменем марксизма” как проявления меньшевистствующего идеализма».

Авторы записки А. Румянцев и А. Лихолат интуитивно верно уловили настроение Деборина, стремящегося разными окольными путями доказать, что постановление партии уже пора пересмотреть:

«Ак. Деборин, требуя, по существу, пересмотра этого решения ЦК партии, отрицает тот большой вред, который нанес меньшевистствующий идеализм не только идеологической работе нашей пар-

тии, но и зарубежным компартиям. Об этом, в частности, писал т. Мао Цзе-дун. Постановка этого вопроса т. Дебориным тем более странна, что до сих пор он никогда не отрицал своей вины перед партией и правильной оценки его ошибок»¹¹.

С.Н. Корсаков и М.Г. Деборин, авторы основанной на уникальных материалах личного фонда А.М. Деборина «повести в документах и свидетельствах» о его тяжелой борьбе за свою научную и общественную реабилитацию, опубликовали среди прочего ценный отзыв М.М. Мороза и А. Г. Спиркина на труд академика, посвященный социально-политическим учениям Нового времени. Отзыв, судя по всему, хранится именно в личном архиве академика: точную его дату публикаторы не приводят, но указывают, что труд Деборина обсуждался в 1955–1956 гг. В любом случае видно, что отзыв был оформлен после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина.

Обращает на себя внимание все более откровенное переосмысление того, что случилось на «философском фронте»: рецензенты указывают на то, что у постановления ЦК ВКП(б) 1931 г. была *своя* причина, и она никак не связана с проблемами собственно марксистской философии:

«Прежде всего, необходимо внести ясность в вопрос о так называемом “меньшевистском идеализме”. Как известно, главным обвинением Деборина и его учеников было утверждение об игнорировании ими ленинского этапа в развитии марксистской философии. Между тем фактически об игнорировании Дебориным значения Ленина как философа не может быть и речи; Дебориным не признавалось философское значение трудов не Ленина, а Сталина. Не кто иной, как Деборин, первый в истории марксистской литературы написал и опубликовал труд “Ленин как мыслитель”, который был переведен на многие языки и издан в различных странах. Но Деборин не написал ни одной статьи или книги, восхваляющей философский гений Сталина. Деборина обвинили в том, что он игнорировал Ленина, а книгу Деборина о Ленине с советского книжного рынка изъяли. В течение почти четверти века Деборин находился в опале, но он ни разу не поступился своей научной принципиальностью, чтобы снискать благоволение Сталина. С этого времени, по сути, и начался культ личности Сталина в философском отношении, на дрожжах которого пошли в гору Митин, Каммари и другие»¹².

Доклад Хрущева на XX съезде КПСС породил новые надежды, и академик Деборин уже не боялся прямо ставить вопрос об отмене постановления ЦК ВКП(б) о журнале «Под знаменем марксизма».

12 октября 1956 г. он написал очередное письмо в Президиум ЦК КПСС, в котором утверждал, что культ личности Сталина начал

свое шествие по стране сразу после разгрома философской школы.

«Как ясно теперь из доклада Н.С. Хрущева и из выступлений членов Президиума ЦК на XX съезде партии, вся эта критика сводилась фактически к утверждению культа личности. 25 января 1931 г. было принято по предложению Сталина постановление ЦК о журнале “Под знаменем марксизма” с квалификацией членов Общества [Общества воинствующих материалистов-диалектиков. – А.Ю.] как “меньшевистствующих идеалистов”. Через короткое время большая группа молодых талантливых работников, пламенных ленинцев была арестована и сурово наказана. Что касается меня, то я был снят со всех постов, было запрещено печатать мои работы... Обвинение в “меньшевистствующем идеализме” является необоснованным вымыслом, которое никем никогда не было доказано, да и не может быть доказано...»¹³

Вновь Деборин писал о том, что ему не дают публиковать научные труды. Но теперь, в новой политической ситуации, с началом «оттепели» в общественной жизни и культуре, он надеялся, что разоблачение культа личности Сталина восстановит его репутацию полностью:

«Обращаюсь к Вам, многоуважаемые товарищи, с просьбой снять с меня клеймо меньшевистствующего идеалиста, снять запрет с моих сочинений, из которых многие было бы и сейчас полезно переиздать, напечатать мои труды последних лет, восстановить меня в правах члена ученых советов Института истории и Института философии»¹⁴.

Старого академика поручено было выслушать не в Отделе науки ЦК, а в кабинете ближайшего соратника Хрущева – Анастаса Ивановича Микояна.

А.М. Некрич вспоминал, что Деборин очень волновался перед встречей, но вернулся из Кремля довольный разговором. Он рассказал, что Микоян принял его по-дружески и все расспрашивал, что такое «меньшевистствующий идеализм». «Я, – смеялся Деборин, – сказал Анастасу Ивановичу, что вот уже двадцать пять лет стараюсь понять, что это такое, да так и не понял». Микоян качал головой, смеялся и обещал, что поддержит просьбу Деборина о снятии с него этого нелепого обвинения¹⁵.

Казалось, вот-вот случится радикальная перемена – и справедливость восторжествует.

Однако ничего почти не изменилось!

18 октября 1956 г. А.И. Микоян внес в Президиум ЦК КПСС проект постановления «Об академике Деборине А.М.». Но обещание свое не выполнил: не внес в проект пункт об отмене решения

ЦК партии 1931 г. Предлагалось только разрешить Деборину быть в ученых Советах и издавать свои труды. К разгрому философской школы Деборина были причастны почти все идеологи партии, выросло целое поколение новых философов, для которых необходимость философского «поворота» стала аксиомой. Слишком много людей в центральном аппарате КПСС было вовлечено в страшные репрессии против философов – и никому их них не хотелось стать жертвой нового разоблачения.

Один из погромщиков, А.П. Гагарин, писал академику М.Б. Митину 6 ноября 1956 г.: «Как вы, очевидно, знаете, старик Деборин специально “плакался” у тов. Микояна за то, что вот ему навязали незаслуженно кличку меньшевистствующего идеалиста, а он ни душой, ни телом неповинен во всех философских извращениях, какие ему приписывались. Я же считаю, что при всех ошибках, относящихся к культу личности Сталина, борьба против меньшевистствующего идеализма является вкладом в историю советской философии в борьбе за ленинский этап»¹⁶.

В 1961 г. секретарь ЦК КПСС Л.Ф. Ильичев попросил двух советских философов, Марка Борисовича Митина и Павла Федоровича Юдина, дать ответ на вопрос: правда ли, что в 1930 г. они угрожали расправой академику Абраму Моисеевичу Деборину, если он не признает своих ошибок в руководстве «философским фронтом»? Этот вопрос не мог не всколыхнуть воспоминаний, но и насторожить тоже мог ввиду того, что полным ходом шло разоблачение культа личности Сталина, а во главе партии находился Хрущев, прочитавший на XX съезде партии свой знаменитый «секретный» доклад о сталинских репрессиях.

Об этой истории стало известно из письма А.М. Деборина, направленного в Президиум ЦК КПСС 12 октября 1956 г. Академик писал:

«В конце 1930 года началась критика Общества воинствующих материалистов-диалектиков: обвинение меня в недооценке Ленина, “тегельянстве”, идеализме и пр. В то же время ко мне на квартиру явились М.Б. Митин и П.Ф. Юдин, которые передали мне ультиматум публично отмежеваться от членов Общества, разоблачить их как врагов народа и *признать Сталина корифеем философской науки*. Ультиматум был мною отвергнут»¹⁷.

Ответ Ильичеву за подписью сталинских академиков Митина и Юдина был отправлен в ЦК КПСС 20 декабря 1961 г.

«Секретарю ЦК КПСС тов. Л.Ф. Ильичеву.

Сообщаем Вам следующие данные об обстоятельствах нашей встречи с т. А.М. Дебориным, которая имела место, примерно, в

середине 1930 г. Как известно, к этому времени в партийной организации Института красной профессуры, на философских кафедрах и в ОВМД (Общество воинствующих материалистов-диалектиков) развернулась острая дискуссия по коренным принципиальным вопросам марксистско-ленинской философии: о ленинском этапе в развитии марксистской философии, о партийности философии, о необходимости ликвидации отрыва теоретической работы от задач социалистического строительства, о преодолении “тегельнизации” марксистской диалектики и т.п. Так называемое тогдашнее философское руководство (А.М. Деборин, Карев, Стэн, Луппол и др.) решительно сопротивлялись необходимости серьезного поворота в научной работе марксистов философов к практике социалистического строительства. Деборин был тогда ответственным редактором журнала “Под знаменем марксизма”, Карев – заведывал философской редакцией СОЦЭГГИЗА, Стэн – вел преподавательскую работу в ИКП. Таким образом – все основные философские вышки были в руках Деборина и его соратников. Мы же были только начинающими работниками в области философии (М.Б. Митин только что окончил ИКП, П.Ф. Юдин был еще слушателем ИКП, секретарем парторганизации философского отделения ИКП)...»¹⁸

«Начинающие работники в области философии» стремительно двигались по карьерной лестнице. М.Б. Митин (1901 – 1987) окончил в 1929 г. Философское отделение Института красной профессуры и в 28 лет был назначен заместителем ректора Академии коммунистического воспитания. П.Ф. Юдин (1899 – 1968) был немного старше Митина, в 1924 г. окончил Философский факультет Ленинградского коммунистического университета имени И.В. Сталина и, уже имея высшее образование, продолжал учебу на Философском факультете ИКП, который закончил в 1931 г.

«...Когда разногласия обострились до крайности, то прежде чем выступить открыто в печати, мы решили сделать попытку в товарищеской встрече с А.М. Дебориным обсудить разногласия с ним, убедить его в необходимости прислушаться к голосу молодой партийной философской общественности и даже предлагали ему возглавить борьбу за перестройку работы в области философии. Эта попытка объяснялась тем, что А. Деборин пользовался у нас еще известным пиэтетом, возглавлял важнейшие участки философской работы. К сожалению, эта попытка не дала никаких результатов. В беседе с нами А.М. Деборин держал себя высокомерно, слышать не хотел о необходимости внесения серьезных корректив в теоретическую работу в философии, считал (наши) взгляды антиленинскими и упрощенческими. Эта позиция А.М. Деборина нашла свое полное выражение в его докладе на дискуссии в Коммунистической Академии, которая проходила вскоре после встречи, осенью 1930 г.»¹⁹

Митин, судя по всему, тоже свято верил в правильную политику на «философском фронте». В своем личном архиве он хранил письма, которые при определенных обстоятельствах могли стать компрометирующими. В письме, которое не датировано, но относится к 1932 г., Митин и Юдин, обращаясь в Секретариат ВКП(б), сообщали:

«Прошло около года после постановления ЦК партии о журнале “ПЗМ” 25/1–1931, осуждающего антиленинскую сущность взглядов меньшевистствующего идеализма, – срок вполне достаточный для того, чтобы члены ВКП(б) – Деборин, Карев, Луппол, Стэн, Подволоцкий, Гоникман, Левин и др. меньшевистствующие идеалисты (так назыв. быв. философское руководство) – не только открыто высказали бы свое отношение к партийному решению обязательному для всех членов партии, но и приняли бы активное участие в его выполнении, в разоблачении этих антимарксистских взглядов. Между тем, эти люди, написавшие в свое время немало ошибочных работ – до настоящего времени молчат, хотя решение ЦК касается некоторых из них (Деборина, Карева, Стэна) персонально. Если принять во внимание, что Карев вел в свое время активно борьбу против генеральной линии партии, на стороне троцкистской, троцкистско-зиновьевской оппозиции, а Стэн является одним из “идеологов” левацких загибов – то это молчание по поводу решения ЦК партии приобретает определенный антипартийный характер. Например Подволоцкий, находясь на парработе (зам. зав. культуры Обкома ЦЧО), т. Луппол – на ответственной советской работе (зав. Главнаукой, член коллегии НКНр.), казалось, должны были бы стать активными борцами с меньшевистствующим идеализмом. Между тем, и они не отказались до сих пор открыто и полностью от своих ошибочных взглядов и не ведут активной борьбы с меньшевистствующим идеализмом. Доводя об этом до сведения ЦК, фракция Правления Всесоюзного общества Воинствующих Материалистов-Диалектиков сообщает, что фракцией ВКП (б) ОВМД принято следующее решение об исключении меньшевистствующих идеалистов из Общества...»²⁰

4 сентября 1936 г. Митин и Юдин написали письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, а копию предусмотрительно отправили заведующему Отделом печати и издательств ЦК ВКП(б) Б.М. Талю:

«Андрей Андреевич!

Процесс над троцкистско-зиновьевским террористическим центром и аресты участников террористической организации из числа людей “обосновавшихся” в ряде научно-исследовательских учреждений полностью выявили контрреволюционную сущность меньшевистствующего идеализма деборинской школы. Из упомянутых

в решении ЦК ВКП(б) (1931 г.) о журнале “ПЗМ” руководителей идеологов меньшевистствующего идеализма (Деборин, Карев, Стэн) – Карев и Стэн оказались активнейшими террористами (имя Карева фигурировало на процессе как одного из непосредственных организаторов убийства т. С.М. Кирова). Подавляющее большинство кадров меньшевистствующего идеализма, группировавшиеся в течении более чем десятилетия вокруг Деборина, Карева, Стэна, воспитавшие ими также оказались участниками троцкистско-зиновьевских групп и арестованы (Гессен, Подволоцкий, Агол, Тымьянский, Урановский, Горштейн, Бусыгин, Гарбер, Дмитриев, Федотов и др.) / Ряд других лиц из этой группы исключено из партии (Левин, Бобровников, Быховский, Бужинский).

Деборин вопреки словесному признанию ошибочности своих взглядов, пользуясь своим руководящим положением в Президиуме Академии наук совместно с Волгиным и Бухариным по групповому принципу подбирал туда своих единомышленников. Деятельность Деборина в Академии наук выразилась еще между прочим и в том, что в ответственных изданиях Академии наук, в сборниках, посвященных памяти К. Маркса и В. Ленина, вышедших под редакцией Бухарина и Деборина, оказались статьи троцкистских террористов Гарбера и Урановского. Все это ставит вопрос о возможности дальнейшего пребывания Деборина в составе редколлегии журнала “Под знаменем марксизма”. Просим принять нас для беседы по вопросу о положении в редколлегии “Под знаменем марксизма” и о задачах журнала.

Члены редколлегии (Митин, Юдин)»²¹.

По воспоминаниям Некрича, Микоян предлагал отменить постановление ЦК партии о «меньшевистствующем идеализме», однако резко против этого предложения выступил главный партийный идеолог, директор Института марксизма-ленинизма П.Н. Пospelов²².

Едва ли не впервые, судя по всему, в высших кругах партии осознали, что отмена постановления ЦК о журнале «Под знаменем марксизма» – не частный случай борьбы с культом личности Сталина, а тот «кирпич» в фундаменте власти, без которого и фундамент может развалиться! Выросло поколение людей, воспитанных на идеях сталинского поворота в философии, который обосновывал первенство партии, большевистской идеологии над философской мыслью. Невозможно было объяснить ошибочность этого приоритета политики партии, не отрекаясь от всего советского, большевистского прошлого, в котором постулировалась непререкаемая воля генерального секретаря.

Из воспоминаний Е.Г. Плимака следует, что в борьбе за отмену постановления 1931 г. Деборин получил поддержку не только Микояна, но и Хрущева²³. Но аргументы Пospelова оказались сильнее

антисталинских эмоций: ни Хрущев, ни Микоян не смогли пойти дальше того рубежа, который сами же установили на XX съезде партии: были ошибки, трагические ошибки Сталина, ошибки всей партии – но никто не может и не в праве сомневаться в правильности самого пути к коммунизму, избранного народом в 1917 г.!

Следует согласиться с оценкой С.Н. Корсакова и М.Г. Деборина: «Сталинский режим после смерти Сталина в своей сущности не изменился и просуществовал далее в этом качестве вплоть до своего крушения. Члены Президиума ЦК прекрасно поняли, к чему может привести официальная реабилитация А.М. Деборина, тем более отмена постановления 1931 г. <...> Поставить под сомнение постановление 1931 г. – это значило фактически поставить под сомнение социалистический, марксистский характер всей той политики, которая проводилась в стране после установления единовластия Сталина начиная с 1927 г. Все это члены Президиума ЦК если не понимали разумом, то чуяли “классовым чутьем”. Поэтому Митин, Юдин, Константинов, Каммари, Максимов, Федосеев, Ильичев, Чагин, Иовчук, увенчанные академическими регалиями, продолжали паразитировать на советской философии еще в течение нескольких десятилетий. Даже в период перестройки постановление ЦК о “меньшевистствующем идеализме” не было отменено»²⁴.

То, что письма академиков сохранились в личном архиве Митина и не были уничтожены как компрометирующие документы – а по существу доносы, – свидетельствует о глубоком неверии идеологов партии в такую десталинизацию, которая выйдет сильно за черту принятых на XX съезде решений.

Согласно этим решениям, нет оснований отменять партийные устои в философии, даже если осуждается культ личности Сталина: именно партия руководит диалектической мыслью философов, а не наоборот, как думал академик Деборин. Оказалось, что решение партии о смене руководства «философским фронтом» в 1931 г. имело не частное, а фундаментальное значение, сравнимое разве что с 6-й статьей Конституции СССР о руководящей роли партии в советском обществе.

А потому борьба Деборина за свою научную и общественную реабилитацию не могла привести к полному успеху, ибо для этого потребовался бы демонтаж всей советской идеологической системы, который был невозможен в период хрущевской «оттепели» и который произошел только после 1991 г.

Примечания Notes

¹ *Яхот И.* Подавление философии в СССР (20 – 30 годы). New York, 1981.

² *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за

научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 119, 120.

³ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 120.

⁴ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 120.

⁵ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 124.

⁶ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 125.

⁷ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 125.

⁸ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 126.

⁹ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 127.

¹⁰ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 127.

¹¹ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 129.

¹² *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 131.

¹³ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 132, 133.

¹⁴ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 133.

¹⁵ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 134.

¹⁶ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал.* 2014. № 1 (12). С. 134.

¹⁷ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свиде-

тельстввах // *Философский журнал*. 2014. № 1 (12). С. 132.

¹⁸ Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 1992. Оп. 1. Д. 309. Л. 162–163.

¹⁹ Там же. Л. 163–164.

²⁰ АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 400. Л. 127, 127 об.

²¹ АРАН. Ф. 1992. Оп. 1. Д. 309. Л. 10–11.

²² *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал*. 2014. № 1 (12). С. 134.

²³ *Плимак Е.Г.* К реабилитации вождя «меньшевистствующего идеализма» (О моей работе референтом у академика А.М. Деборина) // *Вопросы философии*. 2002. № 4. С. 89–99.

²⁴ *Корсаков С.Н., Деборин М.Г.* Борьба академика А.М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: Повесть в документах и свидетельствах // *Философский журнал*. 2014. № 1 (12). С. 137, 138.

Автор, аннотация, ключевые слова

Юрганов Андрей Львович – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

Iurganov@yandex.ru

В статье рассматривается ситуация как разгрома, так и попыток реабилитации «философского фронта» в СССР под руководством академика А.М. Деборина. Чудом выживший в годы сталинских репрессий, Деборин начал борьбу за оправдание себя сразу после смерти И.В. Сталина, продолжил эту борьбу после XX съезда КПСС. Ему почти удалось убедить некоторых руководителей партии и государства пересмотреть принятое в 1931 г. постановление ЦК партии большевиков о «философском фронте». В этом печально известном постановлении была обозначена главная вина прежнего «философского руководства»: склонность к идеализму и игнорирование ведущей роли партии в области философии. Постановление 1931 г. фактически узаконивало право партийного аппарата самому решать, что правильно, а что неправильно в марксистской философской мысли.

Деборин был близок к своей мечте – полностью оправдать себя и своих товарищей-философов, большинство из которых стали жертвами Большого террора. Однако добиться своего он не мог даже теоретически: анализ ситуации в обществе и в советских общественных науках после XX съезда КПСС показывает, что отмена постановления 1931 г. оказалась бы сродни отмене 6-й статьи Конституции СССР о руководящей и направляющей роли Коммунистической партии в советском обществе. Никто не хотел вынимать главный «кирпич» из построенного Сталиным государственного здания.

В статье публикуются и анализируются письма главных исполнителей воли Сталина на «философском фронте» – академиком М.Б. Митина и П.В. Юдина. Эти письма дополняют наши знания как о сталинском терроре

против философов, так и о психологическом состоянии советского общества после смерти Сталина.

Сталинская диктатура, Большой террор, десталинизация, хрущевская «оттепель», Коммунистическая партия Советского Союза, Академия наук СССР, Институт истории, Институт философии, философия, философская школа, академик А.М. Деборин.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Korsakov, S.N.; Deborin, M.G. Borba akademika A.M. Deborina za nauchnuyu i obshchestvennuyu rehabilitatsiyu: Povest v dokumentakh i svidetelstvakh [Academician Abram M. Deborin's Struggle for Scholarly and Public Rehabilitation: A Story in Documents and Testimonies.]. *Filosofskiy zhurnal*, 2014, no. 1 (12), pp. 117–139. (In Russian).

(Monographs)

2. Yakhot, Yehoshua. Podavlenie filosofii v SSSR (20 – 30 gody) [The Suppression of Philosophy in the USSR during the 1920s and 1930s.]. New York: Chalidze Publications, 1981, 296 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Andrey L. Yurganov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Iurganov@yandex.ru

The article examines the case of eradication of the “Philosophical front” in the USSR as well as the attempts to rehabilitate it led by Academician Abram M. Deborin. Having miraculously survived during Stalin’s repressions A. Deborin took up the struggle for his rehabilitation right after Josef Stalin’s death and resumed it after the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU). He almost succeeded in persuading certain top officials of the party and government to reconsider the resolution of the CPSU Central Committee about the “Philosophical front”. This notorious decree cited the major fault of the former “philosophical leadership”, i.e. their propensity for idealism and disregard for the leading role of the CPSU in the field of philosophy. The resolution of 1931 entitled the party bureaucracy alone to judge what is right and wrong about the Marxist philosophical theory.

A. Deborin was quite close to his dream: the full rehabilitation of himself and his colleagues-philosophers the majority of whom had fallen victims to the Great terror. However, his goal could not be realized even theoretically. As follows from the analysis of the situation in Soviet society and social sciences in the wake of the 20th CPSU Congress, repealing the 1931 resolution would

equal the elimination of Article 6 of the USSR Constitution which states the leading and organizing role of the Communist party in Soviet society. No one wanted to remove “the cornerstone” out of the official building built by Stalin.

The article quotes and analyses letters written by Academicians M.B. Mitin and P.V. Yudin, the main conduits of Stalin’s will. These letters contribute to our knowledge about Stalin’s terror against the philosophers and the psychological atmosphere in soviet society following Stalin’s death.

Stalin’s dictatorship, Great terror, de-Stalinization, Khrushchev’s “thaw”, Communist Party of the Soviet Union, Academy of Sciences of the USSR, Institute of History, Institute of Philosophy, philosophy, school of philosophy, Academician Abram M. Deborin.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Book Reviews

Я.З. Ахмадов, А.Д. Осмаев

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И «ГОРСКАЯ АРХАИКА»: ОБ ANTIНАУЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ya.Z. Akhmadov and A.D. Osmaev

Russian Statehood and “Mountain Archaic”: On Some Anti-Scientific Manifestations in the Modern Historiography of the North Caucasus Peoples

В настоящей статье мы продолжим разговор о трудах, излагающих «вероучение» о неисправимой злостной сущности горских народов Северного Кавказа и провиденциальной благостности отношения к ним российской государственности во все времена. Причем именно об ученых трудах, написанных людьми с докторскими учеными степенями и профессорскими званиями. О трудах, по сути, отделивших себя от исторической науки как таковой и ее гуманистической составляющей, появление которых казалось ранее совершенно невозможным в рамках академической науки.

Речь идет о коллективной монографии Б.В. Виноградова, В.Б. Виноградова и Ю.Ю. Клычникова, опубликованной в 2012 г. под грифом Министерства образования и науки Российской Федерации¹, и ее своеобразного варианта под единоличным авторством Ю.Ю. Клычникова, изданного в 2015 г.²

Формирование «идейных» ценностей, отразившихся в данных изданиях, произошло в рамках так называемой «Кавказоведческой школы академика В.Б. Виноградова», произведения адептов которой представляют смесь национальной неприязни, истерии и фанатерии.

Суть «идеологем» и «парадигм», проповедуемых вышеназванной «школой» не один десяток лет, сводится к тому, что народы Северного Кавказа не являются субъектом исторического процесса, а его объектом, «элементами» в процессе «интегрирующей роли русской государственной и цивилизационно-культурной составляющей».

Притом предлагается считать, что «все факты репрессивной политики русских властей в отношении “немирных обществ” [Северного Кавказа. – Я.А., А.О.] почти не выходят за рамки фрагментарно отслеживаемых происшествий». Следовательно, не было Кавказской войны, национально-освободительного движения с бесчисленными жертвами, шла позитивная борьба «интегрирующего центра» против «набеговой экспансии» горцев Дагестана, Чечни и Черкесии³.

В рассматриваемых нами монографиях «виноградовской школы» ранее предлагавшаяся учеными парадигма «российскости и совместничества», означавшая некую пророссийскость хотя бы части горского общества, исчезла даже на уровне лексики. Что же осталось? Осталась голая «несовместимость», постоянное возобновление «горской архаики», «стадиальность» и антироссийский криминал. Недаром известный историк кубанского казачества Д.В. Сень еще в 2007 г. отметил «националистически-ксенофобский стиль» и «вопиющий непрофессионализм», характерные для публикаций «школьников» по истории горских народов⁴.

В аннотации первой книги ее авторы сформулировали исследовательские задачи: «В коллективной монографии на основе широкого круга источников и исследований анализируются сложный и противоречивый процесс взаимодействия российской и советской государственной власти и горского традиционного уклада в контексте внешнеполитических и внутрирегиональных реалий конца XVIII – начала XXI века и его оценки в “национальной” историографии...».

Реально же – и в первой книге, и во второй – долго и нудно пережевывается тезис о неистребимой вражде горских народов к «высшей цивилизации» и их природно-имманентной несовместимости с «конструктом» передовых российской и советской империй, а равно и современной России. В их изложении, с одной стороны, российское государство «стадиально» стоит намного выше «северокавказских этносоциальных сообществ», а с другой – «неистребимый горский уклад» наделен «выраженным конфликтным потенциалом».

Предваряя выводы нашей статьи относительно названных сочинений, можно говорить о своеобразной реинкарнации сочинения Евгения Дюринга «Еврейский вопрос как вопрос о расовом характере и о его вредоносном влиянии на существование народов, на нравы и культуру» (на основании решения Мещанского районного суда г. Москвы от 03.12.2008 г. книга Дюринга внесена в Федеральный список экстремистских материалов под номером 979).

Вследствие подобных оригинальных воззрений авторами «виноградовской школы» считается предосудительной любая мысль о сколько-нибудь продвинутом социальном развитии тех или иных горских народов. Так, в одной из своих статей, в том же 2012 г., Б.В. Виноградов пишет что-то совсем несусветное: «Таким образом получается, что “развитый феодализм” – осознают это или нет конкретные “национальные” историки – есть звено натовских планов

в отношении российского Северного Кавказа и России в целом...»⁵. Следовательно, если вы, как историк, исследуете и, не дай бог, обнаруживаете в каком-либо горском сообществе черты развитого феодализма и государственности, вы – агент НАТО и враг России...

Основное содержание 1-го очерка рассматриваемого труда – «Российская власть и горский традиционный уклад в конце XVIII – начале XIX века» (это соответственно главы 1-я и отчасти глава 2-я в книге Ю.Ю. Клычникова), скорее всего, принадлежит перу Б.В. Виноградова.

Итак, 1-й очерк начинается и заканчивается обвинениями тех же чеченцев, находившихся якобы даже в конце XVIII в. на «догосударственной и доклассовой ступени развития» (!?) в «набеговой экспансии», неподчинении власти «чужих феодалов», как и в том, что их «традиционный уклад... вступал в противоречие с российским пониманием вектора развития отношений сторон и с безопасностью [Ни много, ни мало! – Я.А., А.О.] самой России». Далее следуют фразеологические наборы о «хищничестве» рядовой «массы населения», «пленопродавстве», предвзятости трудов и ошибочности выводов известного кавказоведа Ш.А. Гапурова о набегах как форме антиколониальной борьбы горцев, и т.д. и т.п.

Главная идея Б.В. Виноградова как в данном очерке, так и в последующих, заключена в положении о несовместимости российского государства (стоявшего на очень высокой стадии развития и, тем не менее, пытавшегося выстроить отношения с горцами) с ментально порочными и стадиально отсталыми народами Северного Кавказа (особенно чеченцами). Понятия «колониальная экспансия» или «военно-феодалная политика» авторами объявляются «пошлыми констатациями». При этом для них, похоже, невыносима сама мысль, что даже в децентрализованном виде та же Чечня указанного периода могла вырабатывать консолидированный внешнеполитический курс, совершать некие значительные политические шаги в национальных интересах и соперничать с Российской империей за влияние в регионе.

1-й очерк заканчивается отрицанием научного подхода к такому огромному и сложному явлению как Кавказская война, самой продолжительной, самой затратной и самой кровопролитной в истории как России, так и Кавказа периода XVIII–XIX вв., что находит продолжение и во 2-м очерке, названном «Влияние горского традиционного уклада на реалии и перспективы российско-северокавказского взаимодействия во время “силового периода” взаимоотношений». Глава 2-я в книге Ю.Ю. Клычникова названа совершенно аналогично.

Национально-освободительная борьба горских народов в этих текстах виртуально-фразеологически исторгается из исторической реальности и предстает неким грубым мыслительным просчетом советских идеологов и историков, а все попытки современных «на-

циональных историков» исследовать вопросы Кавказской войны и русско-горских отношений в целом, носят, по мнению виноградовых и клычниковых, вполне предосудительный, если не политически преступный характер.

Причем подобный подход к сути сложных событий основан на своеобразном трюкачестве: когда оценки социокультурного состояния общества смешиваются с конкретными явлениями общественно-экономического и политическими порядками.

Заметим, что все нападения горцев на Кавказскую Линию (за исключением, конечно, фактов уголовной практики), которым авторы придали самодовлеющее значение, и их сопротивление хищническим набегам царских войск на их земли были направлены, в конечном счете, к принуждению империи к отказу от захвата их земель и нарушения их суверенитета. Вот это и объявлялось царскими властями безусловным «хищничеством» со стороны «диких племен». Считалось, говоря словами современника, что «мы не воевали с горцами, а постоянно их *наказывали* [Выделено автором. – Я.А., А.О.]»⁶. Правда, в 1816–1827 гг. сам А.П. Ермолов в обращениях к императору забывал о «набеговой практике» горцев: усиление войск и скорейшее покорение Кавказа требовалось именно потому, писал он, что горские народы «**примером независимости своей, в самих подданных Вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости** [Выделено нами. – Я.А., А.О.]»⁷.

Вторая половина 2-го очерка посвящена отрицательным оценкам деятельности горских имамов в период национально-освободительного движения во первой половине XIX в. На основе, главным образом, тенденциозного выхватывания цитат из сочинений двух дагестанских авторов (современников Шамиля) восточной школы – Абдурахмана из Казикумуха и Мухаммеда Тахир ал-Карахи. Но они, как и положено исламским богословам, рассматривали причины изменений в горском обществе, его побед и поражений исключительно в моральной плоскости – повышение или понижение «устоев», укрепление или ослабление ислама. Но данная аксиома представителям «виноградовской школы» оказалась недоступной для понимания.

То обстоятельство, что в среде горских народов хватало всяческих внутренних сложностей, отягощаемых к тому же хищнической войной на уничтожение со стороны военно-феодальной империи, «национальным историкам», в отличие от виноградовых и клычниковых, хорошо известно. Как и то обстоятельство, что тот же Шамиль, в силу своих возможностей, проводил в отношении ряда непокорных аулов и обществ военные экспедиции, применял различные массовые экзекуции, а также индивидуальные репрессии.

В заключение 2-го очерка наши авторы, остановившись на трагических последствиях Кавказской войны, цинично заметили: «...

Курс правительства на поощрение части горцев к выселению [На Северо-Западном Кавказе эта «часть» составила 9/10 от числа адыгов. – Я.А., А.О.] не являлся главной причиной их массового «махаджирства» [Принудительное выселение в Турцию, закончившееся массовой гибелью выселенных. – Я.А., А.О.]. И далее: «...Учитывая, что избежать военной составляющей в проводимом на Северном Кавказе политическом курсе было невозможно, следует признать, что она была сведена **к объективно обусловленным параметрам** [Выделено нами. – Я.А., А.О.]».

Поразительно, но виноградовы и клычниковы по сей день не дали себе труда осознать, что горские народы имели в XVIII–XIX вв. ту или иную форму политической организации, оригинальную культуру, сложившееся народное хозяйство, вовлеченное в северокавказскую экономическую систему (включавшую в себя как важный элемент и предкавказские равнины). У этих народов наличествовали объективно сложившиеся исторические границы и национальные интересы, а также сложная система сдержек и противовесов в отношениях между собой и соседними державами. И самое важное – горские народы, безусловно, являлись субъектом истории, а не объектом приложения усилий со стороны великих держав.

И, в отличие от авторов «виноградовской школы», у которых политика России на Кавказе носит неизменный провиденциальный «состав», подчеркнем, что в реальности Российская империя даже в том крепостническом, военно-феодальном, виде обладала целым рядом объективных цивилизационных преимуществ, вызванных, в частности, и тем, что восточноевропейский регион раньше, чем Кавказ, Турция или Иран, вошел в сферу европейской цивилизации. Было еще такое преимущество, как единый имперский порядок – неременная черта великой государственности. И, наконец, объективная роль России здесь была ролью собирательницы «континентальной Евразии», которая в конечном счете вошла (вместе с Кавказом) в планетарную цивилизацию⁸.

3-й очерк коллективной монографии (равно как и 3-я глава труда Ю.Ю. Клычникова) озаглавлен так: «Горские народы и бытие российского Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы и возможности интеграции». Раздел, однако, посвящен не общим вопросам социально-экономического и общественно-политического «бытия» региона в составе пореформенной России, а более узкой теме, столь трепетно пестуемой нашими авторами, – состоянию преступности в горских районах Северного Кавказа. Но в их «исполнении» эта тема имеет нулевую значимость, поскольку отсутствует сравнительно-сопоставительный анализ данных о преступности по горцам и многонациональному населению других губерний и областей Российской империи.

Между тем, самое важное и положительное, что происходило в регионе благодаря его вхождению в состав России, совершенно

осталось за рамками «школьных» трудов. Пореформенный период оказался благодетелем для завоеванной Чечни: два-три десятилетия после 1859 г. отмечены резким экономическим подъемом края. В разрушенной Чечне, некогда выступавшей «житницей Северо-Восточного Кавказа», а не в качестве «символа набегового уклада», как полагают авторы, стало активно возрождаться земледелие. Для увеличения посевных площадей чеченские крестьяне самостоятельно восстанавливают ирригационную систему на Чеченской равнине, разрушенную в годы Кавказской войны. Производство зерна в Чечне приобретает ярко выраженный товарный характер. Ирригационная система равнинной Чечни была по охвату территории и сложности уникальной. Такого явления не знал Кавказ, да и вся Россия.

Но аграрный кризис здесь был ожидаем, ведь половина пахотных земель Чечни в результате войны была отнята у народа и передана в войсковое управление казачеству, а все леса без исключения были отобраны в казну. Потому и росло общее недовольство основной массы чеченского населения края правительством, проявлявшееся в различных формах. Всю эту ситуацию прекрасно понимало кавказское и терское начальство. Но сегодня историки «виноградовской школы» отказываются не только понимать, но даже говорить об этом.

Собранные ими сообщения о ряде уголовных преступлений в границах современной Чечни трактуются на протяжении их многостраничных трудов долго, нудно и малопродуктивно. На деле же оказалось, что преступность в горской среде по всей Терской области либо не отличалась от общероссийских показателей, либо была ниже. Единственное, в чем горские народы печально «лидировали», так это в убийствах на почве кровной мести⁹.

«Школьники» полагают, что крошечные горские народы того времени, в период Первой русской революции, едва ли не держали монополию на сопротивление самодержавию. Однако экзотические криминальные и антиправительственные проявления на Северном Кавказе не шли ни какое сравнение с революционной бурей, разразившейся в центральных губерниях России и ряде окраинных регионов.

В связи с Первой мировой войной и революционными событиями 1917 г. авторы «школьных трудов» скорбно отметили: «В целом национальные окраины, в том числе и Кавказ, имели серьезные преференции и не испытали на себе тех тягот войны, которые легли на плечи восточнославянского ядра империи».

Сложно что-либо возразить этому вполне понятному обстоятельству (горцы не подлежали обязательному призыву в армию), если только не указать на то, что тяжкий и смертельно опасный долг перед Отечеством охотно снимался при первом же удобном случае. В течение войны из 14-15 млн мобилизованных, более 4 млн солдат (не считая до 2 млн дезертиров) благоразумно предпочли сдаться

в плен. Говоря же о добровольческих конных полках Кавказской туземной кавалерийской (Дикой) дивизии и значительных денежных окладах их чинов, авторы девически забыли указать стоимость строевого коня (до 300 руб.), холодного оружия и экипировки всадника, а также хотя бы упомянуть, сколько раз в течение войны Дикая дивизия ходила в атаку «лавой», спасая отступающие пехотные части, а главное – сколько раз за войну сменился личный состав того же Чеченского полка при восполнении безвозвратных потерь¹⁰.

С нарастающим изумлением авторы настоящей статьи вместе с другими читателями вынуждены следовать дальше за хаотическим движением мысли докторов исторических наук «виноградовской школы». Ибо изумление – это лучшее, что может вызвать знакомство с описанием будней революции в Грозном, когда вокруг разливался кровавый хаос гражданской войны, в котором, как оказывается, была виновата не общая ситуация в России, а исконная конфликтность горцев.

4-й очерк, названный в коллективной монографии «Горский традиционный уклад и Советская власть: приспособление и сопротивление», соответствует 4-й главе с аналогичным названием в единоличной книге Ю.Ю. Клычникова. Начало революционного времени в истории Северного Кавказа, как решительно отмечают соавторы, имело региональную особенность то обстоятельство, что «здесь сразу же широкий размах получил бандитизм, базирующийся на овеванном историческими традициями набеговом промысле». Но при ближайшем сравнительно-сопоставительном анализе выявляется, что авторы беззастенчиво лгут: горская преступность была легкой забавой по сравнению с разгулом бандитизма в России, включая даже столицу¹¹.

Требования справедливого, уравнительного распределения земель в Терской области (как ключ к решению конфликта) поддерживавшиеся буквально всеми, даже рядовым казачеством, авторы оборачивают в привычную для них фразеологию: «Активно муссировался вопрос о справедливом перераспределении земель» (!?). А ведь именно этот вопрос был альфой и омегой взрывной ситуации на Тереке.

Бурные перипетии гражданской войны на Тереке в 1918–1920 гг., когда казачья контрреволюция выступила против большевизированных русских рабочих, иногородних и горского крестьянства, и период наступления денкинских войск на Ингушетию и Чечню, излагаются авторами мутно и кратко. Они почему-то не указывают, что на территории Чечни и Ингушетии денкинские войска (и в их числе терско-сунженские казаки) зимой-весной 1919 г. натолкнулись на фанатичное огневое сопротивление¹².

Какой же видят авторы гражданскую войну на Тереке? Оказывается, как противостояние горского разбойничьего сброда и ангелов «белой идеи». Участие горцев в борьбе русского рабочего класса и

крестьянства за Советскую власть, равно как и симпатии к большевикам, вменяются горцам в безусловную историческую вину.

На дальнейших страницах 4-го очерка, как и в других писаниях авторов «виноградовской школы», проявляется тяжелая ненависть к горцам, преломляющая все трактовки тех событий на Тереке и направляющая их в одно избитое русло: горская стихия и стадиальность, негативно воздействовавшие на все, с чем оные народы соприкасались. Так, увлекшись обличениями злодеев-горцев, якобы ради которых Советская власть выселила 7-8 станиц (25 тыс. казаков), они запомнили указать, что казачьи станицы в Чечне были построены в ходе Кавказской войны на месте уничтоженных вместе с населением чеченских аулов¹³.

Правда, авторы справедливо указывают, что с утверждением Советской власти на Тереке произошли грабежи казаков и станиц со стороны горцев. Но также правда, что мародеры были «поощрены» командованием Кавказской трудовой армии, развернутой здесь для восстановления Грозненских нефтепромыслов, чтобы, как указывается в одном из официальных документов, исключить **«всякую возможность установить точное количество полученного Кавтрудоармией в действительности живого и мертвого инвентаря, свалив все на голову чеченцев** [Выделено нами. – Я.А., А.О.]»¹⁴.

Если выше, что особенно показательно, «школьники» обвиняли в преступной сущности горцев за их поддержку коммунистов, то теперь с той же бескомпромиссностью они рачительно вменили им в вину выступления против Советской власти в 1920-е гг. И все остальное в данном очерке – в том же ключе.

О сталинском Большом терроре многое написано, основные моменты уже хорошо изучены рядом профессиональных историков. Особый «вклад» авторов «виноградовской школы» в изучение Большого террора состоит в утверждении, что в отдельно взятой маленькой Чечено-Ингушетии, в отличие от громадного СССР, проводился не террор, а законное мероприятие: **«широкомасштабная акция по задержанию антисоветских элементов»** и изоляция **«части беспокойного населения, которое по-прежнему предпочитало войну созидательному труду** [Выделено нами. – Я.А., А.О.]». В Чечено-Ингушской АССР в ходе массовых репрессий 1930-х гг. пострадало в общей сложности 70-80 тыс. человек, и не менее половины из них составляли чеченцы и ингуши. Так была уничтожена первая волна партийно-советских работников из горцев и молодая творческая интеллигенция¹⁵.

Наконец, авторы «виноградовской школы» вступили в 4-м очерке на самую зыбкую почву – проблематика коллаборации чеченцев и ингушей в период Великой Отечественной войны и их принудительного переселения. Шествуют они по этой зыбкой почве по стопам ксенофобов-националистов типа фальсификатора и программиста И.Ф. Пыхалова. «...Согласно приводимым в докладной записке “О

положении в районах Чечено-Ингушской АССР” от 9 ноября 1943 г. сведениям...», – бойко излагают авторы и далее уверенно, без тени критического осмысления, приводят фальшивые цифры и извращенно интерпретированные «факты» генерала-чекиста Б.З. Кобулова о якобы массовом «изменничестве» чеченцев и ингушей. А ведь «документ» этот давно разоблачили как политическую фальшивку, созданную для обоснования уже принятого на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1943 г. решения о выселении чеченцев и ингушей с исторической родины.

Чекисты на местах, естественно, оперировали другими, а не «кобуловскими» цифрами (14 576 дезертиров и бандитов), хотя также основанными на подозрениях и ложных доносах, но все же задокументированными и легшими в основу оперативной разработки, в дело, на учетную карточку и т.д. В Чечено-Ингушетии с 1941 по 1944 гг. на учете находилось уклонившихся от призыва и дезертиров в пределах 4 500 (это, кстати, на порядок ниже, в расчете на численность населения, чем в Ставропольском и Краснодарском краях)¹⁶. При численности населения Чечено-Ингушетии в начале войны 700 тыс. (из них чеченцы и ингуши – до 500 тыс.) к концу 1943 г. в автономной республике официально насчитывалось 54 068 семей фронтовиков. И это при том, что многие семьи давали армии от 2 до 5-7 братьев, а семьи без вести пропавших бойцов лишались каких-либо льгот¹⁷. Даже без учета многодетности чеченских и ингушских семей пропорционально приходится на чеченцев и ингушей 39-40 тыс. семей фронтовиков.

В 1944 г. среди спецпереселенцев оказались сорванные с фронта 5,3 тыс. солдат и офицеров из чеченцев и ингушей; из них награды имели все, включая и несколько Золотых Звезд. Каждый второй боец был признан инвалидом войны по ранениям. Если исходить из минимальной цифры в 40 тыс. чеченцев и ингушей, воевавших на фронте, то за минусом 5,3 тыс. вернувшихся к своим семьям в ссылку, на полях войны осталось почти 34 тыс. горцев, отдавших Родине самое дорогое – жизнь. Это были их родная страна, их кровный враг и их священная война несмотря ни на что¹⁸.

Болезненное внимание «виноградовской профессуры» к горцам-коллаборантам на немецкой службе, немецким диверсионным группам и повстанческим отрядам на территории Чечено-Ингушетии, казалось бы, должно было быть удовлетворено наличной исторической литературой, написанной авторитетными специалистами по этой тематике. Тем более, литературой, изданной не столько в Чечне и Ингушетии, сколько в центральных российских издательствах¹⁹. Тем более, что подноготная «широкого антисоветского движения» в горах Чечено-Ингушетии давно выявлена. Вскрыты контакты руководителей сталинских спецслужб с так называемыми повстанческими «лидерами» в годы войны. Это была обычная для советской госбезопасности грандиозная, но игра. Руководители местных орга-

нов госбезопасности, подвергавшиеся республиканским партийным руководством (по незнанию) жесткой критике, от своего московского начальства получали благодарности, звания и ордена.

Тщательно обходят авторы рассматриваемых нами книг кровотокающие факты о массовых убийствах гражданского населения в Чечено-Ингушетии как до, так и после депортации 1944 г. Показные действия лжеабреков-чекистов и бандитов позволили НКВД СССР уже осенью 1942 г. провести крупные операции в горах, главным образом, против гражданского населения как такового. За 1942–1943 гг. число убитых на территории Чечено-Ингушетии без суда и следствия граждан составило 300–400 человек, включая женщин и детей от 2 до 13 лет²⁰.

Репрессии (хотя и в гораздо меньших масштабах) проводили повстанческие отряды и уголовные банды. За 1943 г. произошло 75 нападений на партийных и советских работников (порой по мотиву личной мести), 19 – на работников НКВД и еще 19 – на колхозы и на другие советские организации²¹.

Упиваясь цифрами о бандитизме и «повстанчестве» в Чечено-Ингушетии, «школьники» предали забвению азы ремесла историка – сравнительно-исторический подход: по данным НКВД, за 1941–1944 гг. по стране были ликвидированы 7 163 повстанческих и бандитских групп, общей численностью 54 130 человек. Общее количество «зарегистрированных» групп за то же время составило по СССР 11 841. Часть их действовала не только в горских, но и в других районах Северного Кавказа: 499 «бандповстанческих» групп в Краснодарском крае и 541 в Ставропольском крае. В 1943 г. только в Краснодарском крае было ликвидировано 207 банд с 2 250 участниками, при этом убито 211, арестовано 1 052 и легализовано 987 бандитов²².

Из 13 лет тяжелой жизни ссыльных чеченцев и ингушей в Казахстане и Средней Азии авторам «виноградовской школы» пришлось по душе только одна грань – межнациональные погромы, причем со ссылкой на В.А. Козлова, который (по их словам) отметил, что «вайнахи были участниками 70 % этнических конфликтов, произошедших за период с 1953 по 1960 гг.». Да, были и погромы, были и участники. Но с одним важным уточнением: вайнахи были не просто участниками, а объектами адресных погромов.

При этом авторы не удосужились заметить трудовой подвиг тех же чеченцев на строительстве объектов атомной промышленности СССР в Южном Алтае, их громкие трудовые дела в Карагандинском угольном бассейне, на медных рудниках с тяжелейшими условиями труда, на полях колхозов и совхозов, и т.д.²³

Конечно люди, написавшие столь вызывающий пасквиль монографического формата, не могли обойти вниманием августовские события 1958 г. в Грозном, когда толпа захватила здание Чечено-Ингушского обкома КПСС (кстати, во главе со своим руководством,

открыто саботировавшим возвращение чеченцев и ингушей на родину, что опять-таки, кстати сказать, разделялось здесь отнюдь не всеми русскими коммунистами и простыми людьми) и попыталась выдвигать свои условия центральной власти.

Авторы правы: античеченские выступления в Грозном действительно начались с убийства в обоюдной драке чеченцем по хулиганским побуждениям молодого человека Е. Степашина. Отметим, что в летние месяцы, в том же Заводском районе Грозного по таким же хулиганским побуждениям и даже в те самые дни случились аналогичные убийства русскими русских, но без какого-либо резонанса. А здесь начался массовый (до 10 тыс. участников) античеченский погром, плавно переросший в антисоветское восстание, которое было решительно подавлено органами госбезопасности и войсками²⁴.

Историки «виноградовской школы» четко заявляют, что вайнахи, возвратившиеся из мест спецпоселения, не были заинтересованы в том, чтобы заниматься «общественно-полезным трудом» и не шли на производство. Казалось бы, странное дело, если не знать, что изначально были предприняты репрессивно-ограничительные меры против чеченцев и ингушей. Так, с 1957 г. резко ограничивалась их прописка в Грозном и части Грозненского района, а без прописки на работу по целому ряду производств (кроме торговли, дорожных работ и строительства) не брали.

Сложная ситуация с сезонным отъездом тысяч чеченцев и ингушей на стройки страны сложилась не сама собой. Чеченская семья в 5–6, а то и более человек, обычная для сельской местности, не могла физически прожить на зарплату сельхозработного в 60–80 руб., не спасал и приусадебный участок. Но и такой труд отнюдь не выбирал излишнюю рабочую силу в огромных селах. Оставалась или «шашка» – тяжелый 14–16-часовой труд на стройках сельских районов страны – или отъезд на постоянное жительство в Калмыкию, Ростовскую, Астраханскую, Волгоградскую области на животноводческие фермы. В 1980-х гг. каждый третий ингуш и пятый чеченец жили уже за пределами Чечено-Ингушетии, где невозможно было найти работу или сделать приемлемую карьеру²⁵.

Все, что читатель узнает из последних страниц 4-го очерка и соответствующей главы книги Ю.Ю. Клычникова, можно смело охарактеризовать как ксенофобию и грязный бытовой фашизм, порожденный болезненным восприятием и атисторическими фантазиями на этнической почве. Здесь нет ничего имеющего отношение не только к научному, но и к обыденному, рациональному знанию.

Перейдем, наконец к 5-му, и последнему, очерку – «Воздействие горского традиционного уклада на социально-политические реалии современного российского Северного Кавказа», – которому соответствует 5-я глава с аналогичным названием в книге Ю.Ю. Клычникова.

Зачин очерка выстроен фразой, не подлежащей сомнению и об-

суждению: «В конце XX–XXI вв. России вновь пришлось решать непростую задачу умиротворения своей северокавказской окраины. Связано это было прежде всего с ситуацией вокруг Чеченской Республики, где в результате прихода к власти националистического режима Д. Дудаева образовался очаг нестабильности, оказывающий разрушительное влияние не только на сопредельные территории, но и на всю страну. Чечня превратилась в оплот международного терроризма, борьба с которыми потребовала самых решительных мер и привела к немалым жертвам».

Ощущение от прочитанных страниц таково, что историки-фразеологи «виноградовской школы» живут в какой-то другой стране, в далекой альтернативной реальности.

На деле же, в результате крушения СССР, провозглашения независимости России и других бывших советских республик, сложной игры российских властно-олигархических и криминальных групп и подчиненных им спецслужб, власть в Чечне вопреки ясно выраженной воли большинства чеченского народа, была захвачена группой советского генерала Дудаева, прибравшей к рукам огромные склады с оружием, нефтеперерабатывающий комплекс и нефтепроводы, по которым осуществлялась переброска сырой нефти за границу. Чечня превратилась в «черную дыру» для тех сил, которые победили в ходе «великой криминальной революции» в России в 1991–1993 гг. и нуждались в неподконтрольном «окне» в мир для вывоза сырья и получения валюты.

Протестное движение русского народа, угрожавшее революцией расхитителям общественного богатства страны, побудило олигархические круги к концу 1994 г. подвинуть режим Ельцина якобы на подавление сепаратизма в Чечне (тем более что зарвавшийся Дудаев стал недоговороспособным), а реально для того, чтобы огнем и кровью «маленькой победоносной войны» дать урок прочим автономиям и заодно переключить внимание общества с внутренних проблем на «чеченский кризис», обеспечив «негативную (античеченскую) мобилизацию» масс.

В силу того, что «школьники» оказались не способны осмыслить все, что происходило в Чечне и вокруг нее в 1990-е гг., они просто металась от одного негативного сюжета к другому, еще более негативному. При этом здоровая, поистине государственная, позиция собственно чеченского народа, кстати, единственного на территории нашей страны поднявшегося в 1993 г. на вооруженную борьбу с криминально-мафиозным режимом (представленного здесь Дудаевым и его окружением) для осталась для них то ли неизвестной, то ли, якобы, неизвестной.

Естественно, однако, они никак не могли обойти тему «геноцида русского народа» в Чечне, столь популярную в узких националистических кругах России. «С 1989 по 1993 гг. территорию бывшей ЧИАССР покинули около 230 тыс. человек из которых 80 % составили

русские. За период с 1991 по 1994 гг. в Чечне было убито и пропало без вести около 10 тыс. человек, в основном русских по национальности», – пишут соавторы со ссылкой на демографа С.В. Рязанцева и политолога С.М. Маркедонова. Указав в ответ, что, во-первых, сокращение русского населения в республике наблюдалось с 1970-х гг., добавим, что оно усилилось с коллапсом промышленности и полной приостановкой выплат зарплаты и пенсий в начале 1990-х гг. Также в результате одномоментного освобождения осенью 1991 г. нескольких тысяч рецидивистов из чеченских колоний на свободе оказались «сливки» многонационального криминала – например, 243 убийцы, тысячи насильников и грабителей. Общая преступность подскочила в Чечне в 7 раз, а по убийствам – в 20 раз²⁶.

Теперь о данных демографа С.В. Рязанцева: «За восемь лет, с 1991 по 1998 годы, **республику покинули до 500 тысяч чеченцев, 150-180 тысяч русских, 15 тысяч армян, 10 тысяч ингушей, а также 2 тысячи евреев** [Выделено нами. – Я.А., А.О.]... Осенью 1999 года в Ингушетию ушли около (еще) 200 тысяч чеченцев». Как мы видим, у авторов рассматриваемых книг «чеченцы», в контексте жертв дудаевского и ельцинского режимов, не прозвучали вовсе. Это – не упущение: просто «Они» для них – не люди!

Главным противником дудаевского и масхадовского режима являлись именно непокорные чеченцы в целом. И недаром узкая, но хорошо вооруженная и организованная прослойка боевиков и политиканов стала дистанцироваться от своего собственного народа, быстро выродившись, в конечном счете, в своеобразный салафитский субэтнос, демонстрировавший свое отличие от основного этноса во всем – религии, обычаях, морали, одежде и поведении²⁷.

Именно против этого субэтноса поднялись в конечном счете тысячи чеченцев во главе с суннитским муфтием республики Ахмат-Хаджи Кадыровым. Конечно, федеральные силы в первую очередь нанесли поражение военной машине ваххабизма-салафизма, но окончательный идеологический и военный удар нанесли именно чеченские пророссийские силы в главе с А.-Х. Кадыровым и Р.А. Кадыровым.

Однако авторы «виноградовской школы» предпочли для оценок сложнейших общественно-политических процессов в Чечне и вокруг нее выбрать преимущественно страницы лихого опуса военного журналиста Н.П. Асташкина и «окопные» записки Героя России генерала Г.Н. Трошева – профессионального военного, но никак не историка. Основу очерка фразеологов составили уничижительные априорные суждения, характеризующие, впрочем, не чеченский народ, а их самих, ищущих факты и оценки, согласующиеся (согласно Фоме Аквинскому) «с их собственной природой».

Но они совсем не приняли во внимание одну из важнейших работ В.А. Тишкова, содержащую немало материала и суждений для понимания и объяснения жесточенности внутреннего чеченского

кризиса-конфликта, как и книгу С.М. Дмитриевского, Б.И. Гварели и О.А. Челышевой²⁸.

Перейдем теперь к некоторым оценкам, содержащимся в конце заключительного очерка, – фразеологическим построениям виноградных и клычниковых об «исторической несостоятельности» чеченцев. Вот, к примеру, одно из них, по современной ситуации: «Отсутствие русского населения делает Чечню одним из наиболее уязвимых субъектов российской государственности. В случае ухудшения геополитического положения России – это может закончиться очередным вооруженным выступлением и выходом Чеченской Республики из состава государства». Безусловно, само себе присутствие русского населения в Чечне всегда было позитивным фактором, хотя в 1991 г. присутствие не менее 250 тыс. русских в Чечено-Ингушской Республике не стало гарантией от указанных авторами проявлений. Наверное, дело все-таки в силе и справедливости Российской Федерации как государства.

Своеобразные суждения высказывают авторы о «клановости» и «этнической преступности» в национальных республиках Северного Кавказа (где все это, действительно, существует). Однако в стране не является секретом состав и происхождение высшего слоя госчиновничества Российской Федерации. А конкретные цифры преступности по Северному Кавказу и в целом по России несравнимы на целые порядки.

Дальше – хуже. Читаем: «В то же время представляется, что внешняя политика, проводимая федеральным центром в отношении своей южной периферии, исчерпывает свой потенциал. “Игры в государственность”, не подкрепленные соответствующими экономическими, политическими, да и **ментальными возможностями населения российских окраин** [Выделено нами. – Я.А., А.О.], видятся неоправданными и тупиковыми... На сегодняшний день имеет место обострение так называемого кавказского вопроса, в основе которого лежит порочная практика подавления русского национального самосознания...».

Смысл понятен, поскольку с истоками «государственных» соображений виноградных и клычниковых мы уже знакомы: «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам – превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы...» (“Mein Kampf” Адольфа Гитлера).

Авторы «виноградовской школы», завершая свои многостраничные труды несправедливо, в заключение еще раз обвинили «часть этнической (!?) интеллигенции» во всех идеологических грехах, а собственно народ в «деградации» того позитивного, что было «наработано».

Безусловно, вдумчивый читатель, кроме отрицательных, даже

отталкивающих, моментов в этих изданиях, возможно, найдет для себя кое-какой содержательный исторический материал и сможет очистить его от трактовок, далеких не только от принципов исторического исследования, но также взвешенности, объективности и элементарного здравомыслия. Возможно даже, что некоторые, пусть и злобные, суждения, окажутся бесполезными для горских граждан России с точки зрения познания различных сторон некоторых своих национальных свойств и особенностей.

Однако в этих «школьных» трудах все и вся перевешивает острое и звонкое недовольство горцами, которые виноваты уже фактом своего присутствия на этой земле. И эти оценки – не какие-то там ошибки на пути познания, когда, говоря словами Иммануила Канта, «могут появиться ложные представления, которым не соответствуют предметы, причем источником обмана служат то иллюзии воображения (в грезах), то ошибки способности суждения (при так называемом обмане чувств)»²⁹. Нет, в этих трудах авторов «виноградовской школы», скорее, присутствует неоварварское восприятие мира, когда господствует архетипический инстинкт доминирования, племенная лояльность по крови, и т.д.

Нам остается только отдать должное тому обстоятельству, что в целом антигорская и античеченская ксенофобия встречается в России неприятие и достойный отпор. Это огромное благо для страны – что русская нация, как великий народ с великой историей, обладает огромными базовыми гуманистическими ценностями.

Однако данная констатация сама по себе ничего не решает, никто не снимает с нас, с тех самых «этнических историков», ответственности семи северокавказских республик, широких научных кругов и организаций России задачу неотвратимо и профессионально реагировать на подобные, невообразимые и неприемлемые в цивилизованной стране, проявления средневекового невежества и вопиющей дикости.

Примечания Notes

¹ *Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю.* Российская власть и горский традиционный уклад: Очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI века. Славянск-на-Кубани, 2012.

² *Клычников Ю.Ю.* Российская государственность и северокавказская архаика: В поисках преодоления противоречий (XVIII – начало XXI вв.): Исторические очерки. Москва, 2015.

³ *Ахмадов Я.З., Гапуров Ш.А.* Об освещении «кавказоведческой школы» академика В.Б. Виноградова вопросов истории народов Северного Кавказа // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2010. № 2 (13). С. 78–84.

⁴ *Сень Д.В.* Дискурс империй и актуальные проблемы истории Северо-

Западного Кавказа второй половины XVIII в. – начала XIX в. (проблемы и перспективы теоретического изучения) // Историко-культурные процессы на Северном Кавказе (взаимодействие, взаимовоздействие, синтез). Армавир, 2007. С. 30, 31.

⁵ *Виноградов Б.В., Клочков О.Б.* К проблеме историографических оценок стадийного развития горских сообществ XVI – середины XIX в. в контексте современных вызовов безопасности российского Северного Кавказа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 1 (11). С. 29.

⁶ *Карпов Ю.Ю.* О социальной культуре и общественных практиках народов Северного Кавказа // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. Санкт-Петербург, 2007. С. 49.

⁷ *Ермолов А.П.* Записки. Ч. 2. 1816 – 1827 г. Санкт-Петербург, 1868. С. 118.

⁸ *Плешаков К.В.* Миссия России: Третья эпоха // Международная жизнь. 1993. № 1. С. 22, 23.

⁹ *Ибрагимова З.Х.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860 – 1900). Москва, 2006. С. 59.

¹⁰ *Асташов А.Б.* Русский фронт в 1914 – начале 1917 года: Военный опыт и современность. Москва, 2014.

¹¹ Санкт-Петербург: Хроника трех столетий. Санкт-Петербург, 2003. С. 415.

¹² *Гойгова З.А.* Чечено-Ингушения в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (июль 1918 – март 1920 года) [Глава II] // Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. 2. Грозный, 1972. С. 49–59, 63–67.

¹³ *Берже А.П.* Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 20; *Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х.* История Чечни в XIX – XX веках. Москва, 2005. С. 222–224, 686–687.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 95. Д. 517. Л. 25, 28, 28об.

¹⁵ *Гакаев Х.А.* Чечня накануне Великой Отечественной войны [Глава VI] // История Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. 2. Грозный, 2008. С. 456–460.

¹⁶ *Абдурахманов Д.Б., Ахмадов Я.З.* Битва за Чечню: «Война историографий», или Информационная война. Грозный, 2015. С. 252, 253, 255, 269, 280.

¹⁷ Депортация чеченского народа: Факты, свидетельства, документы. Грозный, 2012. С. 720.

¹⁸ *Гакаев Х.А.* В годы суровых испытаний. Грозный, 1988. С. 88; Так это было: Национальные репрессии в СССР: 1919 – 1952 годы. Т. 2. Москва, 1993. С. 84.

¹⁹ *Ибрагимбейли Х.М.* Реакционная сущность расистской политики фашистской Германии на временно оккупированной территории Северного Кавказа (1942 – 1943 гг.) // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX века).

Грозный, 1982. С. 209; *Дробязко С.И.* Вторая мировая война, 1939 – 1945: Восточные легионы и казачьи части в Вермахте. Москва, 2001. С. 4–9, 14, 15, 32, 33; *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941 – 1944. Москва, 2004. С. 238.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 30. Л. 234; Д. 63. Л. 39; Д. 274. Л. 1, 2, 4, 9, 12, 220; Сталинские депортации, 1928 – 1953. Москва, 2005. С. 474, 475.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 274. Л. 10, 12.

²² *Бугай Н.Ф.* Великая Отечественная война: проблема «второго фронта» на территории СССР: 40-е годы // Пятидесятилетие Великой Победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995. С. 89–99.

²³ *Ермекебаев Ж.А.* Чеченцы и ингуши в Казахстане: история и судьбы. Алматы, 2009.

²⁴ *Козлов В.А.* Неизвестный СССР: Противостояние народа и власти 1953 – 1985 гг. Москва, 2006. С. 212–231.

²⁵ Чеченцы: История и современность. Москва, 1996. С. 133.

²⁶ *Келиматов А.А.* Чечня: В когтях дьявола или на пути к самоуничтожению (история, аргументы и факты глазами очевидца). Москва, 2003. С. 319.

²⁷ *Акаев В.Х.* Религиозно-политический конфликт в Чеченской Республике Ичкерия // Центральная Азия и Кавказ. 1999. № 4. С. 101–108; *Кудрявцев А.* «Ваххабизм»: Проблемы религиозного экстремизма на Северном Кавказе // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 3. С. 115–122; *Kudriavtsev A.* Wahhabism: Religious Extremism in the Northern Caucasus // Central Asia and the Caucasus. 2000. № 3. P. 131–136.

²⁸ *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография Чеченской войны. Москва, 2003; *Дмитриевский С.М., Гварели Б.И., Чельшева О.А.* Международный трибунал для Чечни: Правовые перспективы привлечения к индивидуальной уголовной ответственности лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности в ходе вооруженного конфликта в Чеченской Республике. Т. 1. Нижний Новгород, 2009.

²⁹ *Кант И.* Критика чистого разума. Москва, 2017. С. 51.

Авторы, аннотация, ключевые слова

Ахмадов Явус Зайндиевич – докт. ист. наук, профессор, главный научный сотрудник, Комплексный научно-исследовательский институт имени Х.И. Ибрагимова, Российская академия наук (Грозный, Чеченская Республика)

– академик, Академия наук Чеченской Республики (Грозный, Чеченская Республика)

Ahmadov_YZ@mail.ru

Осмаев Аббаз Догиевич – докт. ист. наук, профессор, Чеченский государственный университет (Грозный, Чеченская Республика)

– ведущий научный сотрудник, Комплексный научно-исследователь-

ский институт имени Х.И. Ибрагимова, Российская академия наук (Грозный, Чеченская Республика)
osmaev@mail.ru

В статье двух авторитетных чеченских историков рассматриваются некоторые негативные особенности современной историографии Северного Кавказа, которые наиболее отчетливо проявляются в трудах представителей так называемой «Кавказоведческой школы В.Б. Виноградова». Так, подобными сочинителями предлагается считать научной парадигмой, что горские народы Северного Кавказа являлись в прошлом и являются поныне не субъектом исторического процесса, а его объектом, «элементами» в процессе осуществления Российским государством его интегрирующей и цивилизационно-культурной роли.

Авторы статьи считают, что «идея-фикс» историков названной «школы» заключена в идеологеме о несовместимости Российского государства, стоявшего, по их мнению, на очень высокой стадии развития, со стадияльно отсталыми и ментально порочными народами Северного Кавказа (особенно чеченцами), которые якобы являлись в прошлом и являются сегодня основным препятствием для развития юга России. В ходе рассмотрения двух основных монографий, написанных ведущими историками названной «школы», авторы статьи показывают, что эти монографии основаны на тенденциозном подборе исторических фактов и тенденциозной же их интерпретации. В целом, для этих изданий характерны прямая фальсификация прошлого горских народов Северного Кавказа, использование приемов суггестии и серой пропаганды, нескрываемая националистическая риторика.

Авторы статьи полагают, что подобные «исторические» труды, равно как и навязываемые их сочинителями «идеологемы», «парадигмы» и исторические мифы, должны встретить противодействие научных кругов, всего российского общества и государства. Вместе с тем, авторы статьи остро ставят извечный вопрос об ответственности историка перед обществом, перед будущими поколениями народов России.

Северный Кавказ, Российская империя, Российская Федерация, сталинская диктатура, национальная политика, горские народы, чеченцы, ингуши, Кавказская война, Великая Отечественная война, Чеченская война, историография, идеология, национализм, фальсификация, исторический миф.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Akaev, V.Kh. Religiozno-politicheskiy konflikt v Chechenskoj Respublike Ichkeriya [The Religious and Political Conflict in the Chechen Republic of Ichkeria.]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 1999, no. 4, pp. 101–108. (In Russian).
2. Akhmadov, Ya.Z.; Gapurov, Sh.A. Ob osveshchenii “kavkazovedcheskoj

shkoloy” akademika V.B. Vinogradova voprosov istorii narodov Severnogo Kavkaza [The Illumination of Problems in the History of the North Caucasus Peoples by Academic V. Vinogradov’s “School of Caucasian Studies.”] *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj respubliky*, 2010, no. 2 (13), pp. 78–84. (In Russian).

3. Kudriavtsev, Aleksei. Wahhabism: Religious Extremism in the Northern Caucasus. *Central Asia and the Caucasus*, 2000, no. 3, pp. 131–136. (In English). = Kudriavtsev, A. “Vakhkhabizm”: Problemy religioznogo ekstremizma na Severnom Kavkaze [Wahhabism: Problems of Religious Extremism in the North Caucasus.]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz*, 2000, no. 3, pp. 115–122. (In Russian).

4. Pleshakov, K.V. Missiya Rossii: Tretya epokha [Russia’s Mission: The Third Era.]. *Mezhdunarodnaya zhizn*, 1993, no. 1, pp. 21–30. (In Russian).

5. Vinogradov, B.V.; Klochkov, O.B. K probleme istoriograficheskikh otsenok stadialnogo razvitiya gorskikh soobshchestv XVI – serediny XIX v. v kontekste sovremennykh vyzovov bezopasnosti rossiyskogo Severnogo Kavkaza [On the Problem of Historiographical Assessments of the Developmental Stages of Mountain Communities from the 16th to the mid-19th Centuries in the Context of the Modern Security Challenges of the Russian North Caucasus.]. *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl*, 2012, no. 1 (11), pp. 26–29. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

6. Bugay, N.F. Velikaya Otechestvennaya voyna: problema “vtorogo fronta” na territorii SSSR: 40-e gody [The Great Patriotic War: The Problem of the “Second Front” in the USSR: The 1940s.]. *Pyatidesyatiletie Velikoy Pobedy nad fashizmom: istoriya i sovremennost* [The Fiftieth Anniversary of the Great Victory over Fascism: History and Modernity.]. Smolensk, 1995, pp. 89–99. (In Russian).

7. Gakaev, Kh.A. Chechnya nakanune Velikoy Otechestvennoy voyny [Glava VI] [Chechnya on the Eve of the Great Patriotic War [Chapter 6.].] *Istoriya Chechni s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [The History of Chechnya from Ancient Times to the Present Day.]. Groznyy, 2008, vol. 2, pp. 455–473. (In Russian).

8. Goygova, Z.A. Checheno-Ingusheniya v period inostrannoy voyennoy interventsii i grazhdanskoy voyny (iyul 1918 – mart 1920 goda) [Glava II] [The Chechen-Ingush Republic during the Foreign Military Intervention and the Russian Civil War (July 1918 – March 1920) [Chapter 2.].] *Ocherki istorii Checheno-Ingushskoy ASSR* [Essays on the History of the Chechen-Ingush ASSR.]. Groznyy, 1972, vol. 2, pp. 35–75. (In Russian).

9. Ibragimbeyli, Kh.M. Reaktsionnaya sushchnost rasistskoy politiki fashistskoy Germanii na vremennno okkupirovannoy territorii Severnogo Kavkaza (1942 – 1943 gg.) [The Reactionary Essence of Nazi Germany’s Racist Policy in the Temporarily Occupied Territory of the North Caucasus (1942 – 1943).]. *Velikiy Oktyabr i peredovaya Rossiya v istoricheskikh sudbakh narodov*

Severnogo Kavkaza (XVI – 70-e gody XX veka) [Great October and Advanced Russia in the Historical Destinies of the Peoples of the North Caucasus, 16th Century – 1970s.]. Grozny, 1982, pp. 202–212. (In Russian).

10. Karpov, Yu.Yu. O sotsialnoy kulture i obshchestvennykh praktikakh narodov Severnogo Kavkaza [On the Societal Culture and Social Practices of the Peoples of the North Caucasus.]. *Kavkaz i Rossiya – proshloye i nastoyashchee* [The Caucasus and Russia – Past and Present.]. St. Petersburg, 2007, pp. 25–62 (In Russian).

11. Sen, D.V. Diskurs imperiy i aktualnye problemy istorii Severo-Zapadnogo Kavkaza vtoroy poloviny XVIII v. – nachala XIX v. (problemy i perspektivy teoreticheskogo izucheniya) [The Discourse of Empires and Actual Problems of the History of the North-Western Caucasus in the Second Half of the 18th and the Beginning of the 19th Centuries (Problems and Prospects for Theoretical Study).]. *Istoriko-kulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze (vzaimodeystviye, vzaimovozdeystviye, sintez)* [Historical and Cultural Processes in the North Caucasus (Cooperation, Interaction, and Synthesis).]. Armavir, 2007, pp. 30–45. (In Russian).

(Monographs)

12. Abdurakhmanov, D.B.; Akhmadov, Ya.Z. Bitva za Chechnyu: “Voyna istoriografii”, ili Informatsionnaya voyna [The Battle for Chechnya: “A War of Historiographies” or an Information War.]. Grozny, 2015, 429 p. (In Russian).

13. Akhmadov, Ya.Z.; Khasmagomadov, E.Kh. Istoriya Chechni v XIX – XX vekakh [A History of Chechnya in the 19th and 20th Centuries.]. Moscow, 2005, 996 p. (In Russian).

14. Astashov, A.B. Russkiy front v 1914 – nachale 1917 goda: Voennyi opyt i sovremennost [The Russian Front in 1914 – early 1917: Military Experience and Modernity.]. Moscow, 2014, 740 p. (In Russian).

15. Dmitriyevskiy, S.M.; Gvareli, B.I.; Chelysheva, O.A. Mezhdunarodnyy tribunal dlya Chechni: Pravovye perspektivy privlecheniya k individualnoy ugolovnoy otvetstvennosti lits, podozrevayemykh v sovershenii voyennykh prestupleniy i prestupleniy protiv chelovechnosti v khode vooruzhennogo konflikta v Chechenskoy Respublike [The International Tribunal for Chechnya: Legal Prospects for Individual Criminal Prosecution of Persons Suspected of Committing War Crimes and Crimes against Humanity during the Armed Conflict in the Chechen Republic.]. Nizhniy Novgorod, 2009, vol. 1, 529 p. (In Russian).

16. Drobyazko, S.I. Vtoraya mirovaya voyna, 1939 – 1945: Vostochnye legiony i kazachi chasti v Vermakhte [The Second World War, 1939 – 1945: Eastern Legions and Cossack Units in the Wehrmacht.]. Moscow, 2001, 46 p. (In Russian).

17. Gakayv, Kh.A. V gody surovyykh ispytaniy [During the Years of Severe Trials.]. Grozny, 1988, 118 p. (In Russian).

18. Ermekbaev, Zh.A. Chechentsy i ingushi v Kazakhstane: istoriya i sudby [The Chechens and the Ingush in Kazakhstan: History and Destinies.]. Almaty,

2009, 506 p. (In Russian).

19. Ibragimova, Z.Kh. Chechentsy v zerkale tsarskoy statistiki (1860 – 1900) [The Chechens in the Mirror of Tsarist Statistics, 1860 – 1900.]. Moscow, 2006, 241 p. (In Russian).

20. Klychnikov, Yu.Yu. Rossiyskaya gosudarstvennost i severokavkazskaya arkhayka: V poiskakh preodoleniya protivorechiy (XVIII – nachalo XXI vv.): Istoricheskiye ocherki [Russian Statehood and North Caucasian Archaic: The Quest to Overcome Contradictions, 18th – Early 21st Centuries: Historical Essays.]. Moscow, 2015, 357 p. (In Russian).

21. Kovalev, B.N. Natsistskaya okkupatsiya i kollaboratsionizm v Rossii, 1941 – 1944 [Nazi Occupation and Collaboration in Russia, 1941 – 1944.]. Moscow, 2004, 486 p. (In Russian).

22. Kozlov, V.A. Neizvestnyy SSSR: Protivostoyanie naroda i vlasti 1953 – 1985 gg. [The Unknown USSR: The Confrontation between People and Power, 1953 – 1985.]. Moscow, 2006, 448 p. (In Russian).

23. Tishkov, V.A. Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiya Chechenskoy voyny [Society in an Armed Conflict: The Ethnography of the Chechen War.]. Moscow, 2003, 551 p. (In Russian).

24. Vinogradov, B.V.; Vinogradov, V.B.; Klychnikov Yu.Yu. Rossiyskaya vlast i gorskiy traditsionnyy ukhad: Ocherki vzaimodeystviya v kontse XVIII – nachale XXI veka [Russian Power and the Traditional Mountain Way of Life: Essays on Interaction in the Late 18th – Early 21st Centuries.]. Slavyansk-na-Kubani, 2012, 224 p. (In Russian).

Authors, Abstract, Key words

Yavus Z. Akhmadov – Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Kh.I. Ibragimov Complex Institute, Russian Academy of Sciences (Grozny, Chechen Republic, Russia)

– Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic (Grozny, Chechen Republic, Russia)

Ahmadov_YZ@mail.ru

Abbaz D. Osmaev – Doctor of History, Professor, Chechen State University (Grozny, Chechen Republic, Russia)

– Leading Researcher, Kh.I. Ibragimov Complex Institute, Russian Academy of Sciences (Grozny, Chechen Republic, Russia)

osmaev@mail.ru

The article by the two recognized Chechen historians examines some negative issues in the modern historiography of the North Caucasus peoples which are most vividly manifested in the works of the so-called “V.B. Vinogradov’s school of North Caucasian studies”. According to the authors, it is assumed there as a scientific paradigm that the mountain peoples of North Caucasus were in the past and continue to be at present an object, but not a subject of historical process; they are treated as “elements” in what is claimed

to be the integrative as well as civilizational and cultural mission of the Russian state.

The authors argue that the “*idée fixe*” propagated by the historians of the above school is the premise that the Russian state allegedly being at a very high level of development is incompatible with the stadial backwardness and evil mentality of the North Caucasus peoples (especially, Chechens) who are alleged to be the major obstacle for the development of Russia’s South. By analyzing two key monographs written by the “school’s” leading historians the authors show that the historical facts in the monographs are selected and interpreted in a biased way. In general, these editions reveal the falsification of the history of the peoples of North Caucasus, resorting to conjecture, propaganda and explicit nationalist rhetoric.

It is concluded that such “historical” works as well as “ideologems”, “paradigms” and historical myths imposed by them should be confronted by academic community, the Russian public and state. Moreover, the authors of the article highlight the essential problem of a historian’s responsibility to society and future generations of the peoples of Russia.

North Caucasus, Russian Empire, Russian Federation, Stalin’s dictatorship, national politics, mountain peoples, Chechens, Ingush, Caucasian War, Great Patriotic War, Chechen War, historiography, ideology, nationalism, falsification, historical myth.

К.А. СОЛОВЬЕВ

АРХЕОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ПОСЛЕСЛОВИЕ К МОНОГРАФИИ 2018 ГОДА

К.А. Solovyov

An Archeology of Daily Political Life: An Afterword to the 2018 Monograph

Историк привык завершать текст его первыми страницами. Обычно он пишет введение, когда в заключении расставлены все точки над *i*. Тогда все представляется ясным, и остается объяснить себе и другим, почему он все же решился на сей труд. В этом заключается своего рода лукавство. Все же стоит хотя бы однажды взяться за честное введение, разобравшись в самом себе и собственном тексте.

Видимо, методологически верно идти от проблем к источникам. У меня чаще всего получалось иначе. Я сравнительно давно столкнулся с совершенно уникальным источником: материалами перлюстрации, осуществляемой Департаментом полиции Министерства внутренних дел. Они хорошо известны историкам и в то же время лишь в малой степени использованы. Объем переписки, сохранившейся в личных фондах архивов, поразительно мал, и это при том, что письма – одна из важнейших форм коммуникации в начале XX в. Немногие берегли чужую (да и свою собственную) корреспонденцию. Она терялась, горела. В конце концов ее целенаправленно уничтожали.

Вместе с тем, переписка – уникальный и, в сущности, непревзойденный источник. Письмо пишется «по свежим следам», не себе, не потомству, а своему современнику, который нередко может проверить полученную информацию. Письмо может компенсировать ложь делопроизводства, недосказанности протоколов и стенографических отчетов. Проблема лишь в том, что писем неизмеримо меньше, нежели на то мог рассчитывать историк. И тут ему на помощь приходит политический сыск, часто склонный к политически мотивированному «вуайеризму». В данном случае интересы политической полиции и историков вполне сходятся. И те, и другие склонны к подглядыванию и чтению чужих писем. Благодаря бдительности сотрудников политического розыска, в фондах Департамента полиции сохранилось то, что неминуемо должно было пропасть¹.

Жаль, что перлюстрированных писем, датированных до 1906 г., сохранилось очень мало. В Департаменте полиции было принято уничтожать выписки десятилетней давности. Однако и того, что есть, достаточно, чтобы составить совершенно новое представление о политической жизни России думского периода. Это меня под-

толкнуло к мысли, что нужно совсем иначе написать политическую историю позднеимперского периода. Исследователю никуда не уйти от законодательства, официального производства или публицистики, но даже не это должно стать главным. Было очевидным, что активное использование источников личного происхождения и, в первую очередь, эпистолярного наследия участников политического процесса начала XX в. позволит заглянуть на «политическую кухню» России этого периода и пристально в нее всмотреться.

В этой связи вспомнился исследовательский прием, восходящий к работам Б.М. Эйхенбаума, изучавшего, в том числе, «литературный быт», то есть социальные аспекты писательского труда, в значительной мере определявшие и характер текстов². Но тексты могут быть разные: это не только беллетристика, но и научные сочинения, и законодательные акты и другие. Точно так же порядок работы над ними в значительной мере будет обуславливать их содержание. В этой связи можно говорить не только о литературном, но и о политическом быте, состоящем из множества разнообразных практик.

Как принято обсуждать проекты, сколько времени на это обычно тратится, какие эксперты привлекаются к этому делу, как вообще организован институт экспертизы, как редактируются тексты – все эти и многие другие вопросы оказываются даже важнее для понимания законодательного процесса, чем привычные декларации правительственной власти и происходящие у всех на виду ее столкновения с оппозицией. Кухня важнее обеденного зала, закулисье важнее сцены. О самом важном редко пишут в газетах.

Политическая история – объект критики и даже насмешек. Ее упрекают в методологическом консерватизме и близорукости. Тем не менее, она не теряет своей привлекательности и для научной корпорации, и для околонучного сообщества. Порой это создает у авторов ложное ощущение благополучия, следствием чего становятся устойчивые традиции историописания политических сюжетов. Они возникли полтора столетия назад, еще в XIX в., и не слишком существенно менялись с тех пор. Социальная история успела стать «новой», экономическая история – тоже, к политической истории это в полной мере не относится.

Интерес к ней, в том числе, обусловлен структурой источниковой базы, которая в огромной степени складывалась усилиями органов власти и так или иначе освещает их деятельность. Вольно или невольно авторы следуют за своими источниками, воспроизводя их акценты, умозаключения, терминологию. Такого рода зависимость чаще всего почитается за добродетель. По умолчанию подразумевается, что текст о власти тождественен самой власти³.

Вместе с тем канон организации делопроизводственного материала зачастую был весьма далек от подлинного хода обсуждения и принятия законопроектов. Иными словами, реальные практики законодательства и администрирования в полной мере не описывались

законодательными актами и делопроизводственными материалами.

Еще в большей степени это относится к любой хронике политической жизни. В новое и новейшее время с ее задачами справляется пресса. Она обращает внимание читателя на то, что ей представляется важным, существенным, чаще всего игнорируя законодательскую рутину, повседневность политического процесса. В этом случае происходит «мобилизация» сведений об исключительных обстоятельствах из жизни правительства, которая создает безусловно искаженное представление о норме. Политический процесс исключительно сводится к борьбе за власть, непримиримому столкновению действующего правительства с его оппонентами. Журналисты подбирают новости. Как хорошо известно, когда человек садится на лошадь – это не новость. Новость – это когда лошадь садится на человека. Историческая наука как раз такими новостями меньше интересуется. Важнее обычное, рядовое, рутинное – то, что формирует повседневность принятия политического решения, *политическую повседневность*. Речь идет о каждодневном ритме работы участников политического процесса как со стороны государственных служащих, так и партий, в том числе оппозиционных.

Исключенная картина политической жизни «выпрямляется» благодаря подходам «политической повседневности». В данном случае в центре внимания оказываются алгоритмы политического поведения. Их изучение подразумевает ряд методологических посылок.

Первая. Политическая повседневность разворачивается в пространстве, а не во времени. Речь идет об устойчивых структурах, которые меняются чрезвычайно медленно. Они редко переживают дисбалансировку и сравнительно быстро восстанавливаются. Их анализ подразумевает анализ статических состояний (организационной структуры), а не динамики.

Вторая. Памятен афоризм М. Блока о «людоедстве» историка, гонящегося за «человечиной». Представляется, что проблемный анализ политической истории требует от исследователя своего рода «диеты». Акцент надо делать на институтах, а не персоналиях. Именно институты формируют правила игры, создают жесткие рамки для индивидуальной деятельности.

Третья. Пользуясь терминологией М. Фуко, в Европе эпохи модерны ключевая власть – не репрессивная, а дисциплинарная⁴. Органы государственного управления – лишь «верхушка айсберга». Носителем подлинной власти оказываются обыватели, которые знают, что есть норма, и так или иначе приводят все вокруг в соответствии с ней. Такая власть безлична и сама себя властью чаще всего не считает⁵. Иными словами, власть – это не решение, а процедура; не воля, а практика.

Четвертая. Из политической истории следует изъять «большие дни» и «красные даты», примечательные для хронистов и журна-

листов, заменив их серыми буднями. Политическая повседневность бессобытийна и может даже показаться неисторичной. При этом следует иметь в виду, что столь впечатляющая «политическая публичность» сродни театральности⁶. Она знает строгие законы, хорошо известные зрителю, которому не стоит даже задумываться о том, что происходит за кулисами. Он пользуется понятиями, санкционированными государством, мыслит категориями, вольно или невольно формируемыми государственной властью. По словам П. Бурдые, «следствием государства является то, что оно заставляет думать, будто нет никакой проблемы государства»⁷. Важным элементом политической театрализации становится вера в безусловную значимость свершаемого представления⁸. Подходы политической повседневности подразумевают ее преодоление.

Пятая. Политическая повседневность существует вне ценностных ориентиров. Она не идеологична, а технологична – а значит и аполитична.

В рамках этого подхода была проанализирована политическая система России в 1906–1914 гг. Особенности взаимодействия законодательной и исполнительной власти лишь отчасти описывались правовыми актами того времени. На практике оказывалось, что полномочия представительных учреждений были шире, чем это было установлено в Основных государственных законах 23 апреля 1906 г. Государственная дума и Государственный совет – это не только властные институты. За ними стояли социальные реалии сложно организованной России тех лет. Более того, сама Дума, выборы в нее, политические партии способствовали их появлению. Пользуясь представительными учреждениями, различные группы интересов неожиданным образом возникли на политической сцене тех лет, получив эффективный инструмент давления на администрацию. Депутаты и стоявшие за ними корпоративные и сословные объединения, предпринимательские организации, земские собрания и городские думы довольно быстро инкорпорировались во властные круги Народные избранники, может быть даже вопреки собственным ожиданиям, обрели значительный вес в правительственных сферах. Они отвоевывали себе новые полномочия, прерогативы. Так складывались правила игры, далеко не во всем совпадавшие с законодательством 1905–1906 гг.⁹

Решить проблему политической повседневности на материалах России до 1905 г. и сложнее, и интереснее. До Первой революции участников политического процесса было существенно меньше – соответственно, меньше осталось и источников. Стенографические отчеты заседаний Государственного совета или Комитета министров не велись, а журналы и мемории дают весьма приблизительное представление о характере обсуждения тех или иных вопросов в высших законосовещательных учреждениях империи. Иными словами, историк обладает весьма ограниченным кругом источников,

чтобы высказаться о формализованном порядке работы законодательной машины страны. Тем более, это относится к неформализованным или слабо формализованным практикам, куда более важным для понимания законотворческого процесса.

Отчасти это объясняет, почему априорные суждения о характере политической системы России конца XIX – начала XX вв. подменяют все остальные. Нет простых путей решения данной проблемы. Для этого надо искать свой методологический «ключ» и, конечно же, источники. Намного проще ограничиться общими и мало обязывающими словами об автократическом характере власти в России до 1905–1906 гг. Однако подобные оценки мало устраивали современников. Ситуация им рисовалась значительно более сложной и неоднозначной. Они отмечали и ограничения царской власти, и внутривластные конфликты, и влияние общественности на принятие политических решений. Причем об этом писали опытные чиновники, хорошо знавшие технику законотворчества. Одновременно с тем они были талантливыми литераторами, которые чувствовали «нерв» эпохи, старались воспроизвести нравы петербургских канцелярий. Характерно, что для учебного курса воспоминания В.И. Гурко, С.Е. Крыжановского, Д.Н. Любимова, Н.Н. Покровского и других представителей высшей бюрократии были, пожалуй, лучшими текстами, позволяющими сформировать более или менее цельное представление о функционировании политической системы.

Нужно ли доказывать, что воспоминания – не лучший исторический источник. Им есть альтернатива – письма и дневники саванников империи. В них, в том числе, излагаются перипетии политической борьбы, ход заседаний высших законосовещательных коллегий, а также частных совещаний министров. Только лишь с опорой на подобные материалы можно восстановить принципы работы законотворческого механизма Российской империи. Большая удача, что в распоряжении историков есть такой источник как донесения государственного секретаря А.А. Половцова императору Александру III о работе Государственного совета. В своих записках царю Половцов подробно пересказывал, что и как говорили члены высшей законосовещательной коллегии империи. Государственный секретарь излагал собственную точку зрения на многие вопросы и, вопреки писанным и неписанным правилам, давал советы императору. Иногда в своих записках царю он касается и частных бесед, имевших место в правительственных кругах. В ряде случаев эта информация дублируется в его дневниках, но, правда, такое случается далеко не всегда.

Иными словами, в распоряжении историков есть источники, позволяющие по-новому взглянуть на политическую жизнь империи. Однако для верного прочтения нужен еще «ключ». Ради его обладания надо отрешиться от привычного образа самодержца, принад-

лежащего скорее к фольклору или историческим преданиям, нежели политическим реалиям даже вековой давности. Любая власть – это и мифология, и технологии. Мифология прочно вошла в головы современников и потомков, что нельзя сказать о технологиях. Учитывая растущие масштабы делопроизводства и усложнявшиеся задачи, стоявшие перед государственной властью, процесс принятия решения становился все более технологичным. Отчасти роль императора сводилась к легитимации уже практически принятого решения. Конечно, в этом утверждении есть известная доля преувеличения. Император принимал решения по кадровым вопросам, таким способом оказывая непосредственное влияние на направление деятельности всех ведомств. Главное даже другое: цари, в отличие даже от многих своих министров, продолжали верить в самодержавие и в некоторых случаях проявляли волю, настаивая на своем. Однако такие случаи составляли скорее исключение. Порядок заключался в другом: во встроенности императорской власти в большую бюрократическую машину, существовавшую и работающую по своим правилам¹⁰.

В этой связи возникает много интересных проблем, сюжетов, вопросов. Например: можно ли говорить о полном отсутствии публичной политики в условиях автократии; как печать, даже подцензурная, влияла на правительственные решения; какие поведенческие принципы и мировоззренческие установки были характерны для бюрократической корпорации и можно ли вообще о такой говорить; обязательно ли было формальное участие императора в процессе законотворчества; какова роль канцелярии при принятии решений и т.д.?

Подобных вопросов может быть очень много. Каждый из них оттеняет простой факт: современный исследователь не привык говорить о политической системе неконституционного типа. Он склонен ее сводить к простым формулам в то время, как она может оказаться весьма сложной, даже более изощренной, чем в государстве с парламентской формой правления. Она подразумевает наличие особых «партий», особых лоббистских групп, особого понимания законности и правового государства. Эта «особость» не описана (да и не могла быть описана) в современной политической науке.

Однако вне этого политико-правового контекста совершенно непонятными становятся события Первой российской революции. Ведь она случилась как результат несостоятельности политического режима, чьи параметры как раз нуждаются в специальном уточнении. Конечно, исключительно трагическая модальность при разговоре о государственной жизни России начала XX в. едва ли уместна. Любая политическая система имеет достоинства, оборачивающиеся недостатками. Рассуждая об имперской власти того времени привычно писать о неминувости революции. Однако возможен иной поворот темы: как так случилось, что изучаемая политическая система сравнительно долго существовала и не без пользы для страны,

которая и развивалась, и расширялась – причем в условиях жесткой конкуренции с ведущими европейскими игроками?.

Важнейшая характеристика «старого порядка» в России – это осуществление политики без политиков. Задача политика – определять вектор развития на будущее. Министры не могли претендовать на эту роль, которая была предписана лишь государю императора. Он же в силу масштабности проблем, на его плечи возложенных, с этой задачей явно не справлялся. Таким образом, в легальном поле России политиков не было. В этом заключались свои определенные преимущества. На вершине управленческой пирамиды оказывались не случайные лица, а преимущественно технократы, обладавшие достаточным опытом и навыками для участия в законотворческом процессе. Баланс интересов между ними, между ведомствами, которые они возглавляли, формировали своего рода «систему сдержек и противовесов». Это была особая «русская конституция» – естественно, без парламента и легальных политических партий. Ее цель – поддержание status quo, в чем уже можно усмотреть серьезную проблему.

Такая политическая система не способна к самореформированию.

Сложность возникает и другого свойства. Аполитичность бюрократии автоматически не обозначает аполитичность каждого отдельного бюрократа. Чиновник, поменявший мундир на халат, мало отличался от своего соседа-общественника. Он читал те же журналы, тех же авторов, вел те же разговоры в гостиных. В условиях Первой революции выяснилось, что и взгляды его зачастую оппозиционные. Прежде об этом можно было только догадываться. В решающий момент оказалось, что представители власти самой власти не сочувствовали¹¹.

Рыхлая, сложносоставная, разношерстная управленческая элита – явление скорее социального порядка, которая в политическом отношении может себя вести неожиданным образом. Государственная же власть в этом случае – не всепожирающий Левиафан, а бесформенная, громадная амеба, для которой целеполагания не существует. Распределение государственной власти скорее напоминает модель М. Фуко, а не М. Вебера. Речь должна идти не о рационализирующих структурах управления, а о сложной ткани взаимодействия различных общественных групп, так или иначе включенных в политический процесс: это и чиновники, и придворные, и земцы, и представители дворянской корпорации, и военнотружущие, и журналисты, и предприниматели и т.д. Причем нередко это одни и те же лица, совмещавшие разные социальные статусы и ролевые функции¹². В этом случае власть сложно отделить от общественности, бюрократию от оппозиции, а охранительство от революционности.

Различные элитные группы так или иначе реагировали на феномен абсолютизма в России. Он лишь в малой степени напоминал

западноевропейские образцы XVII–XVIII вв. Слишком изменилась Европа за XIX столетие. В условиях технического прогресса и новых скоростей и законодательский процесс становился более технологичным. Усложнявшееся государственное управление не могло сводиться к простым функциям, более или менее контролируемым одним человеком, пускай даже самых выдающихся личных качеств. Абсолютизм был ограничен в своих возможностях и в прежние времена. Он скорее представлял собой идеологию, нежели повседневную практику. У монарха было слишком мало инструментов, чтобы гарантировать тотальность рационального порядка¹³.

Теперь же, к концу XIX столетия, абсолютизм – юридическая фикция, служившая, прежде всего, легитимации существующего порядка. Поразительно то, что как раз у государства стало значительно больше возможностей, чем раньше. Однако к этому времени в глазах подавляющего большинства представителей общественности самодержавие смотрелось явной архаикой. Популярными и в чиновничьей среде концепты «закона», «законности», «правового порядка», «реформ» не соответствовали привычным представлениям об абсолютистском государстве. Более того, даже понятие «самодержавие» в ряде случаев интерпретировалось как нечто противоположное абсолютизму или, по крайней мере, не соответствовавшее ему. Иными словами, политический режим существовал в определенном интеллектуальном пространстве, что само по себе становилось вызовом для властвующей элиты¹⁴. Мир идей и понятий, в котором существовали политические игроки рубежа XIX–XX вв., – точно так же часть политической повседневности.

Методология политической повседневности вполне применима и в отношении общественного движения, которое чаще всего исследуют как череду партийных столкновений и совокупность судебных политических организаций. Практика показывает, что границы между ними весьма условны. Многие видные политические лидеры «кочевали» от одной организации к другой, порой отказываясь от прежних идеологических предпочтений в пользу новых идей. Общественность (по крайней мере, России в конце XIX – начала XX вв.) – это, прежде всего, среда, привычки и определенный набор концептов. К ним можно было относиться по-разному, принимая или даже отрицая их. В любом случае они «намагничивали» интеллектуальное пространство, в котором вращалась «интеллигенция». При таком подходе можно было проанализировать общественное движение как совокупность в первую очередь социальных практик, может быть, даже более важных, чем партийные программы и уставы.

К сожалению, этот исследовательский прием пока еще не апробирован, практикой не проверен. Возможно, он дал бы неведомые всходы. Однако, думается, он был бы в любом случае полезен. Он позволил бы разглядеть социальное измерение политического процесса как в правительственной канцелярии, так и в революционном

подполье, а значит поставить совсем новые вопросы источнику и получить новые ответы, включая совершенно неожиданные.

Примечания Notes

¹ Представительные учреждения Российской империи в 1906 – 1917 гг.: Материалы перлюстрации Департамента полиции. Москва, 2014.

² *Эйхенбаум Б.М.* Литературный быт // *Эйхенбаум Б.М.* О литературе: Работы разных лет. Москва, 1987. С. 428–436.

³ *Блоун Ф., Розенберг У.* Споры вокруг архивов, споры вокруг источников // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Москва, 2013. С. 135–136, 139–140.

⁴ *Орлова Г.А.* Изобретая документ: Бумажная траектория российской канцелярии // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? Москва, 2013. С. 45–46.

⁵ *Фуко М.* «Нужно защищать общество»: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975 – 1976 учебном году. Санкт-Петербург, 2005. С. 38, 48–59; *Фуко М.* Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973 – 1974 учебном году. Санкт-Петербург, 2007. С. 59–77.

⁶ *Бурдые П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). Москва, 2016. С. 129.

⁷ *Бурдые П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). Москва, 2016. С. 143.

⁸ *Бурдые П.* О государстве: Курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). Москва, 2016. С. 155.

⁹ *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: Механизмы взаимодействия (1906 – 1914). Москва, 2011. С. 495–499.

¹⁰ *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: Проблема законотворчества. Москва, 2018. С. 69–100.

¹¹ *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: Проблема законотворчества. Москва, 2018. С. 100–136.

¹² *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: Проблема законотворчества. Москва, 2018. С. 280–332.

¹³ *Элиас Н.* Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. Москва, 2002. С. 193–195; *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. Т. 2: Эпоха Реформации. Москва, 2018. С. 521–524, 534.

¹⁴ *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881 – 1905 гг.: Проблема законотворчества. Москва, 2018. С. 20–68.

Автор, аннотация, ключевые слова

Соловьев Кирилл Андреевич – докт. ист. наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

– главный научный сотрудник, Институт российской истории, Российская академия наук (Москва)
kirillsol22@yandex.ru

Статья посвящена подходам политической повседневности, использованных автором при изучении сюжетов политической истории России конца XIX – начала XX вв. Автор определяет методологические и источниковедческие принципы, которые лежат в основе данного исследовательского приема. Особое внимание уделено тем выводам, к которым автору удалось прийти при разработке проблем политической повседневности. Автор ставит вопрос о специфике политической системы в России в 1905–1917 гг.: роли представительных учреждений, лоббистских групп, периодической печати, механизмам взаимодействия законодательной и исполнительной властей. Опыт работы с материалами думского периода истории России позволил автору обратиться к политическим процессам в 1881–1905 гг. Он пришел к выводу, что разговор о власти в России до 1905 г. нельзя свести к проблеме автократии. Речь должна идти об особой политической системе, для которой император – крайне важный, но не единственный элемент. Более того, в ходе эволюции и усложнения законотворческого процесса происходила минимизация функций царской власти.

Российская империя, самодержавие, бюрократия, законотворчество, Государственный совет, Русская революция 1905 г., Государственная дума, политическая повседневность, методология истории, исторический источник.

References

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Blouin, F.; Rosenberg, W. Spory vokrug arkhivov, spory vokrug istochnikov [Disputes over Archives, Disputes over Sources.]. *Status dokumenta: Okonchatelnaya bumazhka ili otchuzhdennoye svidetelstvo?* [The Status of a Document: The Final Proof or Alienated Evidence?]. Moscow, 2013, pp. 125–153. (In Russian).

2. Eykhenbaum, B.M. Literaturnyy byt [Everyday Literature.]. *Eykhenbaum, B.M. O literature: Raboty raznykh let* [On Literature: Works from Various Years.]. Moscow, 1987, pp. 428–436. (In Russian).

3. Orlova, G.A. Izobretaya dokument: Bumazhnaya trayektoriya rossiyskoy kantselyarii [Inventing the Document: The Paper Trajectory of a Russian Chancellery.]. *Status dokumenta: Okonchatelnaya bumazhka ili otchuzhdennoye svidetelstvo?* [The Status of a Document: The Final Proof or Alienated Evidence?]. Moscow, 2013, pp. 19–52. (In Russian).

(Monographs)

4. Bourdieu, P. Sur l'État: Cours au Collège de France (1989 – 1992).

Seuil, 2012, 656 p. = Bourdieu, P. O gosudarstve: Kurs lektsiy v Kollezh de Frans (1989 – 1992) [On the State: Lectures at the Collège de France (1989 – 1992)]. Moscow, 2016, 718 p. (In Russian).

5. Elias, Norbert. Die höfische Gesellschaft: Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie. Luchterhand, 1969, 456 p. = Elias, N. Pridvornoe obshchestvo: Issledovaniya po sotsiologii korolya i pridvornoy aristokratii, s vvedeniyem: Sotsiologiya i istoriya [The Court Society: Studies in the Sociology of Kingship and the Court Aristocracy with an Introduction: Sociology and History.]. Moscow, 2002. 366 p. (In Russian).

6. Foucault, Michel. “Il faut défendre la société”: Cours au Collège de France, 1975 – 1976. Gallimard, Seuil, 1997, 283 p. = Foucault, M. “Nuzhno zashchishchat obshchestvo”: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1975 – 1976 uchebnom godu [“Society Must Be Defended”: A Course of Lectures Given at the Collège de France in the 1975 – 1976 Academic Year.]. St. Petersburg, 2005, 311 p. (In Russian).

7. Foucault, Michel. Le pouvoir psychiatrique: Cours au Collège de France, 1973 – 1974. Gallimard, 2003, 393 p. = Foucault, M. Psichiatricheskaya vlast: Kurs lektsiy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1973 – 1974 uchebnom godu [Psychiatric Power: A Course of Lectures Given at the Collège de France in the 1973 – 1974 Academic Year.]. St. Petersburg, 2007, 448 p. (In Russian).

8. Solovyev, K.A. Politicheskaya sistema Rossiyskoy imperii v 1881 – 1905 gg.: Problema zakonotvorchestva [The Political System of the Russian Empire, 1881 – 1905: The Problem of Lawmaking.]. Moscow, 2018, 350 p. (In Russian).

9. Solovyev, K.A. Zakonodatelnaya i ispolnitelnaya vlast v Rossii: Mekhanizmy vzaimodeystviya (1906 – 1914) [Legislative and Executive Power in Russia: Mechanisms of Interaction (1906 – 1914)]. Moscow, 2011, 510 p. (In Russian).

10. Skinner, Quentin. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. 2: The Age of Reformation. Cambridge University Press, 1978, 412 p. = Skinner, Q. Istoki sovremennoy politicheskoy mysli [The Foundations of Modern Political Thought.]. Vol. 2: Epokha Reformatsii [The Age of Reformation.]. Moscow, 2018, 566 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Kirill A. Solovyov – Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

– Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

kirillsol22@yandex.ru

The article examines some approaches to everyday political life which the author uses for analyzing the scenarios of Russia's political history in the late 19th and early 20th centuries. Methodological and source study principles are defined to facilitate the author's research task. The analysis of issues of daily political life brings the author to specific conclusions. The article emphasizes

the peculiarities of the political system in Russia during the period of 1905–1917: the role of representative institutions, lobbyist groups, the periodical press, and the interaction mechanisms between the legislative and executive powers. The author turns his attention to the political processes in 1881–1905 benefiting from his experience of working with archival materials related to the State Duma. He arrives at the conclusion that the power in Russia before 1905 should not be limited to autocracy alone. In fact, it means the specific political system where an emperor is an extremely important element, but not the only one. Moreover, evolution and an increasingly sophisticated lawmaking process will minimize the tsar's functions.

Russian Empire, autocracy, bureaucracy, lawmaking, State Council, 1905 Russian Revolution, State Duma, everyday political life, historical methodology, historical source.

В.Ж. Цветков

**КООПЕРАЦИЯ, ЛИБЕРАЛИЗМ И КОНСЕРВАТИЗМ
НАКАНУНЕ И ПОСЛЕ
ВЕЛИКОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ:
К ИСТОРИИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ В ТРУДАХ А.В. ЛУБКОВА**

V.Zh. Tsvetkov

**Cooperation, Liberalism, and Conservatism
before and after the Great Russian Revolution of 1917:
Towards a History of their Exploration
in the Writings of A.V. Lubkov**

Историография формирования и эволюции общественно-политических движений рубежа XIX–XX вв., как и биографическая литература о деятелях российского общественно-политического движения, отличается на сегодняшний день тематическим и идейным разнообразием.

Всплеск интереса к этой проблематике в конце 1980-х и начале 1990-х гг. был связан не только с открытием новых, прежде закрытых, исторических источников, относящихся, в частности, к истории либерализма в Русском зарубежье. Не менее важное значение имели попытки переосмыслить историческое наследие российской общественно-политической мысли. Прежние методологические установки на приоритетное изучение марксизма-ленинизма сменились стремлением осмыслить «немарксистские» политические идеологии, найти в них положения, актуальные для новой российской государственности.

Изучение российского либерализма сопровождалось изданием трудов многих историков, правоведов, политиков, философов и публицистов начала XX в. Из многочисленных публикаций подобного рода можно было бы выделить, например, антологию «Опыт русского либерализма»¹ и сборник статей «Российский либерализм: идеи и люди», изданный при поддержке фонда «Либеральная миссия»². В либеральных идеях стали видеть едва ли не наиболее оптимальный вариант государственного устройства и общепризнанных социокультурных ценностей.

Однако в последние десятилетия интерес к изучению российского либерализма и его идейно-теоретическому наследию явно снижается. Больше внимания уделяется проблемам общественно-политической активности российских либералов в предреволюционные годы, их отношению к государственной власти, к монархии³.

Значительный интерес у многих публицистов и писателей вызывали вопросы, связанные со степенью вовлеченности российских либералов в непосредственную подготовку Февральской революции

1917 г., с их «исторической ответственностью» за «гибель монархии» и «развал Великой России»⁴. Вместо серьезного исторического анализа у авторов возникал подчас соблазн огульного осуждения либеральных политиков. Преобладали их оценки в качестве «главных виновников 1917 года». Подобного рода характеристики использовались для весьма спорных попыток провести исторические «параллели» между «либералами 1990-х» и либералами начала прошлого века. Теперь их «общность» расценивалась как активное противодействие государственной власти и традициям русского народа.

В этих условиях необходимо сохранение исследовательского интереса к богатому теоретическому наследию отечественной общественно-политической мысли. Важен не поиск «врагов» в либеральном лагере столетней давности, а понимание как очевидных заслуг русских либералов, так и не менее явных изъянов в их теоретических убеждениях и практической деятельности в первой трети XX в., особенно в период революции и Гражданской войны, когда они участвовали в антибольшевистской борьбе⁵.

* * *

В такой историографической ситуации нельзя не приветствовать издание новых исследований о русском либерализме. Среди них заметное место в отечественной историографии занимают исследования доктора исторических наук, члена-корреспондента Российской Академии образования Алексея Владимировича Лубкова.

Его первые публикации в период работы на кафедре новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета были посвящены социальным проблемам революционного периода, малоизученным страницам истории российской кооперации, и, прежде всего, рабочих кооперативов. Немаловажное значение для становления А.В. Лубкова как профессионального историка имело научное наставничество со стороны профессоров Аполлона Григорьевича Кузьмина, Виктора Григорьевича Тюкавкина, Юрия Ивановича Кораблева и Эрнста Михайловича Щагина.

Кандидатская диссертация А.В. Лубкова, защищенная в сентябре 1990 г., была посвящена рабочей кооперации Центрально-Промышленного района России в 1917–1918 гг. Ее успешная защита свидетельствовала о становлении серьезного, перспективного ученого. Отличительной чертой его первых исследований являлось то, что они касались как экономических аспектов деятельности кооперативных объединений, так и их участия в общественно-политической жизни предреволюционной России.

И в дальнейшей исследовательской работе А.В. Лубков стремился к раскрытию тесной взаимосвязи экономики и политики. Безусловно, правомерным следует считать тезис о стремлении экономически развитых структур (в данном случае кооперативов) к усиле-

нию своего воздействия на политическую жизнь страны. Тем самым существенно расширялся круг изучаемых проблем, в чем состояла новизна исследований А.В. Лубкова. Подобная проблематика осталась для него главной и в период работы над докторской диссертацией. Ученому удалось расширить источниковую базу исследования, обратиться к новым регионам Центральной России, успешно рассмотреть вопросы развития кооперативного движения и деятельности кооперации во время Первой мировой войны и революции. В период работы над диссертацией им была опубликована монография по этой теме⁶.

В последующих работах по кооперативному движению А.В. Лубковым затрагивались вопросы становления и развития российской кооперации в нечерноземных губерниях Центральной России. В его статьях, опубликованных как в журналах, так и в научных сборниках, раскрывались значительная роль аграрных преобразований П.А. Столыпина, влияние Первой мировой войны на кооперацию, взгляды ученых-аграрников на кооперативное движение⁷.

Многие из статей, опубликованных в те годы, были включены историком в сборник избранных работ, вышедший в 2017 г. В одной из них, в частности, он точно характеризует социальную организованность, политическую позицию и общественно-политическую активность кооператоров, особенно возросшую в 1917 г.: «Кооперативный уклад... основанный на принципах демократического хозяйствования миллионов трудящихся, составлял серьезную конкуренцию для государственного и частного секторов экономики. При этом кооперация выступала не просто как хозяйственное или коммерческое предприятие, но как массовое общественное движение с присущей ему идеологией: кооператоры уделяли большое внимание культурному просвещению народа, его образованию и воспитанию в самом широком смысле...»⁸.

* * *

После защиты докторской диссертации в июне 1998 г. начался новый этап в научном творчестве А.В. Лубкова. Ученым были опубликованы исследования, связанные с формированием и эволюцией взглядов российских либералов. Автора отличало стремление к их комплексной, обобщающей оценке. И здесь не последнее значение имело его обращение к жанру исторической биографии. Особый интерес он проявил к личности менее известного (по сравнению, например, с П.Н. Милюковым или П.И. Новгородцевым), деятеля кадетской партии князя Дмитрия Ивановича Шаховского.

Этот интерес был, в какой-то степени, закономерным, если учесть, что Шаховской активно участвовал в кооперативном движении. Князь отстаивал идеи активного участия кооперации в общественной жизни. Имеются сведения о намерении Шаховского соз-

дать даже подобие масонского ордена на основе кооперативных объединений («сокровенная философия кооперации, то есть русского масонства»)⁹.

В серии «Жизнь замечательных людей» увидела свет книга о Шаховском, написанная им в соавторстве с И.В. Кузьминой¹⁰. Кроме того, А.В. Лубков опубликовал несколько статей о Шаховском¹¹.

Примечательна его характеристика взглядов Шаховского в отношении перспектив развития политической системы на рубеже столетий. Здесь историк подходит к проблеме местного самоуправления, в структурах которого работали многие либералы. В повседневном нелегком труде земских служащих, в обыденности «малых дел», названных устами героя чеховского «Дома с мезонином» «аптечками» и «библиотечками», проявлялось стремление принести пусть и небольшую, но насущно необходимую для крестьянства пользу. Не стоит забывать о высоком уровне развития земской статистики, земской медицины, земских школ и училищ.

Однако по мере нарастания в стране протестных настроений земская деятельность уже не могла, очевидно, ограничиться сугубо решением социальных и хозяйственных проблем. Постепенно стали преобладать взгляды на земское самоуправление как на фундамент, основу всей российской государственности. По-новому стала озвучиваться идея представительного органа – Земского Собора. И в смене «бюрократической», «самодержавной» системы управления новой, «подлинно народной» властью, очень многие представители земской интеллигенции («близкие к народу» как они полагали) видели главную цель своей деятельности. Эти же идеи легли в основу идеологии партии конституционных демократов, значительную часть которой составляли земские деятели.

А.В. Лубков обратил внимание на целый ряд идеологических и общественно-политических особенностей либерализма в предреволюционный период. В ряде работ им не только изучались различные аспекты деятельности российских либералов в годы Первой мировой войны, но и рассматривался вопрос об исторической ответственности либерального лагеря за происходившие в стране перемены¹².

Многие авторские суждения и выводы вошли в уже упомянутый сборник «Личность. Время. Образование», увидевший свет в 2017 г.

Показательна оценка февраля 1917-го: «Февраль – это начальная точка нашей национальной государственности. Если говорить о предпосылках и одновременно уроках, мы должны подчеркнуть ответственность элиты, которая на этом рубеже не справилась с той миссией, что на нее возлагали история и русская культура. А не справилась потому, что к этому моменту в значительной степени оторвалась от национальных оснований... Особую разрушительную роль – роль акторов – сыграла, конечно, так называемая либеральная интеллигенция вместе с представителями русской аристократии...»¹³.

Тут особенно важно, что и делает автор, учитывать происходившую после русской революции 1905–1907 гг. эволюцию монархии. А.В. Лубков отмечает, что к 1917 г. «это уже была... не монархическая самодержавная власть, а... дуалистическая монархия. Были институты гражданского общества, российский парламент, основы конституционного строя...»¹⁴ Стремление российских либералов к дальнейшей «демократизации» существовавшей политической системы на практике, особенно в обстановке мировой войны, нередко приводило к дестабилизации общественной жизни. В этих условиях закономерным становилось противостояние с властью, которая, как считалось, не учитывает важности «сотрудничества с общественностью». Получался «порочный круг», когда стремление к улучшению управления ради победы в войне, приводило к росту революционной активности, усиливало оппозицию и, в результате, победоносное окончание войны становилось все менее достижимым.

Следует, однако, отметить, что в отношении начального этапа Великой Российской революции термины «элита», «аристократия» и «либеральная интеллигенция» далеко не идентичны. Если для большинства элиты Россия в будущем представлялась как монархия, что и делало допустимым идею «дворцового переворота» (жертвуя монархом ради спасения монархии), то многие представители либеральной интеллигенции не исключали республиканского устройства, с энтузиазмом встретив «великую и бескровную».

При этом А.В. Лубков отнюдь не стремится выносить осуждающие вердикты в отношении либералов. Напротив, им неоднократно отмечается вполне искреннее их желание улучшить положение в стране, добиться победы в войне, достигнуть более эффективного политического и военного управления: «...Тот же князь Шаховской... был человек исключительных нравственных качеств. Он, внук декабриста, считал, что благо России связано именно с пониманием свободы народа, которую надо развивать через земские начала, через демократию, самоуправление. Но сам по себе институт монархии должен был быть сохранен, по его мнению...»¹⁵ И в 1917 г. политическое «отрезвление» наступило довольно быстро. Уже летом и, особенно, осенью, накануне прихода к власти большевиков, происходит заметный «сдвиг вправо» российских либералов.

Вряд ли можно считать продуктивным опыт реальной политической деятельности либералов в 1917 г., в период их «реального управления» в составе Временного правительства. Скорее наоборот. «Теоретическое наследие», законотворчество Временного правительства и созданных им многочисленных комиссий по законодательству, аграрному, рабочему вопросам было немалым. Но в области практической работы налицо было явное неумение, неспособность к решению насущных вопросов государственной жизни.

Сказалось и отсутствие административного, управленческого опыта, при наличии богатого, но оказавшегося невостребованным,

опыта работы в органах земского и городского самоуправления. Примечательно, что это отличало либералов и во время Гражданской войны. А.В. Лубков признавал, что «...все кадеты, вслед за программными положениями, вплоть до весны 1917 года оставались конституционными монархистами», выступали за «нерасчленение Российской Империи», «были государственниками». Это подтверждала «последующая борьба Белого движения, где они сыграли свою исключительную роль, были идеологами»¹⁶. Но «государственность» в идеологии не может заменить знания «техники» управления, практического опыта руководства управленческим механизмом.

Вывод историка столь же категоричен, сколь и обоснован: «Расстратив всю свою энергию и силы в борьбе с прогнившим самодержавным режимом, российские либералы в условиях распада традиционной монархической государственности оказались неспособными к созидательной государственной работе. Фактически – упустили власть, которую потом “подобрали” большевики».¹⁷ Интересен и такой тезис автора: «Идеология феврализма так и не сумела соединить державность и государственность с идеей свободомыслия, самоуправления, с идеей гражданского общества и правового государства. И это стало трагедией для людей, которые считали себя искренними патриотами. Очевидно, что само понимание блага России и видение ее реального исторического пути находились в глубоком противоречии в их сознании и деятельности»¹⁸.

В контексте исследований, посвященных либеральному лагерю, надо все же отметить, что в период Гражданской войны либералы отнюдь не отличались «реставрационными» стремлениями. Возврат в прошлое был уже невозможен, хотя белые военные диктаторы и созданные ими правительства провозглашали консервативные, в целом, программные лозунги. Кадетская партия поддержала военную диктатуру адмирала А.В. Колчака. Подобное «поправение» либералов подтверждает еще один важный тезис о вполне допустимой эволюции либерализма к консерватизму.

Показательным примером подобной эволюции политических взглядов может служить судьба видного общественного деятеля в России второй половины XIX в. – Михаила Николаевича Каткова.

Жизни и становлению общественно-политических взглядов молодого Каткова посвящена новая монография А.В. Лубкова, изданная в 2018 г.¹⁹ Обращение историка к личности и процессу формирования мировоззрения Каткова, а также влиянию различных людей на его судьбу и взгляды существенно дополняет представление об эволюции российского консерватизма, о бытовавших в предреволюционной России общественно-политических учениях в целом.

Историк избегает однозначных оценок своего героя. Катков традиционно считается защитником консервативных ценностей, активным противником любых либеральных идей. Но всегда ли он был таким? Не было ли в жизни Каткова моментов, когда он был готов

признать необходимость глубоких политических преобразований? Обращение А.В. Лубкова к молодости будущего консерватора позволяет понять одну из специфических особенностей российской общественно-политической жизни второй половины XIX в., проявляющуюся и в начале XX в. Состоит она в том, что любые реформы будут успешны лишь тогда, когда их будет проводить государственная власть. Но при этом не следует представлять государство в форме косного, бюрократического аппарата, озабоченного лишь стремлением к самосохранению и эксплуатации своих «подданных». Напротив, государственный аппарат управления может и должен справляться с назревшими проблемами совместно с обществом, а не помимо него. Это подтверждает опыт преобразований Александра II, в которых молодой Катков видел проявление подлинной «народной свободы».

Другая сторона изучаемой А.В. Лубковым проблемы – отношение Каткова к личности, ее месту в государственной системе. И здесь заключается принципиальный характер оценок, дававшихся будущим «апологетом русского консерватизма» в его произведениях. Автор монографии отмечает, что «ключевой» у Каткова «была идея личности – центральная в либеральной идеологии – главным творцом истории и культуры оставался человек»²⁰. Данный личностный аспект, как убедительно показал в своем исследовании А.В. Лубков, «получит дальнейшее развитие у зрелого Каткова, когда он будет возвращать внимание российской элиты к решению актуальных проблем государства, показывать высшей бюрократии и всей российской элите ее истинное призвание и предназначение. Великие реформы, затронувшие все слои жизни общества, нашли горячий отклик и поддержку в Каткове как патриоте и гражданине»²¹.

Итак: государство и личность. Не непримиримые враги, а союзники в общем деле перестройки существующей системы экономики, общества, политики, идеологии. Государственный строй призван давать максимально возможную степень свободы при максимально возможном соблюдении баланса интересов страны в целом, общества и личности. Это идеал, возможно и недостижимый, но весьма привлекательный и актуальный в тогдашней российской действительности.

«Удивительным образом произошедший в творчестве и деятельности этого выдающегося общественного деятеля консервативно-либеральный синтез, обобщение двух идеологий показывает сложный, неоднозначно оцениваемый процесс становления национально мыслящей интеллигенции, думающей в первую очередь о русских интересах», – отмечает А.В. Лубков особенности взглядов молодого героя своей книги²²

В развитие избранного А.В. Лубковым исследовательского направления, в 2019 г. вышла в свет его монография «Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907 – 1914 гг.)»²³.

Показательно, что данное словосочетание («солидарная экономика») вызывает закономерные ассоциации с тезисами социально-экономических программ российских солидаристов XX в. – Г.К. Гинса, А.Д. Билимовича и других. И это, очевидно, не случайно, поскольку именно в развитии кооперативного сектора экономики они видели наиболее перспективный вариант отечественного народного хозяйства. Снова автор возвращается к теме кооперации, но на этот раз – в ее комплексной, системной специфике.

Книгу ярко отличает четкая структура изложения материала, не хронологический, типичный для многих монографий, а проблемный подход. Выделяются главы «Ценности и смыслы русской кооперации», «Человеческая активность: отцы и творцы русской кооперации». В последней речь идет о целой плеяде российских теоретиков и практиков кооперативного дела, от хорошо известных – А.В. Чайнова и Н.Д. Кондратьева – до незаслуженно, подчас, обойденных вниманием В.Ф. Тотомианца и А.А. Евдокимова.

Каждый раздел, каждая глава новой книги оканчиваются оригинальными заключениями, в которых А.В. Лубковым четко проводится линия на понимание кооперации не только в ее сугубо экономико-статистическом контексте (рост числа кооперативов в Российской империи, расширение «фронта» их деятельности и т.д.). Гораздо более важным представляется сочетание в ее тексте истории общественных и личностных моментов. Кооперативное движение начала XX в. «получает могучую поддержку, опору “снизу”... Кооперативы более не являются предметом исключительной заботы представителей земско-либеральной общественности, насаждавших их “сверху”, а становятся плодом народной самодеятельности и творчества. И там, где потребность в кооперации была более высокой, участие в ней населения было более активным...»²⁴.

«Индивидуально-личностная составляющая модернизационного дискурса, – продолжает А.В. Лубков, – развернулась в отечественном кооперативном движении в форме широкой, преимущественно крестьянской самодеятельности»²⁵.

Историк не противопоставляет общинные традиции и формы работы индивидуальному предпринимательству. Многие свойственные общине нормы взаимопомощи, совместного плодотворного труда найдут свое применение в кооперации. А ее дальнейшее развитие в XX в. позволило бы преодолеть противоречия, традиционно считавшегося «непримиримым»: между городом и деревней. И в этом процессе значительное место занимала бы христианская хозяйственная этика.

Подводя итог оценке кооперативных «отцов и творцов», А.В. Лубков, в частности, пишет: «...Столь разные по своим взглядам и убеждениям мыслители пришли к единому пониманию, что общество – это единая система соотнесенных и взаимосвязанных частей. Для отечественной традиции было характерно подобное конструи-

рование... Главной в понимании была идея «родовой сущности»²⁶.

Добавим, что развитие подобного понимания во многом способно было бы предотвратить раскол русского общества накануне и в период революции и Гражданской войны.

* * *

Очевидно, что опубликованные работы А.В. Лубкова дают все основания надеяться, что он продолжит активную работу по изучению как общественно-политических учений, так и биографий российских либералов и консерваторов. Это тем более очевидно, поскольку одним из направлений научной работы историка в последние годы стало изучение проблем духовного кризиса российского общества, обезличивания и обесценивания нашей великой культуры, национальной идентичности и духовных ценностей, сплывающих людей на благо России²⁷.

Примечания Notes

¹ Опыт русского либерализма: Антология. Москва, 1997.

² Российский либерализм: идеи и люди. Москва, 2004.

³ *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). Москва, 2003.

⁴ *Фомин С.В., Гагжуев Р.Г., Балмасов С.С.* Граф Келлер. Москва, 2007.

⁵ *Цветков В.Ж.* Месть и закон // Родина. 2008. № 3. С. 14–18; *Карпенко С.В.* Либерал М.В. Бернацкий и белые генералы: Из истории финансовой политики правительств А.И. Деникина и П.Н. Врангеля (1918 – 1920) // Труды Историко-архивного института. Т. 41. Москва, 2015. С. 311–323.

⁶ *Лубков А.В.* Война. Революция. Кооперация. Москва, 1997.

⁷ *Лубков А.В.* Кооперативная модель обновления России: дореволюционный опыт // Модели общественного развития России: проекты и авторы (вторая половина XIX в. – начало XX в.). Москва, 2006. С. 136–156; *Лубков А.В.* Кооперативная модернизация России накануне революции 1917 г. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 26–35.

⁸ *Лубков А.В.* Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 188.

⁹ *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. Москва, 1988. С. 86.

¹⁰ *Кузьмина И.В., Лубков А.В.* Князь Шаховской: Путь русского либерала. Москва, 2008.

¹¹ *Лубков А.В.* Князь Шаховской и «Приютинский проект» народной школы в России // Вестник ВЛГУ. Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2014. № 1 (1). С. 5–12; *Лубков А.В.* Князь Д.И. Шаховской: штрихи к портрету русского либерала // Преподавание истории в школе. 2012. № 1.

С. 39–42.

¹² Лубков А.В. «Отбросить всякую политику и стать просто патриотом» // Преподаватель XXI век. 2014. № 3-1. С. 9–15.

¹³ Лубков А.В. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 162.

¹⁴ Лубков А.В. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 166.

¹⁵ Лубков А.В. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 165.

¹⁶ Лубков А.В. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 166.

¹⁷ Лубков А.В. Личность. Время. Образование: Статьи и выступления. Москва, 2017. С. 156.

¹⁸ Лубков А.В. Михаил Катков: Молодые годы. Москва, 2018. С. 5, 6.

¹⁹ Лубков А.В. Михаил Катков: Молодые годы. Москва, 2018.

²⁰ Лубков А.В. Михаил Катков: Молодые годы. Москва, 2018. С. 234.

²¹ Лубков А.В. Михаил Катков: Молодые годы. Москва, 2018. С. 237.

²² Лубков А.В. Михаил Катков: Молодые годы. Москва, 2018. С. 237.

²³ Лубков А.В. Солидарная экономика: Кооперативная модернизация России (1907 – 1914 гг.). Москва, 2019.

²⁴ Лубков А.В. Солидарная экономика: Кооперативная модернизация России (1907 – 1914 гг.). Москва, 2019. С. 40.

²⁵ Лубков А.В. Солидарная экономика: Кооперативная модернизация России (1907 – 1914 гг.). Москва, 2019. С. 59.

²⁶ Лубков А.В. Солидарная экономика: Кооперативная модернизация России (1907 – 1914 гг.). Москва, 2019. С. 240.

²⁷ Лубков А.В. Модернизация страны и некоторые проблемы гуманитарного образования // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2. №. 3. С. 7–10.

Автор, аннотация, ключевые слова

Цветков Василий Жанович – докт. ист. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет (Москва)
tsvetcov@rambler.ru

В контексте основных тенденций развития отечественной историографии Великой Российской революции в 1990-е – 2000-е гг. в статье рассматриваются и оцениваются новые монографические труды современного российского историка А.В. Лубкова. Показываются основные направления его исследовательской работы в области истории кооперации и общественно-политического движения в России в конце XIX – начале XX вв. Дается обобщающая оценка трудов историка по тематике развития и политической активности российской кооперации, ее стремления занять не только ведущие позиции в целом ряде секторов российской экономики, но и ее желания влиять на государственную власть, особенно усилившееся в

1917 г.

Особое внимание, в контексте перемен в отечественной историографии 1990-х – 2000-х гг., уделяется особенностям изучения А.В. Лубковым либеральной идеологии, раскрывается его вклад в изучение российского либерализма. Историком были изучены специфические черты общественно-политической активности малоизвестных русских либералов, прежде всего князя Д.И. Шаховского, а также их участие в событиях Великой Российской революции и Гражданской войны. Отдельным направлением исследований А.В. Лубкова стал анализ трансформации либеральных идей под воздействием обострения политического кризиса в России в конце XIX в. Ярким примером в этом отношении является биография и взгляды известного публициста и писателя М.Н. Каткова. Этому идеологу удалось отойти от крайностей либеральных политических программ и обосновать возможность проведения эффективных преобразований самой государственной властью при поддержке большей части населения.

Революция 1917 г., Гражданская война, Белое движение, кооперация, либерализм, консерватизм, общественно-политическое движение, Д.И. Шаховской, М.Н. Катков, историография, А.В. Лубков.

References (Articles from Scientific Journals)

1. Lubkov, A.V. Knyaz D.I. Shakhovskoy: shtrikhi k portretu russkogo liberala [Prince Dmitriy I. Shakhovskoy: Some New Strokes to the Portrait of a Russian Liberal.]. *Prepodavanie istorii v shkole*, 2012, no. 1, pp. 39–42. (In Russian).

2. Lubkov, A.V. Knyaz Shakhovskoy i “Priyutinskiy proyekt” narodnoy shkoly v Rossii [Prince Shakhovskoy and the “Priyutinsky Project” for Public Schooling in Russia.]. *Vestnik VLGU. Seriya: Sotsialnye i gumanitarnye nauki*, 2014, no. 1 (1), pp. 5–12. (In Russian).

3. Lubkov, A.V. Kooperativnaya modernizatsiya Rossii nakanune revolyutsii 1917 g. [The Cooperative Modernization of Russia on the Eve of the 1917 Revolution.]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2007, no. 17, pp. 26–35. (In Russian).

4. Lubkov, A.V. Modernizatsiya strany i nekotorye problemy gumanitarnogo obrazovaniya [The Modernization of the Country and Some Problems of an Education in the Humanities.]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2010, vol. 2, no. 3, pp. 7–10. (In Russian).

5. Lubkov, A.V. “Otbrost vsyakuyu politiku i stat prosto patriotom” [“Reject All Politics and Become a Patriot.”]. *Prepodavatel XXI vek*, 2014, no. 3-1, pp. 9–15. (In Russian).

6. Tsvetkov, V.Zh. Mest i zakon [Revenge and the Law.]. *Rodina*, 2008, no. 3, pp. 14–18. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

7. Karpenko, S.V. Liberal M.V. Bernatskiy i belye generaly: Iz istorii finansovoy politiki pravitelstv A.I. Denikina i P.N. Vrangelya (1918 – 1920) [The Liberal Mikhail V. Bernatskiy and the White Generals: From the History of the Financial Policy of the Governments of A.I. Denikin and P.N. Wrangel, 1918 – 1920.]. *Trudy Istoriko-arkhivnogo instituta* [Proceedings of the Institute for History and Archives.]. Moscow, 2015, vol. 41, pp. 311–323. (In Russian).

8. Lubkov, A.V. Kooperativnaya model obnoveniya Rossii: dorevolutsionnyy opyt [A Cooperative Model for the Renewal of Russia: The Pre-Revolutionary Experience.]. *Modeli obshchestvennogo razvitiya Rossii: proyekty i avtory (vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.)* [Models of Social Development of Russia: Projects and Authors (Second Half of the 19th – Beginning of the 20th Centuries.).]. Moscow, 2006, pp. 136–156. (In Russian).

(Monographs)

9. Dumova, N.G. Kadetskaya partiya v period Pervoy mirovoy voyny i Fevral'skoy revolyutsii [The Kadet Party during the First World War and the February Revolution.]. Moscow, 1988, 244 p. (In Russian).

10. Fomin, S.V.; Gagkuev, R.G.; Balmasov, S.S. Graf Keller [Count Fyodor E. Keller.]. Moscow, 2007, 1142 p. (In Russian).

11. Gayda, F.A. Liberalnaya oppozitsiya na putyakh k vlasti (1914 – vesna 1917 g.) [The Liberal Opposition on the Road to Power, 1914 – Spring 1917.]. Moscow, 2003, 428 p. (In Russian).

12. Kuzmina, I.V.; Lubkov, A.V. Knyaz Shakhovskoy: Put russkogo liberala [Prince Shakhovskoy: The Way of a Russian Liberal.]. Moscow, 2008, 362 p. (In Russian).

13. Lubkov, A.V. Lichnost. Vremya. Obrazovanie: Stati i vystupleniya [Personality, Time, and Education: Articles and Speeches.]. Moscow, 2017, 318 p. (In Russian).

14. Lubkov, A.V. Mikhail Katkov: Molodye gody [Mikhail Katkov: The Youthful Years.]. Moscow, 2018, 256 p. (In Russian).

15. Lubkov, A.V. Voyna. Revolyutsiya. Kooperatsiya [War, Revolution, and Cooperation.]. Moscow, 1997, 261 p. (In Russian).

16. Lubkov, A.V. Solidarnaya ekonomika: Kooperativnaya modernizatsiya Rossii (1907 – 1914 gg.) [A Solidary Economy: The Cooperative Modernization of Russia, 1907 – 1914.]. Moscow, 2019, 272 p. (In Russian).

Author, Abstract, Key words

Vasiliy Zh. Tsvetkov – Doctor of History, Professor, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

tsvetcov@rambler.ru

The article analyses new monographs by modern Russian historian

Aleksey V. Lubkov. The analysis is done in the context of the key trends of the development of Russian historiography concerning Russian Revolution of 1917 in the period of the 1990s – 2000s. The author demonstrates the main directions of A. Lubkov's research in the area of the history of cooperation and socio-political movement in Russia in the late 19th – early 20th centuries. The article presents a broad review of the historian's works on the development and political activity of Russian cooperation, its tendency to occupy the leading positions in a number of sectors of Russia's economy, and to influence the government, which was the case in 1917.

In relation with the changes taking place in Russian historiography in the 1990s – 2000s special attention is paid to the way A. Lubkov treats liberal ideology and his contribution to the analysis of Russian liberalism. The historian investigated the specific featured of socio-political activity of little-known Russian liberals, such as Dmitriy I. Shahovskoy, and their involvement in the events of the Great Russian revolution and Civil War. Another direction of A. Lubkov's research is the transformation of liberal ideas under the influence of a sharpening political crisis in Russia in the late 19th century. Mikhail N. Katkov, a celebrated publicist and writer, is a vivid example, for that matter. This ideologist was able to depart from the extremes in the liberal political programmes and justify the feasibility and efficiency of reforms to be carried by the government itself with the support of the greater part of the population.

Russian Revolution of 1917, Russian Civil War, White Movement, cooperation, liberalism, conservatism, socio-political movement, Dmitriy I. Shakhovskoy, Mikhail N. Katkov, historiography, Aleksey V. Lubkov.

Научное издание

Новый исторический вестник

Младший редактор Я.В. Юркина
Компьютерная верстка А.В. Надточенко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Подписано в печать 30.09.2019
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11
Тираж 1 500 экз.

Издательство Ипполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон (495) 970-72-63
E-mail nivestnik@yandex.ru
Сайт www.nivestnik.ru